

ISSN 2712-9608

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2024. № 2 (Вып. 50)

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

Новосибирск

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2024. № 2 (выпуск 50)

Научный журнал

Электронное сетевое издание
ISSN 2712-9608

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2024. № 2 (Вып. 50)

Основан в 1993 г. Периодичность – 4 раза в год. Издаётся на русском и английском языках

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарева** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селюткина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
(по разделу «Лингвистика»)
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатова** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
(по разделу «Фольклористика»)
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
(по разделу «Лингвистика»)
К. В. Жданова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
(по разделу «Фольклористика»)

д-р филол. наук, чл.-корр. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН)
канд. искусствоведения, доцент **Н. В. Леонова** (НГК им. М. И. Глинки)
д-р филол. наук **И. А. Невская** (ИФЛ СО РАН)
Ph.D in systematic musicology **А. В. Никольский** (Frontiers Media, Швейцария)
д-р филол. наук **Н. Р. Ойроткинова** (ИФЛ СО РАН)
канд. филол. наук **Т. Р. Рыжикова** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР)
д-р филол. наук, проф. **С. Ж. Тажобаева** (Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилёва, Казахстан)
канд. филол. наук **Л. Н. Тыбыкова** (ГАГУ)
канд. филол. наук **Е. В. Тюттешева** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – председатель редакционного совета
д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ)
д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан)
д-р филол. наук, доцент **Л. С. Дампилова** (ИМБТ СО РАН)
д-р филол. наук **Н. И. Данилова** (ИГИИПМНС СО РАН)
д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии **З. Д. Джапуа**
(Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия)
д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН)
д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН)
д-р филол. наук **М. Олмез** (Стамбульский университет, Турция)
д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия)
канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международный совет
по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ИСТМ), Италия)
д-р филол. наук **А. Н. Чугунекова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)

ISSN 2712-9608

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт сетевого журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2024 – No. 2 (Issue 50)

Scientific Journal

An online electronic publication
ISSN 2712-9608

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA
2024. No. 2 (Iss. 50)

Founded in 1993. The Journal is issued four times a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary
K. V. Zhdanova (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)
N. V. Leonova, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory)
I. A. Nevskaya, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
A. V. Nikolsky, Ph.D in systematic musicology (Frontiers Media, Switzerland)
N. R. Oinotkinova, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
T. R. Ryzhikova, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
V. N. Solovar, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development)
S. Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Professor
(L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan)
L. N. Tybykova, Candidate of Philology (Gorno-Altai State University)
E. V. Tyuntешеva, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
L. A. Shamina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) –
Head of the Editorial council
A. E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS)
M. V. Bavuu-Syuryun, Doctor of Philology (Tuvan State University)
F. Y. Veysalli, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan)
L. S. Dampilova, Doctor of Philology, Docent
(Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS)
N. I. Danilova, Doctor of Philology
(Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS)
Z. D. Dzhapua, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia
(D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia)
V. L. Klyaus, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS)
M. G. Kondratyev, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities Studies)
M. Olmez, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey)
E. K. Skribnik, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany)
G. B. Sychenko, Candidate of Art Studies, Docent
(International Council for Traditional Music (ICTM), Italy)
A. N. Chugunekova, Doctor of Philology
(Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2712-9608

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Official website: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Лексикология

- Чимитдоржиева Г. Н.** (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)
Образы движения в редупликатах бурятского языка 9–19
- Ондар М. В.** (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)
Лексические особенности и функциональная роль парных слов
в героических сказаниях тувинцев 20–32
- Ерленбаева Н. В., Сарбашева С. Б.** (ГАГУ, Горно-Алтайск)
Наименования домашних животных в алтайском языке
и его диалектах 33–49

Синтаксис

- Журавлев Н. В.** (ИФЛ СО РАН, Новосибирск)
Модели предложений количества в кетском языке 50–63
- Чепрасова А. А.** (ИФЛ СО РАН, Новосибирск)
Бытийно-локативные предложения в корякском языке 64–74

Социолингвистика

- Боргоякова Т. Г., Донгак Ч. Б.** (Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
Абакан; Тувинский государственный университет, Кызыл)
Развитие билингвизма в Республике Тыва: дихотомия ценностей
прагматизма и идентичности 75–86

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Повествовательный фольклор

- Ойноткинова Н. Р.** (Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск)
Представители семейства кошачьих в лингвокультуре и мифологии
алтайцев 87–99

Языковые особенности фольклора

- Дампилова Л. С.** (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ)
Базовые этнические модели в формульных выражениях бурят 100–108

Фольклорный текст: комментирование и эдичия

- Кузьмина Е. Н.** (Институт филологии СО РАН, Новосибирск)
Научное издание эпоса в бурятской фольклористике: новая книга улигеров 109–119

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Лемская В. М., Токмашев Д. М., Зимин М. М., Кузьмина А. И.** (ТГПУ, Томск, Россия)
Полевые исследования чулымско-тюркского языка:
история и экспедиции 2023 г. 120–130
- Кляус В. Л.** (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва)
Кукла с золотыми глазами: об одном уникальном забайкальском сказочно-мифологическом сюжете в фольклоре местнорусских Монголии 131–144

CONTENTS

LINGUISTICS

Lexicology

- Chimitdorzhieva G. N.** (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude)
Images of movement in reduplicates of the Buryat languages 9–19
- Ondar M. V.** (Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg)
Lexical features and functional role of paired words in heroic tales of Tuvans 20–32
- Erlenbaeva N. V., Sarbasheva S. B.** (Gorno-Altai State University, Gorno-Altai)
Names of domestic animals in the Altai language and its dialects 33–49

Syntax

- Zhuravlev N. V.** (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Models of quantity sentences in the Ket language 50–63
- Cheprasova A. A. (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Existential and locative models of elementary simple sentences in Koryak language 64–74

Sociolinguistics

- Borgoiakova T. G., Dongak Ch. B.** (Katanov Khakass State University, Abakan; Tuvan State University, Kyzyl, Russia)
Development of bilingualism in the Republic of Tuva: dichotomy of pragmatism and identity values 75–86

FOLKLORISTICS

Narrative folklore

- Oinotkinova N. R.** (Gorno-Altai State University, Gorno-Altai)
Representatives of the family Felidae in the linguoculture and mythology
of the Altaians 87–99

Linguistic features of folklore

- Liudmila S. Dampilova** (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude)
Basic ethnic models in the formulaic expressions of the Buryats 100–108

Folklore text: commentary and edition

- Kuz'mina E. N.** (Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation)
Scientific edition of the epic in Buryat folklore: a new book of uligers 109–119

FIELD RESEARCH

- Lemskaya V. M., Tokmashev D. M., Zimin M. M., Kuzmina A. I.** (Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia)
Field studies of the Chulym-Turkic language: history and 2023 field trips 120–130

- Vladimir L. Klyaus** (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Moscow)
A Doll with Golden Eyes: About a Unique Fairy-Tale-Mythological Plot
in the Folklore of Russians in Mongolia 131–144

ЛИНГВИСТИКА

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 811.512.31

DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-9-19

Образы движения в редуликатах бурятского языка

Г. Н. Чимитдоржиева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Статья посвящена описанию образного осмысления типов передвижения / перемещения посредством редуликатов лексико-семантической группы «движение» в бурятском языке в рамках изучения различных аспектов тематической дифференциации редуликативных образований в бурятской лексической системе. В семантике редулицированных слов, выражающих характеристики движущегося субъекта, отражены, помимо формы и размера, также и несовершенство внешнего облика (лохматый, полный, сутулый, хромой), неестественные и колебательные, покачивающиеся движения, вызванные в основном хромотой, сутулостью. Среди анатомических отличительных черт субъекта, относящихся к голове, ногам и телу, практически отсутствуют образы, связанные с руками. По технике и способам передвижения в основном отражены те, которые отличаются от нормы либо бросаются в глаза (раскорячившись, качаясь, вразвалку, неуклюже, едва-едва, еле-еле, семенить, вприпрыжку, плавно, важно).

Ключевые слова

бурятский язык, редуликация, образные слова, внешний образ, дивергенция, лексико-семантическая группа, движение

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Чимитдоржиева Г. Н. Образы движения в редуликатах бурятского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 9–19. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-9-19

Images of movement in reduplicates of the Buryat languages

G. N. Chimitdorzhieva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract

The reduplication phenomenon is not a common object of study in Buryat linguistics, nor is the nature of figurative words. However, figurative words in reduplicated form can be found in various languages. This article examines the reduplicated sound-symbolic words in the Buryat language that reflect the figurative charac-

© Г. Н. Чимитдоржиева, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024, no. 2 (iss. 50)

teristics of moving objects, focusing specifically on their structure and semantics. The author studied a selection of around 150 words taken from the Buryat-Russian dictionary. The morphological analysis has identified productive and less productive types of reduplicates, as well as some isolated examples of other structural types. A few examples of divergent reduplication have been identified. This study specifies the issue of distinguishing between reduplicated words with divergent reduplication and paired words. Reduplicated figurative words denoting non-standard gait types provide integrated perceptual images. Their nomination is based on distinctive features of a denotate perceived mainly by sight. Of significance are the following parameters of the subject: physical characteristics, shape peculiarities, and movement style. Reduplicated terms primarily display visual deviations, portraying artificial, oscillatory, or unsteady movements. These movements involve unique gaits, like wide leg positioning, swaying, waddling, awkward walking, delicate steps, skipping, fluid strides, or confident swaggering. The process of reduplication plays a significant role in shaping the semantic meaning of figurative terms, establishing a correlation between the concepts of repetition and multiplicity. More precisely, it designates the qualities of subjects in motion and articulates the meaning of cyclical movement, numerous spatial shifts, and prolonged, repetitive actions.

Keyword

Buryat language, reduplication, figurative words, external image, divergence, lexical-semantic group, movement

For citation

Chimitdorzhieva G. N. Obrazy dvizheniya v reduplikatakh buryatskogo yazyka [Images of movement in reduplicates of the Buryat languages]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 9–19. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-9-19

Введение

Монгольские языки обладают развитой изобразительной системой, широким спектром разных корней, в основе которых заключена перцептивная информация. Все эти слова служат для передачи деталей, оттенков и нюансов различных предметов, явлений, качеств, действий, порой отличающихся друг от друга едва заметными, незначительными признаками. Таким образом, они формируют богатый лексический фонд языка.

Семантический критерий позволил разбить большинство изобразительных слов бурятского языка на несколько семантических групп: различного рода шумы (как правило, повторяющиеся или длительные – ‘грохот’, ‘гром’, ‘гул’, ‘стук’, ‘хруст’, ‘треск’, ‘шуршание’, ‘звон’, ‘бульканье’, ‘скрип’, ‘скрежет’, ‘бряканье’, ‘тарактение’ и пр.); световые явления (‘мигание’, ‘блеск’, ‘сверкание’, ‘мерцание’, ‘вспышка’, ‘искра’, ‘мельтешение’ и т. д.); свойства поверхности и неправильная форма объекта (‘шершавый’, ‘неровный’, ‘пестрый’, ‘порванный’, ‘в лоскутьях’, ‘кривой’, ‘лохматый’, ‘растрепанный’, ‘корявый’, ‘торчащий’, ‘перекошенный’ и т. д.) и др. Одну из таких семантических групп изобразительных слов составляют лексемы, обозначающие разные виды нестандартной походки и движения (‘шатаясь’, ‘покачиваясь’, ‘плавно’, ‘важно’, ‘неуклюже’, ‘хромая’, ‘вприпрыжку’, ‘вразвалку’ и др.) [Шагдаров 1962: 140–141; Сундуева 2011; Дырхеева и др. 2014: 99–140].

Значения интересующей нас группы слов передают зрительные образно-оценочные характеристики движущегося субъекта, манеру, стиль его передвижения, например, походку: *лапар-лапар алхалха* ‘пружинисто шагать’. При этом значения таких лексем могут содержать и внешние анатомические особенности движущегося субъекта, например: *маяг-маяг гэжэ ябах* ‘прихрамывать, хромать’ (о походке кривоногого человека).

В вопросе о формировании семантики изобразительных слов наиболее тривиальным является изучение звукоподражаний, образованных благодаря восприятию звуков слуховым сенсором, и нет полной ясности относительно номинации образных слов, в основе которых отличительные признаки денотата воспринимаются в любой иной сенсорной модальности. В основе номинации звуко-символических слов, где звуковая форма возникла как подражание незвуковым образам (зрительным, обонятельным, вкусовым, тактильным, эмоциональным), лежит основанная на подобии связь формы и его значения, которая возможна благодаря устойчивым связям между некоторыми звуками и значениями [Воронин 2006: 87–88]. Такой «семантиче-

ский» набор в фонемном составе отражает сенсорно-эмоциональное отношение к денотату. Небольшая группа образных слов в бурятском языке имеет общую основу (корни) с необразными глаголами [Шагдаров 1962: 105]. Однако вполне вероятно, что начальная денотация такого образного слова (до появления различных его переосмыслений) все же фонетически мотивирована. Как отмечает С. В. Воронин, в ходе эволюции звуко-символические слова обычно утрачивают свою первоначальную семантическую и функциональную ограниченность, «смешиваясь» со словами незвукоизобразительной сферы [Там же]. В данном случае при выявлении мотивации может оказать помощь этимологический анализ.

Эти фонетически мотивированные слова нередко образованы при помощи редупликации [Воронин 2006: 89; Рожанский 2011: 106]. Вопрос о редупликации в образных словах возникает часто, поскольку атрибутивы в удвоенном виде встречаются во многих языках. Появление редупликации в таких словах естественно: она либо обозначает высокую степень некоторого признака, либо выражает многократность того или иного действия. Такие классы слов, как звуко-подражания, образные, подзывные слова и детская лепетная речь, включают в себя большое количество редуплицированных лексем. Поэтому редупликация является надежным критерием для их распознавания, при этом она обладает определенной спецификой.

Редупликация, как и символика звука, участвует в формировании семантики образных слов, проявляя связь с образами повторения и множественности. Редупликация образных слов, обозначающих характеристики движущихся субъектов, выражает семантику циклического движения – многократного изменения положения объекта в пространстве, т. е. продолжительного действия, которое неоднократно повторяется: *дохиг-дохиг* ‘о походе, сопровождающейся кивком головы при каждом шаге’; ср. с выражением однократного действия: *дохид* (или *дохис*) *гэхэ* ‘кивнуть головой’ < *дохихо* ‘кивать головой; наклонять (голову)’.

Цель данного исследования – выявление структурных и семантических особенностей образных слов тематической сферы «движение» в бурятском языке, обозначающих отличительные образные характеристики движущихся объектов, представленных удвоенными словами.

Материалом настоящего исследования являются редупликативные образования, отобранные методом сплошной выборки из двухтомного «Бурятско-русского словаря» [Шагдаров, Черемисов 2010]. Выборка составила около 150 редупликатов. При этом она, безусловно, не является полной в силу продуктивности способа образования подобной окказиональной лексики, не представленной в словарях. Тем не менее приведенные в работе редупликативы дают представление о тематической дифференциации слов, образованных данным способом.

Результаты и обсуждение

Редуплицированные образные слова имеют определенную морфонологическую CV-структуру. Каждый сегмент редуплицированного слова может состоять из одного, двух или трех слогов, а состав звуков и их сочетаемость позволяют сгруппировать слова по типовому сходству. В двусложных словах с окончанием в виде VC конечный согласный представлен в основном *-р*, *-г*, а в трехсложных в конце отмечается аффикс *-га*. Удвоение большинства бурятских образных слов, обозначающих особенности движения, имеет следующие структурные типы (долгие гласные мы рассматриваем здесь как один гласный):

CVCVC-CVCVC

бидар-бидар ‘о походе человека с откинутой головой и выпяченным животом’;
гүхэр-гүхэр гэхэ ‘о походе сутулого человека’;
дохиг-дохиг ‘о походе, сопровождающейся кивком головы при каждом шаге’;
дүхэр-дүхэр, зүхэр-зүхэр ябаха ‘ходить, кивая, покачивая головой’;
дээхэг-дээхэг гэхихэхэ ‘шагать, высоко поднимая ногу’;
ёрог-ёрог гэхэ ‘двигаться с прыском, идти вприпрыжку (о ком-л. долговязом)’;
лапар-лапар ябаха ‘пружинисто шагать’;
маахар-маахар ‘тяжело ступать, неуклюже шагать’;
маяг-маяг ‘о походе кривоногого человека’;

муяг-муяг, муяг-маяг ‘о походке человека на полусогнутых ногах, с согнутыми в коленях ногами’;

нахир-нахир, нахис-нахис ‘о мягкой, плавной походке’;

табар-табар, табар-түбэр алхалха ‘шагать, топая ногами (или стуча каблуками)’;

тохиг-тохиг гэхэ ‘о походке сухощавого сутулого человека’;

хобиг-хобиг алхалха ‘семенить (о ком-л. высоком и тощем)’;

хобир-хобир гэихэлхэ ‘семенить (об овцах)’;

хотор-хотор гэихэлхэ ‘идти, плавно ступая’;

халир-халир, халир-хулир ‘с трудом шагать, передвигаться; еле волочить ноги, кое-как тащиться’;

хүдэл-хүдэл гэхэ ‘(едва) перебирать ногами; чуть-чуть прихрамывать’;

хэмэр-жэмэр ябаха ‘идти плавной походкой’;

ёохор-еэхэр, еэхэр-еэхэр ‘о ёхоре – круговых танцах с песнями’.

CVCCVC-CVCCVC

балсар-балсар ‘о походке толстого, пухлого существа (ребенка, медвежонка)’;

бүлхэр-бүлхэр ‘о походке круглого человека’;

бүмбэр-бүмбэр гэхэ ‘о пружинящей походке, двигаться, перекачываться (о маленьких круглых существах)’;

гэлжэр-галжар гэжэ ябаха ‘шагать неуклюже’;

гульбар-гульбар, гульбир-гульбир, гулбир-гулбир гэжэ ябаха ‘ходить вразвалку, вяло и развинченно’;

дүгдэг-дүгдэг ‘подпрыгивая, вприпрыжку (о походке)’;

зантар-зантар ябаха ‘ходить, покачивая большой головой’;

зойгор-зойгор гэихэлхэ ‘идти, раскачиваясь (например, о верблюде)’;

мушхас-мушхас гэихэлхэ ‘шагать, плавно изгибая корпус’;

найгаг-найгаг, найгар-найгар алхалха (гэихэлхэ) ‘шагать, качаясь, раскачиваясь’;

сулсаг-сулсаг ‘о движении кого-л. (чаще, ребенка) с пухлой щекой’;

сэлхэр-сэлхэр ‘о движении, беге чересчур полного человека’;

хүбхэг-хүбхэг ‘о движениях кого-чего-л. легковесного, пухлого’;

набхар-набхар, набхар-нэбхэр ‘о быстром беге (например, лисицы, медведя)’;

халжар-халжар ябаха, халжар-хулжар ‘идти вразвалку (размахивая руками)’;

хобхор-собхор ‘прыжками, вприпрыжку (о беге волка)’;

хэгсэр-хэгсэр ‘о движении кого-л. пушистого, лохматого (например, собаки)’.

(C)VCCVCV-(C)VCCVCV

зантага-зантага алхалха ‘шагать, покачивая большой головой’;

ондого-ондого, ондого-сондого гэхэ ‘вприпрыжку (о беге); подпрыгивая, вперевалку (о машине)’;

дэнхэгэ-дэнхэгэ, дэнхэгэ-данхага ‘о движениях вверх и вниз (кого-чего-л. очень высокого, рослого и неуклюжего)’;

дэнхэгэ-данхага хуун бодон хатарха ‘плясать вприсядку (о ком-л. высоком, рослом и неуклюжем)’;

ёмбого-ёмбого гэхэ ‘двигаться вверх и вниз (о выпуклом, например, о большом кадыке; о ком-л. с выступающими, выпуклыми щеками)’;

орбого-торбого, орбого-сорбого ‘о движении кого-чего-л. лохматого’;

дорбого-дорбого гэхэ ‘двигаться, шевелиться (о чем-н. оттопыренном, выпяченном)’;

согсого-согсого ябаха ‘идти вприпрыжку’;

халбага-халбага ябаха ‘двигаться, переваливаясь с боку на бок (о ком-чем-л. широко, мешковатом)’;

халхаг(а)-халхаг(а) ‘о виде мешкообразной одежды при ходьбе человека’;

хондого-хондого харайха ‘бежать, взбрасывая задом (о зайце)’;

һалхига-һулхига ‘вяло, разболтанно (о движении)’.

Несколькими примерами представлены следующие типы:

CVC-CVC

сэл-сэл хатарха ‘бежать рысью, раскачиваясь’;

сэл-сэл гээжэ ябаха ‘идти вразвалку’;

пос-пос гэишэлхэ ‘грузно ступать’;

дэб-дэб харайха ‘пружинисто прыгать (например, о косулях)’.

CVCV-CVCV

баба-баба гэхэ ‘шевелиться (о ком-чем-л. лохматом)’;

бэбэ-бэбэ ‘о движении нагнувшегося, замерзшего существа’;

гада-гада, газа-газа ‘важно, осанисто (шагать)’;

муха-муха, мухар-мухар ‘о движении кого-л. с комолой головой’;

папа-папа ‘о движениях кого-чего-л. косматого, лохматого, пушистого’;

хаби-хаби ‘о походке поджарого существа’;

хапи-хапи ‘о размашистой походке’;

шаха-шаха ‘о движении кого-л. с короткой шеей’;

шүмэ-шүмэ ‘о движении кого-л. остромордого или чего-л. остроконечного’.

CVCCV-CVCCV

барба-барба ‘о походке лохматого, черного, движущегося в темноте’;

бэгзэ-бэгзэ, бүгзэ-бүгзэ ‘о походке неуклюжего, замерзшего или чем-то стесненного в своих действиях человека’;

гальба-гульба, гульба-гульба ‘о вялой, развинченной или разболтанной походке’;

дальба-дальба ‘о движении болтающихся отвислых ушей’;

занта-занта ябаха ‘ходить, покачивая большой головой’;

сагна-сагна ‘о надменной поступи’;

һагса-һагса ‘о движении кого-л. взлохмаченного, взьерошенного’;

ялта-ялта, ялта-ёлто, ялтаг-ялтаг ‘о переваливающейся с боку на бок походке сильно хромающего (человека).

VCCV-VCCV

арба-арба ‘о движении кого-чего-л. растопыренного’;

игза-игза, ирза-ирза ‘о движении кого-л. в тесной одежде’;

унжа-унжа ‘о движении кого-л. долговязого или чего-л. растянутого’;

үгсэ-үгсэ ‘мешковато, неуклюже (о подскакивании в седле при езде)’;

үрзэ-үрзэ ‘о движении кого-л. с взлохмаченными, беспорядочно торчащими волосами’.

VCVC-VCVC

ибар-ибар гэишэлхэ ‘семенить, идти мелкими и быстрыми шагами’ и др.

Также встречаются единичные примеры следующих структурных типов:

ээбэ-ээбэ ‘неуклюже, едва-едва (о движении больного или замерзшего человека)’;

ааба-ааба, ээбэг-аабаг, аабагад-аабагад, аабаган-аабаган, аабагар-аабагар, ээбэгэр-ээбэгэр ‘неуверенно, еле-еле, кое-как (о начинающем ходить ребенке); с трудом двигаться’;

таабагад-таабагад, таабагас-таабагас (алхалха) ‘(шагать) с важным-преважным видом’;

атир-тутир алхалха ‘шагать покачиваясь’;

астагар астагар алхалха ‘шагать, широко расставляя ноги’;

огсогод-огсогод гээд гүйхэ ‘бежать вприскок (о зайце)’;

пэишэгэр-пэишэгэр гүйлдэхэ ‘бежать с шумом (или топотом; о лошадях)’;

доёго-доёго ‘о неуклюжей хромоте при быстрой ходьбе или беге’;
доёго-доёго гэхэ ‘двигаться, шевелиться (о чем-н. оттопыренном, выпяченном)’;
юдэгэ-юдэгэ ‘о походке высокого человека’;
паадага-паадага ябаха (хүдэлхэ) ‘двигаться, ходить (о ком-л. приземистом)’;
орьёисо-торьёисо гүйхэ ‘бежать во весь дух (о верблюде)’;
пашархай-ташархай харайлдаха ‘скакать (на лошади) с громким топотом’ и др.

Важным признаком, характеризующим редупликацию, является изменение в звуковом составе редуплицируемого сегмента, или дивергенция. Для образных звукосимволических слов характерна дивергенция в большей степени, чем, например, для звукоподражаний. Из 150 рассмотренных слов около 15 % составляют дивергентные редупликации. При изучении вопроса правил замены звуков наблюдается, что в сегментах происходит в основном замена гласных:

а → **у**: *атир-тутир*, *гальба-гульба*, *халир-хулир*, *халхига-хулхига*, *харшага-хуршага*, *табар-түбэр*;

э → **а**: *ээбэг-аабэг*, *гэлжэр-галжар*, *дэнхэгэ-данхага*;

а также *муяг-маяг*, *хобхар-хэбхэр*, *ёохор-еэхэр*.

Лишь в незначительном числе примеров различаются согласные (*хобхор-собхор*, *хэмэр-жэмэр*, *пашархай-ташархай*) либо во втором сегменте появляется согласный (*атир-тутир*, *ондого-сондого*, *орбого-сорбого*, *орбого-торбого*, *орьёисо-торьёисо*). В данных примерах один из компонентов, как правило второй, не имеет собственного лексического значения и является созвучным неидентичным вариантом слова.

При рассмотрении дивергентной редупликации встает вопрос разграничения редуплицированных слов с дивергенцией и парных слов, поскольку многие парные слова с фонетической точки зрения являются подобием рифмы и выглядят как ложные редупликаты с дивергенцией. Например, *алсага-ялтага гэжэ ябаха* ‘идти, раскорячившись и хромя на одну ногу’, *гуйбар-гайбар гэлдэхэ* ‘качаться (на ходу)’, *маяг-таяг гэхэ* ‘прихрамывать, хромять’, *ондого-сондого* ‘вприпрыжку (о беге)’, *хондого-ёндого гэхэ* ‘о движениях гневливой женщины с выступающим задом’, *хэлтэ-ялта* ‘о переваливающейся походке хромого’, *хэлтэг-ялтаг гэихэлхэ* ‘идти вперевалку (о хромом)’, *хэлтэр-ялтар ябаха* ‘идти, хромя на обе ноги’, *хэлтэс-ялтас* ‘переваливаясь, вразвалку’; *ялта-ёлто* ‘о походке хромого’. Данные примеры демонстрируют соединение двух синонимичных слов, где наблюдается не только сходство фонетического облика, но и соотносённость в семантическом плане.

Сложность состоит в определении того, что представляют собой те или иные примеры. Решение их спорного статуса возможно при изучении этимологии компонентов. Всегда ли созвучные, но немного отличающиеся друг от друга слова являются результатом дивергентной редупликации? Или это парные слова, которые в ходе развития утратили свое лексическое значение и сейчас рассматриваются нами как редупликация с дивергенцией? Какой у них исходный коррелят? Или подобные парные слова когда-то образовались от редуплицированных форм, где промежуточным этапом явилась дивергентная ее форма, впоследствии породившая слово с самостоятельным значением? На данную проблему ранее уже обращали внимание другие исследователи [Алиева 1980: 13–14; Рожанский 2011: 49–50]. В монголоведении проблему различения редуплицированных и парных слов также отмечали в своих работах А. А. Дарбеева [1969: 91–93]; Б. Пүрэв-Очир [1998: 90].

Как мы уже упоминали выше, семантический критерий (наличие общих семантических компонентов) позволил выделить среди редуплицированных образных слов группу, куда входят лексемы, обозначающие разного рода нестандартные походки и движения. В основе их номинации заложен отличительный признак денотата, воспринимаемый в основном зрением. В эту группу входят слова, которые передают сложный образ, сочетающий в себе разные сенсорные каналы восприятия (визуальный, слуховой и др.). Отражая специфику передвижения субъектов, редуплицированные образные слова представляют интегрированные перцептивные образы – выражают характеристики передвигающегося субъекта в комплексе, поскольку данный процесс являет собой целостный двигательный акт, который осуществляется в результате согласованно-

го участия тела и конечностей. Примеры отчетливо показывают, что значимыми являются не столько факт передвижения, сколько собственно параметры субъекта: его размер, форма, способ перемещения, особенности очертаний и анатомического строения субъекта. И потому при переводе таких слов на другой язык возникают сложности для передачи точного эквивалента. К тому же их интерпретация индивидуальна: носители языка не всегда могут точно передать значение образного слова, а их использование варьируется в зависимости от того, какая характеристика определена как важная. Так, например, Е. В. Сундуева в одной из своих работ приводит песенные строки из ёхора с примерным переводом: *Хатар, хатар наадая / Хайбайн-хойбойн хатарая, / Ёохор, ёохор наадая / Ёмпойн-ёмпойн хатарая!* 'Давайте танцевать, танцевать, / Давайте раскачиваться из стороны в сторону, двигаясь мелкими шагами, / Давайте водить хоровод, / Давайте танцевать с сосредоточенными лицами' [Сундуева 2015: 160]. Перевод этих строк в нашем варианте возможен как 'Давайте танцевать, танцевать, / Давайте танцевать, покачиваясь мерно, двигаться мелкими шагами, / Давайте водить хоровод, хоровод, / Давайте танцевать с важным видом, поджав губы'.

Особенности перемещения субъекта в пространстве, характеризующие манеру и стиль его передвижения, а также внешние данные движущегося субъекта позволяют условно разбить выражающие их редупликаты на ряд подгрупп. Это физические параметры тела и его частей (форма, размер, тело, голова, руки, ноги), участвующие в формировании образа движущегося субъекта, а также их особенности, которые отражают физическое совершенство или его отсутствие, беспорядок во внешнем облике:

а) форма, размер, общие очертания тела:

– высокий, долговязый:

дэнхэгэ-дэнхэгэ, дэнхэгэ-данхага 'о движениях вверх и вниз (кого-чего-л. очень высокого, рослого и неуклюжего)';

ёрог-ёрог гэхэ 'двигаться с прискоком (о ком-л. долговязом)';

юдэг(э)-юдэг(э) 'о походке высокого человека';

унжа-унжа 'о движении кого-л. долговязого или чего-л. растянутого';

унжар-унжар харайжа ябаха 'бежать большими прыжками (о пластающемся в беге волке)';

хобиг-хобиг алхалха 'семенить (о ком-л. высоком и тощем)';

– худой:

тохиг-тохиг 'о походке сухощавого сутулого человека';

хаби-хаби 'о походке поджарого существа';

хобиг-хобиг алхалха 'семенить (о ком-л. высоком и тощем)';

– сутулый, замерзший, стесненный:

бүгзэ-бүгзэ 'о походке неуклюжего, замерзшего или чем-то стесненного в своих действиях человека';

бэбэ-бэбэ, бэгзэ-бэгзэ 'о движении согнувшегося или замерзшего существа';

ээбэ-ээбэ 'неуклюже, едва-едва (о движении больного или замерзшего человека)';

гүхэр-гүхэр гэхэ 'о походке сутулого человека';

тохиг-тохиг 'о походке сухощавого сутулого человека';

урша-бурша 'о движении сморщенного существа';

– круглый, полный, пухлый:

балсар-балсар 'о походке толстого, пухлого существа (например, ребенка, медвежонка)';

бүмбэр-бүмбэр гэхэ 'о пружинящей походке, двигаться, перекачиваться (о маленьких круглых существах)';

бүлхэр-бүлхэр 'о походке кругленького человека';

сэлхэр-сэлхэр 'о движении, беге чересчур полного человека';

хүбхэг-хүбхэг 'о движениях кого-чего-л. легковесного, пухлого';

– выпяченное, оттопыренное, выступающее:

бидар-бидар 'о походке человека с откинутой головой и выпяченным животом';

доёго-доёго гэхэ, дорбого-дорбого гэхэ 'двигаться, шевелиться (о чем-н. оттопыренным, выпяченным)';

хондоого-ёндого гэхэ 'о движениях гневливой женщины с выступающим задом';
хондоого-хондоого харайха 'бежать, взбрасывая задом (о зайце)';
– лохматый, косматый:
арба-арба, арбаг(а)-арбаг(а) 'о движении кого-чего-л. растопыренного';
барба-барба 'о походке кого-чего-л. лохматого, черного и движущегося в темноте';
баба-баба, орбоого-торбоого, орбоого-сорбоого 'о движении кого-чего-л. лохматого';
папа-папа 'о движениях кого-чего-л. косматого, лохматого, пушистого';
үрзэ-үрзэ 'о движении кого-л. с взлохмаченными, беспорядочно торчащими волосами';
һагса-һагса 'о резких движениях кого-л. взлохмаченного';
һэгсэр-һэгсэр 'о движении кого-л. пушистого, лохматого (например, собаки)';
эрбэ-эрбэ 'о движении или легком мелькании кого-чего-л. растопыренного или развилистого';
б) форма головы и ее частей, положение и движение головой во время перемещения:
бидар-бидар 'о походке человека с откинутой головой и выпяченным животом';
гэлжэ-гэлжэ, гэлжэр-галжар 'неуклюже' (о неуклюжем движении шеи)';
дохиг-дохиг 'о походке, сопровождающейся кивком головы при каждом шаге';
занта-занта ябаха 'ходить, покачивая большой головой (головастый, большеголовый); идти развинченной походкой';
дүхэр-дүхэр, зүхэр-зүхэр ябаха 'ходить, кивая головой';
муха-муха, мухар-мухар 'о движении кого-л. с комолой головой';
сулсаг-сулсаг 'о движении кого-л. (чаще ребенка) с пухлой щекой';
шаха-шаха 'о движении кого-л. с короткой шеей';
шүмэ-шүмэ 'о движении кого-л. остромордого или чего-л. остроконечного';
в) участие рук при движении:
һээзэг-һээзэг ябаха 'ходить, откинувшись назад корпусом, прихрамывая, размахивая руками';
һалжар-һалжар ябаха 'идти вразвалку (размахивая руками)';
г) особенности анатомии нижних конечностей, характер движения ногами:
– хромой, кривоногий доёг(о)-доёг(о) 'о неуклюжей хромоте при быстрой ходьбе или беге';
маяг-маяг 'о походке кривоногого человека';
маяг-таяг гэхэ 'прихрамывать, хромать';
муяг-муяг 'о походке человека на полусогнутых ногах, с согнутыми в коленях ногами';
хэлтэ-ялта, хэлтэг-ялтаг, хэлтэр-ялтар, хэлтэс-ялтас 'вперевалку (о походке хромого), переваливаясь, вразвалку';
һээзэг-һээзэг ябаха 'ходить, откинувшись назад корпусом, прихрамывая, размахивая руками';
ялта-ялта, ялта-ёлто, ялтаг-ялтаг 'о переваливающейся с боку на бок походке сильно хромающего (человека)';
– неуклюже, раскорячившись, едва-едва, еле-еле:
алса-алса, алсаг-алсаг, алсага-ялтага 'раскорякой (шагать), раскорячившись';
алсар-алсар гэхэ, астагар астагар алхалха 'идти, шагать, широко расставляя ноги';
дээхэг-дээхэг гэхэхэ 'шагать, высоко поднимая ногу';
ааба-ааба, аабаг(ад)-аабаг(ад), аабан-аабан, аабас-аабас, аабаган-аабаган, аабагар-аабагар 'неуверенно, неуклюже, едва-едва, еле-еле, кое-как (о начинающем ходить ребенке)';
ээбэг-аабаг гэхэ 'едва, с трудом, неуклюже вперевалочку двигаться, еле-еле держаться (на ногах)';
маахар-маахар гэхэхэ 'тяжело ступать, неуклюже шагать';
һалир-һалир, һалир-һулир алхалха 'с трудом шагать, тащиться, плестись';
һүдэл-һүдэл гэхэ '(едва) перебирать ногами; чуть-чуть прихрамывать';
– качаясь, вразвалку:
атир-тутир алхалха 'шагать, покачиваясь';
гуйбар-гайбар гэлдэхэ 'качаться (на ходу)';
найгаг-найгаг, найгар-найгар алхалха (гэхэхэлхэ) 'шагать, качаясь, раскачиваясь';
гальба-гульба, гульба-гульба гэхэ 'о вялой, развинченной или разболтанной походке';
гульбар-гульбар, гульбир-гульбир гэхэ 'ходить вразвалку';

дэндэгэ-дэндэгэ гэхэ 'шататься, качаться (о ком-чем-л. высоком, тонком, например, о ножках)';
 занта-занта ябаха 'ходить, покачивая большой головой; идти развинченной походкой';
 сэл-сэл гэжэ ябаха 'идти вразвалку, раскачиваясь';
 халжар-халжар ябаха 'идти вразвалку (размахивая руками)';
 – неуклюже, мешковато:
 үгсэ-үгсэ 'неуклюже, мешковато (о подскакивании в седле при езде)';
 халбага-халбага ябаха 'двигаться, переваливаясь с боку на бок (о ком-чем-л. широком, мешковатом)';
 халхаг(а)-халхаг(а) 'о ходьбе человека в мешкообразной одежде';
 – семенить:
 ибар-ибар гэихэлхэ 'семенить, идти мелкими и быстрыми шагами';
 хобиг-хобиг (алхалдаха) 'семенить (о ком-л. высоком и тощем)';
 хобир-хобир гэихэлхэ 'семенить (об овцах)';
 хүдэл-хүдэл гэхэ '(едва) перебирать ногами; чуть-чуть прихрамывать';
 – вприпрыжку, пружинисто:
 бумбэр-бумбэр гэхэ 'о пружинящей походке, двигаться, перекачываться (о маленьких круглых существах)';
 дүгдэг-дүгдэг 'подпрыгивая, вприпрыжку (о походке)';
 ёрог-ёрог гэхэ 'двигаться с прискоком, идти вприпрыжку (о ком-л. долговязом)';
 лапар-лапар (алхалха) 'пружинисто (шагать)';
 огсогод-огсогод гүйхэ 'бежать вприпрыжку (например, о зайце)';
 ондого-ондого 'вприпрыжку (о беге)';
 согсого-согсого ябаха 'идти вприпрыжку';
 – плавно:
 нахид-нахид, нахир-нахир гэхэ 'пружиниться; идти плавно (о мягкой (или плавной) походке), гибко, пластично двигаться';
 нахис-нахис алхалха 'плавно шагать';
 хотор-хотор гэихэлхэ 'идти, плавно ступая';
 хэмэр-жэмэр ябаха 'идти плавной походкой';
 – важно:
 гада-гада, газа-газа 'важно, осанисто (шагать)';
 сагна-сагна 'о надменной поступи';
 таабагад-таабагад, таабагас-таабагас (алхалха) '(шагать) с важным-преважным видом'.
 В бурятском языке образные слова-редупликации, связанные с перемещением субъекта, занимают в предложении позицию непосредственно перед предикатом. Эти слова часто сочетаются с глаголами с семантикой движения: *ябаха* 'ходить; идти, ехать', *алхаха*, *алхалха*, *гэихэхэ*, *гэихэлхэ* 'шагать, ступать, идти пешком', *гүйхэ* 'бежать', *хүдэлхэ* 'двигаться', *харайха*, *харайлдаха* 'скакать'. Иногда они образуют синтаксические связи посредством вспомогательного глагола *гэхэ*, который переводится по значению редуцированных слов. Например: *бидар-бидар гэжэ ябаха* 'о походке человека с откинутой головой и выпяченным животом', *астагар астагар алхалха* 'шагать, широко расставляя ноги', *дүхэр-дүхэр гэихэлхэ* 'шагать, кивая головой', *дэндэгэ-дэндэгэ гэхэ* 'шататься, качаться', *занта-занта гүйхэ* 'бежать, качая большой головой', *нахир-нахир гэихэлхэ* 'идти мягкой (или плавной) походкой' и т. д.

Заключение

Таким образом, в бурятском языке CV-структура большинства удвоенных слов, представляющих образы движения, имеет следующие типы: CVCVC, CVCCVC, CVCCVCV; менее продуктивны структурные типы CVC, CVCV, VCCV, VCVC, CVCCV, а также небольшое число иных по структуре примеров. При изучении строения данных редуцированных лексем в ряде примеров отмечается изменение в фонемном составе: происходит замена гласных **а** → **у**, **э** → **а**, имеется незначительное число примеров с заменой или появлением согласных. В семантике редуцированных образных слов, выражающих характеристики движущегося субъекта,

помимо формы и размера, отражены также несовершенство внешнего облика (лохматый, полный, сутулый, хромой), неестественные и колебательные, покачивающиеся движения, вызванные в основном хромотой, сутулостью. Кроме названных анатомических отличительных черт субъекта, относящихся к голове, ногам и телу, практически отсутствуют образы, связанные с руками (*halжар-hалжар ябаха* 'идти вразвалку (размахивая руками)', *hээзэг-hээзэг ябаха* 'ходить откинувшись назад корпусом, прихрамывая, размахивая руками'). Что касается техники и способов перемещения, то в основном отражены те виды передвижения, которые отличаются от нормы и бросаются в глаза ('раскорячившись', 'качаясь', 'вразвалку', 'неуклюже', 'едва-едва', 'еле-еле', 'семенить', 'вприпрыжку', 'плавно', 'важно').

Список литературы

- Алиева Н. Ф. Слова-повторы и их проблематика в языках Юго-Восточной Азии // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов. М.: Наука, 1980. С. 3–22.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: Ленанд, 2006. 248 с.
- Дарбеева А. А. Повторы и удвоения в бурятском языке // К изучению бурятского языка. Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 6. Серия языковедческая. Улан-Удэ, 1969. С. 91–99.
- Дыркеева Г. А., Харанутова Д. Ш., Бардамова Е. А. Парные слова и парное словообразование в бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 208 с.
- Рожанский Ф. И. Редупликация: опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. 256 с.
- Сундуева Е. В. Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.
- Сундуева Е. В. Персонажи низшей мифологии в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 10. С. 158–161.
- Шагдаров Л. Д. Изобразительные слова в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 149 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Буряад-ород толи. В двух томах. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. Т. I. А–Н. 636 с.; Т. II. О–Я. 708 с.
- Пүрэв-Очир Б. Монгол хэлэн дэх зарим давталтын онцлог, утга, найруулгын үүрэг // Монгол хэлний өгүүлбэрзүй-2. Улаанбаатар: Бемби Сан, 1998. С. 89–110.

References

- Alieva N. F. Slova-povtory i ikh problematika v yazykakh Yugo-Vostochnoy Azii [Reduplicated words and their problems in the languages of South-East Asia]. In: *Yazyki Yugo-Vostochnoy Azii. Problemy povtorov* [The languages of South-East Asia. Problems of reduplication]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 3–22. (In Russ.)
- Darbeeveva A. A. Povtory i udvoeniya v buryatskom yazyke [Reduplication and doubling in the Buryat language]. In: *K izucheniyu buryatskogo yazyka. Trudy Buryatskogo instituta obshchestvennykh nauk. Vyp. 6. Seriya yazykovedcheskaya* [To the study of the Buryat language. Proceedings of the Buryat Institute for Social Sciences. Iss. 6. Linguistic series]. Ulan-Ude, 1969, pp. 91–99. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A., Kharanutova D. Sh., Bardamova E. A. *Parnye slova i parnoe slovoobrazovanie v buryatskom yazyke* [Paired words and pairwise word formation in the Buryat language]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2014, 208 p. (In Russ.)
- Purev-Ochir B. Mongol khelen dekh zarim davtaltyn ontslog, utga, nayruulgyn yureg [Characteristics, meaning and compositional role of some reduplication in the Mongolian language]. In: *Mongol khelnyy oguyllberzyu-2* [Syntax of the Mongolian language-2]. Ulaanbaatar, Bembi San, 1998, pp. 89–110. (In Mongol)

Rozhanskiy F. I. *Reduplikatsiya: opyt tipologicheskogo issledovaniya* [Reduplication: typological research experience]. Moscow, Znak, 2011, 256 p. (In Russ.).

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkiy slovar'*. Buryaad-orod toli: V dvukh tomakh [Buryat-Russian dictionary: in 2 vols.]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2010, vol. 1, A–N, 636 p.; vol. 2, O–Ya, 708 p. (In Russ., In Buryat)

Shagdarov L. D. *Izobrazitel'nye slova v buryatskom yazyke* [Figurative words in the Buryat language]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1962, 149 p. (In Russ.)

Sundueva E. V. Personazhi nizshey mifologii v mongol'skikh yazykakh [Characters of lower mythology in the Mongolian languages]. *Bulletin of Buryat State University*. 2015, no. 10, pp. 158–161. (In Russ.)

Sundueva E. V. *Zvuki i obrazy: fonosemanticheskoe issledovanie leksem s kornevymi soglasnymi [r/m] v mongol'skikh yazykakh* [Sounds and images: phonosemantic study of lexemes with root consonants [r/m] in the Mongolian languages]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2011, 344 p. (In Russ.)

Voronin S. V. *Osnovy fonosemantiki* [The basics of phonosemantics]. Moscow, Lenand, 2006, 248 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

10.10.2023

Сведения об авторе

Чимитдоржиева Гунсэма Нимбуевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: ch.gunsema@gmail.com

ORCID 0000-0002-3309-4280

Information about the Author

Gunsema N. Chimitdorzhieva – Candidate of Philology, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: ch.gunsema@gmail.com

ORCID 0000-0002-3309-4280

УДК 398.22
DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-20-32

Лексические особенности и функциональная роль парных слов в героических сказаниях тувинцев

М. В. Ондар

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Рассматриваются лексические особенности парных слов, употребляющиеся в текстах 38 героических сказаний тувинцев, а также привлекается похожий лексический материал из монгольского эпоса «Эрийн сайн Хан Харангуй». В текстах героических сказаний тувинцев используются парные слова, компоненты которых в большинстве случаев являются синонимами или антонимами, относящимися к одной части речи. Значительно реже встречаются парные слова, где один из компонентов утратил свое самостоятельное лексическое значение. При распределении парных слов по частям речи выявлено, что в текстах тувинских героических сказаний встречаются парные существительные, парные прилагательные, парные глаголы, парные наречия, парные местоимения, парные числительные, а также парные образные и звукоподражательные слова. Основной функцией парных слов в тувинском эпосе является интенсификация значений действий и объектов, предметов и явлений; парные слова выступают в качестве художественно-изобразительного средства – гиперболизации происходящих действий в героических сказаниях. Парные слова как один из элементов языка эпических текстов способствуют формированию не только высокого стиля, они показывают живость, естественность и богатство народнопоэтического языка.

Ключевые слова

тувинские героические сказания, язык фольклора, парные слова, части речи, гипербола

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 23-18-00659 «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» (2023–2025 гг., руководитель – Ж. М. Юша).

Для цитирования

Ондар М. В. Лексические особенности и функциональная роль парных слов в героических сказаниях тувинцев // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 20–32. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-20-32

© М. В. Ондар, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024, no. 2 (iss. 50)

Lexical features and functional role of paired words in heroic tales of Tuvans

М. В. Ондар

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Abstract

The main focus of the article is to analyze the lexical characteristics of paired words that can be observed in the texts of 38 heroic tales of Tuvans. It is worth mentioning that the lexical material observed in the Mongolian epic “Eriyn sayn Khan Harangui” bears resemblance to the subject matter being discussed. According to the research findings, it is evident that the texts of Tuvan heroic tales frequently utilize paired words, with a significant number of cases involving synonyms or antonyms that are associated with a particular part of speech. Less common are pairs of words where one of the components has lost its independent lexical meaning. The categorization of the paired words in Tuvan tales has uncovered various parts of speech, including paired nouns, adjectives, verbs, adverbs, pronouns, numerals, and figurative and onomatopoeic words. It has been established that the Tuvan epic primarily makes use of paired words to amplify the meanings of actions, objects, and phenomena. Additionally, the use of paired words serves as a creative and visual technique, particularly aimed at amplifying the actions portrayed in epic narratives. To summarize, the inclusion of paired words in epic texts not only contributes to the gracefulness of the language but also serves as a testament to the vibrancy, genuineness, and abundance of the folk poetic expression.

Keywords

Tuvan heroic tales, folklore language, paired words, parts of speech, hyperbole

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00659 “The Turkic-Mongolian world of Central Asia: linguistic, historical, ethnocultural processes in diachrony and synchrony” (2023–2025, under the leadership of J. M. Yusha).

For citation

Ondar M. V. Leksicheskie osobennosti i funktsional'naya rol' parnykh slov v geroicheskikh skazaniyakh tuvintsev [Lexical features and functional role of paired words in heroic tales of Tuvans]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 20–32. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-20-32

Введение

Впервые существование парных слов в тувинском языке отметил Н. Ф. Катанов в своем труде «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» [1903]. Данный вопрос кратко рассматривался в академическом издании Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха «Грамматика тувинского языка» [1961], а также в статье К. Х. Оргу, где автором было выделено четыре вида парных слов в тувинском языке [1964]. Парные слова были также объектом изучения С. Ф. Сегленмей [1975], впервые обратившей внимание в своем исследовании на их синонимические отношения. В монографии Б. И. Татаринцева указывается, что парные слова являются временными, недолговечными языковыми явлениями, в которых со временем могут появляться новые элементы [Татаринцев 1976: 160–161].

Изучению парных слов в тувинском языке посвящено монографическое исследование Н. М. Ондар [2004]. Как отмечает автор, парные слова, представляющие собой словосочетания из двух цельнооформленных лексем, компоненты которых в семантическом плане, с одной стороны, сходны между собой, в определенной степени синонимичны, с другой – в чем-то различаются, иногда существенно, вплоть до степени антонимичной [Ондар 2004: 3]. Ею же выявлены словообразовательные и семантические особенности парных и парно-повторных слов тувинского языка. Автором также был проанализирован вопрос о грамматических показателях в парных словах: рассмотрены происходящие изменения в каждом из компонентов парного существительного при прибавлении к ним аффиксов принадлежности [Ондар 2011: 83]. В работе Ж. М. Юша охарактеризованы парные слова, встречающиеся в жанрах обрядового фольклора.

Отмечено, что в большинстве случаев оба компонента могут употребляться самостоятельно. Но значительно реже один из компонентов парного сочетания не может использоваться как самостоятельная семантическая единица речи, поскольку смысл этих слов, значимый для парной конструкции, был утрачен [Юша 2009: 114].

Изучению парных слов в тувинском и хакасском языках посвящены совместные статьи А. В. Байыр-оол и О. Ю. Шагдуровой. В них рассмотрены способы формирования парных слов в тувинском языке в текстах разной стилевой направленности, в том числе и в фольклорных жанрах. По их мнению, парные глаголы с семантикой интенсивности состоят из двух синонимичных глаголов, несинонимичных глаголов, а также двух глаголов, один из которых в современном языке не употребляется [Байыр-оол, Шагдурова 2017: 32].

Актуальность данной работы определяется тем, что в тувиноведении до настоящего времени отсутствуют работы, посвященные анализу лексических особенностей парных слов и их функциональной роли в эпических произведениях тувинцев. Изучение парных слов, представляющих собой пласт лексической системы языка героических сказаний, будет способствовать исследованию художественно-стилистических особенностей языка разных жанров тувинского фольклора.

Цель статьи – проанализировать лексические особенности парных слов и выявить их функциональную роль в эпическом контексте. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: 1) определить лексико-семантические группы парных слов в соответствии с частями речи; 2) сравнить похожие лексические единицы, присутствующие в монгольских сказаниях.

Материалом исследования послужили 3706 парных слов, которые были собраны в результате сплошной выборки из 38 текстов героических сказаний. Источниками исследования выступили тексты героических сказаний, размещенные в фольклорном корпусе Электронного корпуса тувинского языка (далее ЭКТЯ)¹. Поскольку в текстах тувинских героических сказаний (далее ТГС) содержатся заимствования из монгольского языка, в качестве источника сопоставительного материала послужил оригинальный монгольский текст «Эрийн сайн Хан Харангуй» (сост. У. Загдурен, перевод текста на тувинский язык выполнен Ю. Л. Аранчином в 1976 г.), что дает возможность увидеть полную картину использования парных слов в тюрко-монгольской эпической традиции. Монгольское сказание также размещено в разделе «монгольско-тувинские тексты» параллельного корпуса ЭКТЯ.

Лексико-семантические группы парных слов

В текстах тувинских героических сказаний встречаются парные слова, представляющие собой словосочетания из двух цельнооформленных лексем, компоненты которых в семантическом плане либо сходны между собой, в определенной степени синонимичны, либо, напротив, обладают противоположными в каком-то отношении значениями, т. е. в известной мере антонимичны [Ондар 2004: 3]. Значительно реже в эпических текстах встречаются парные слова, где один из компонентов утратил самостоятельное лексическое значение.

При распределении данных слов по частям речи тувинского языка были выявлены парные существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, числительные, а также парные образные и звукоподражательные слова.

1. Парные существительные. В целом в тувинском языке абсолютное большинство парных слов – это парные существительные [Ондар 2011: 80]. По частоте употребления, а также в количественном отношении в текстах ТГС наиболее часто встречаются парные существительные, их можно распределить по следующим лексико-семантическим группам:

а) наименования родства и свойства, брачных отношений, включающих родство по крови и по браку. Парные слова в этой группе состоят из компонентов, близких по семантике, придающих парному слову значение собирательности: *ада-ие* ‘родители’ (*ада* ‘отец’, *ие* ‘мать’), *уруг-дарыг* ‘дети’ (*уруг* ‘девочка’, *дарыг* – самостоятельно не употребляется), *ажы-төл* ‘дети’ (*ажы*

¹ <https://tuvancorpus.ru/books/?pid=tge>

самостоятельно не употребляется, *төл* ‘ребенок’), *ачы-үре* ‘ребенок’ (*ачы* самостоятельно не употребляется, *үре* ‘семя, зародыш’). Например:

(1) *Мыргай ажы-төлдүг кылдыр дүжүп турар мындыг болган* [Тувинские героические сказания 1997: 462] ‘Предсказывает так, будто даже с **ребенком**’ (пер. А. В. Кудиярова).

Более точный перевод этого предложения – ‘Предсказывает так, что имеет даже многочисленных детей’;

б) парные слова, обобщенно называющие группы людей: *ара-албаты* ‘народ’ (*ара* – самостоятельно не употребляется, *албаты* ‘народ’), *арат-чон* ‘народ’ (*арат* ‘народ’, *чон* ‘народ’), *аал-аймак* ‘род, племя’ (*аал* ‘дом, местожительства’, *аймак* ‘род, племя’), *сайыт-дүжүмет* ‘чиновник’ (*сайыт* ‘министр’, *дүжүмет* ‘чиновник’). Например:

(2) *Тозан харлыг Тоңгаадай ашак / улуг-бичени чагырган сайыт-дүжүмет, / ара-албатыны чыып туруп-тур* [Далай-Байбын хаан 1994: 195] ‘Девяностолетний старик Тоңгаадай / **министров-чиновников**, управляющих мелкими-большими, / подданный народ собирает’;

(3) *Улуг-бичени чагырган сайыт-дүжүмет / Арат куяктың өг-өргээзинче ам кирип, / Ооң каткызын каттырып, / Чугаа-соодун ам чугаалап турган чүвең иргин* [Далай-Байбын хаан 1994: 121] ‘**Министры-чиновники**, управляющие большими-мелкими, / Стали теперь заходить в юрту бедной старухи, / Смеяться ее смехом, / Стали теперь говорить’ (пер. автора);

в) парные слова, называющие животных. В данную группу входят парные слова, имеющие значение множественности: *аң-мең* ‘животные’ (*аң* ‘зверь’, *мең* ‘родинка, родимое пятно’), *күске-күжүген* ‘мышь, грызун’ (*күске* ‘мышь’, *күжүген* ‘грызун’), *адан-теве* ‘верблюд’ (*адан* ‘кастрированный верблюд’, *теве* ‘верблюд, общее название’), *аът-хөл* ‘лошадь’ (*аът* ‘лошадь’, *хөл* ‘упряжное, ездовое животное’), *ымыраа-сээк* ‘комар’ (*ымыраа* ‘комар’, *сээк* ‘муха’), *мал-маган* ‘домашний скот’ (*мал* ‘скот’, *маган* – самостоятельно не употребляется), *ирт-серге* ‘козел, валух’ (*ирт* ‘валух’, *серге* ‘кастрированный козел’). Например:

(4) *Ийи калдар ыт дайызынынга / Ирт-сергезиниң эьдин, / Чигир-чимис, / Боова-боорзаан / Төп берип чемгерип, / Бажындан кудуурунга чедир / Сыйбап-даа турган иргин ийин* [Тыва тоолдар... 2014: 48] ‘Двум стражам – мухортым псам, / Мясо **козлов-валухов**, / Фрукты-сладости, / Лепешки-борзаки / Разложив, дал поесть, / Гладил от макушки до хвоста’ (пер. А. В. Кудиярова).

В некоторых случаях вместо перечисления названий различных животных, в текстах сказаний используется парное слово *аң-мең* в значении ‘большое количество различных животных’;

г) парные слова, называющие части тела человека. К данной группе относятся парные слова, которые состоят из синонимических или парно-повторных слов и имеют семантику множественности: *эргек-быра* ‘мизинец’ (*эргек* ‘мизинец’, *быра* ‘рычаг’), *өк-таалай* ‘гортань’ (*өк* ‘гортань’, *таалай* ‘нёбо’), *чүрек-чүрек* ‘сердце’.

В языке монгольского эпоса наиболее часто повторяется одна и та же единица. Как отмечают лингвисты, такой способ словообразования является древним, они «встречаются во всех монгольских памятниках <...> способ удвоения расширял свои возможности для удовлетворения потребностей в выражении лексических и грамматических значений» [Дырхеева и др. 2014: 152]. Например:

(5) *Татан татан татаж / Нэмэн нэмэн татаж* [<https://tuvancorpus.ru/?q=node/83>] ‘Потянул до пяти пальцев, / Добавив большой палец’;

д) парные наименования отвлеченных и абстрактных понятий, связанных в основном с интеллектуальной деятельностью и эмоциональным состоянием. Данную группу составляют парные существительные, компоненты которых образованы между собой из двух синонимичных слов: *сагыш-сеткил* ‘дух, настроение’ (*сагыш* ‘мысль, дума’, *сеткил* ‘душа’), *сагыш-бодал* ‘мысль’ (*сагыш* ‘мысль, дума’, *бодал* ‘мысль’), *амы-тын* ‘жизнь’ (*амы* ‘жизнь’, *тын* ‘жизнь’). Например:

(6) *Мээң амы-тыным ап чоруур / Чаңгыс маадырымны салып көр!* [Алдай-Буучу 1993: 42] ‘Мою жизнь спасающего / Единственного моего героя отпусти!’;

е) парные наименования понятий, близких по смыслу и обозначающих ‘родное стойбище’, ‘родную землю’, ‘жилище’: *орду-шил* ‘стеклянный дворец’ (*орду* ‘дворец’, *шил* ‘стекло’), *аал-*

чурт ‘родное место’ (*аал* ‘селение’, *чурт* ‘родина’), *аал-оран* ‘селение’ (*аал* ‘селение’, *оран* ‘мир’), *арбан-кожуун* ‘район’ (*арбан* ‘десятидворка’, *кожуун* ‘район’), *өг-өг* ‘юрта’, *чер-чурт* ‘родная земля’ (*чер* ‘земля’, *чурт* ‘родина’). Например:

(7) *Дээр оглу Дээк-Сарыг Мөгеңиң / Аал коданы-биле, арбын сүрүү-биле кады / Пажының хөөлүг кара туткуужун, / Үстүг кара чүлгүүжүн-даа / Арттырбайн олчалап, чаалап алгаши, / Аал-оран, чер-чуртунче чоруп каап-тыр эвеспе* [Алдай-Буучу 1993: 229] ‘Сына неба Дээк-Сарыг Мөге / Вместе с его стойбищем, скотом, / Прихватку для его котла с черной сажой, / Даже жирной черной метелки из конского хвоста, / Не оставив, как добычу отняв, / В свою **стойнку, родную землю** уехал, оказывается’;

ж) парные наименования конкретных понятий, которые обозначают продукты питания и место, благодаря которому готовится еда: *от-көс* ‘костер, огонь’ (*от* ‘огонь’, *көс* ‘горящие угли’), *ожук-наш* ‘чугунная чаша’ (*ожук* ‘тренога, треножник’, *наш* ‘чугунная чаша’), *аьш-чем* (*аьш* – самостоятельно не употребляется, *чем* ‘еда, пища’), *күш-хүнезин* ‘еда’ (*күш* ‘сила’, *хүнезин* ‘еда на запас’), *чигир-боова* ‘сладкая лепешка’ (*чигир* ‘сахар’, *боова* ‘лепешка’), *үзүм-чигир* ‘изюм’ (*үзүм* ‘изюм’, *чигир* ‘сахар’), *божа-хойтпак* ‘заквашенное молоко’ (*божа* ‘молочный продукт’, *хойтпак* ‘заквашенное молоко’), *сарыг-суг* ‘сывыротка’ (*сарыг* ‘желтый’, *суг* ‘вода’), *үс-чаг* ‘жир’ (*үс* ‘масло’, *чаг* ‘сало, жир’). Например:

(7) *Суук чем кылдыр / Ажыг сарыг-суг-биле чемгерип, / Кадыг чем кылдыр / Арган хеңме-биле чемгерип туруп-тур* [Бокту-Кириш, Бора-Шээлей 1995: 186] ‘В качестве жидкой пищи / Кормил горькой **сывороткой**, / В качестве тяжелой пищи / Кормил тощим мясом’ (пер. автора).

Первый компонент *аьш* парного слова *аьш-чем* в современном тувинском языке не имеет самостоятельного значения, но в древнетюркском словаре: *as* ‘еда, пища’ [Древнетюркский словарь 1969: 62], следовательно, компоненты парного слова *аьш-чем* имеют одинаковое значение. Возможно, по этой причине первый компонент *аьш* в современном тувинском языке утратил самостоятельное лексическое значение;

з) парные слова, обозначающие воинские предметы, самих воинов, военные процессы и атрибуты и т. д.: *аг-шериг* ‘войска’ (*аг* ‘народ’, *шериг* ‘войска, полчище’), *ары-чаа* ‘война’ (*ары* ‘поданные’, *чаа* ‘война’), *чаа-бораа* ‘война’ (*чаа* ‘война’, *бораа* – самостоятельно не употребляется), *чарыш-мөөрей* ‘состязание, соревнование’ (*чарыш* ‘состязание в беге’, *мөөрей* ‘соревнование’), *адаан-мөөрей* ‘мечь, вражда’ (*адаан* ‘мечь’, *мөөрей* ‘соревнование’), *адыг-чарыш* ‘состязание по стрельбе’ (*адыг* ‘стрельба’, *чарыш* ‘состязание’), *ок-чепсек* ‘оружие’ (*ок* ‘стрела’, *чепсек* ‘оружие’). Например:

(8) *Ында ок-чепсек, аг-шериг чок, / Мал-даа, кижжи-даа дүрзү чок, / Күчүтен хоралыг маңгыс-тыр ийин, оглум* [Алдай-Буучу 1993: 261] ‘Там нет **стрелы-оружия, народа-войска**, / Нет подобия скота (и) человека, / Это большое зловерное чудовище, сын мой’.

В парном слове *чаа-бораа* последний компонент не имеет самостоятельного лексического значения. Мы считаем, что слово *бораа* было образовано от слова *бораан* ‘ненастье, пасмурная погода’, которое является производным от *бора-* ‘мести, буранить, обильно идти (о снеге)’ [Татаринцев 2001: 253]. Долгота возникла, по нашему мнению, для соблюдения ритма во время исполнения сказителем героических сказаний;

и) парные слова, обозначающие природные явления, окружающую природу, части суток, объекты природы: *арга-ыяш* ‘лес’ (*арга* ‘лес’, *ыяш* ‘дереву’), *хая-даш* ‘скала’ (*хая* ‘скала’, *даш* ‘камень’), *озаң-чоткан* ‘метель’ (*озаң* ‘затор’, *чоткан* ‘метель’), *көшке-хорум* ‘обвал’ (*көшке* ‘обвал, оползень’, *хорум* ‘обвал камней’), *ай-хүн* ‘луна, солнце’ (*ай* ‘луна’, *хүн* ‘солнце’), *чамбы-дип* ‘вселенная’ (*чамбы* – самостоятельно не употребляется и не имеет самостоятельного лексического значения, *дип* ‘материк, континент’), *өл-чаъс* ‘дождь’ (*өл* ‘мокрый’, *чаъс* ‘дождь’). Например:

(9) *Чаңгыс дүне чамбы-дипти / Үш долганыр ашак мен боор мен* [Тыва маадырлыг тоолдар 1990: 174] ‘За одну ночь **вселенную** / Могу обходить в три раза’.

Здесь особое внимание привлекает парное слово *чамбы-дип*, передающее значение ‘вселенная’. Первый компонент *чамбы* в современном тувинском языке не имеет значения, поскольку парное слово *чамбы-дип* является фонетическим вариантом слова санскритского про-

исхождения *замбуутив* ‘название одного из четырех материков, составляющих мир: Азия, Индия’ [Большой академический... 2001: 207], который проник в тувинский язык через монгольский.

2. Парные прилагательные подразделяются на следующие лексико-семантические группы:

а) парные слова, обозначающие цвет объекта: *кара-шокар* ‘черно-пестрый’ (*кара* ‘черный’, *шокар* ‘пестрый’), *кызыл-шокар* ‘красно-пестрый’ (*кызыл* ‘красный’, *шокар* ‘пестрый’), *сарыг-шокар* ‘желто-пестрый’ (*сарыг* ‘желтый’, *шокар* ‘пестрый’), *ак-кара* ‘бело-черный’ (*ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’), *алдын-була* ‘разномастный’ (*алдын* ‘золотой’, *була* ‘разномастный’). Среди данных прилагательных нет парных сочетаний, описывающих одежду или части одежды;

б) парные слова, передающие общую качественную характеристику: *эки-багай* ‘хороший и плохой’, *изиг-чылыг* ‘жарко-теплый’ (*изиг* ‘жаркий’, *чылыг* ‘теплый’), *экер-эрлик* ‘добрый, удалой’ (*экер* ‘удалой’, *эрлик* ‘бессмертный’).

В монгольском языке по семантическому признаку выделяется несколько типов корневых морфем, представленных в производящих парных словах. В рассматриваемом монгольском эпосе встречаются корни парных слов с признаковым значением оценки, выраженным в большей или меньшей степени. Например: *алаг сайхан* ‘красивый’ (*алаг* ‘цветистый, переливающийся всеми цветами’, *сайхан* ‘прелестный, хорошенький’), *амтат сайхан* ‘вкусный’ (*амтат* ‘вкусный’, *сайхан* ‘прелестный, хорошенький’), *алс холын* ‘далеко’ (*алс* ‘даль’, *холын* ‘далекий, дальний’). Данные парные слова выражают сходные признаки, в основном употребляются парные прилагательные превосходной степени.

3. Парные числительные. В текстах героических сказаний тувинского народа встречаются парные числительные, относящиеся к разряду количественных числительных, которые обозначают количество и выражение приблизительного счета предмета. Исходя из данных значений, парные числительные в текстах ТГС делятся на две группы: парные числительные с количественным значением предмета и парные числительные приблизительного счета предмета.

В составе парных числительных, обозначающих количество предмета, используется одно и то же числительное: *үш-үш* ‘три-три’, *ийи-ийи* ‘два-два’, *бежен-бежен* ‘пятьдесят-пятьдесят’, *тозан-тозан* ‘девяносто-девяносто’:

(10) *Ашак биле кадай көрүп олурарга, / Оолдуң чарнының аразында, / Бежен-бежен лаң дег кара мең бар бооп-тур* [Далай-Байбың хаан 1994: 213] ‘Старик со старухой смотрят, / Меж лопаток мальчика / Имеется родинка с размером **пятьдесят-пятьдесят** лан²’.

Второе значение в тувинском языке выражается только аналитически путем асиндетического сочетания двух количественных числительных, при котором наименование меньшего числа ставится перед наименованием большего [Исхаков, Пальмбах 1961: 214]. В текстах ТГС парные числительные со значением приблизительного счета встречаются чаще, чем парные числительные со значением количества предмета: *түмен-саая* ‘много’ (*түмен* ‘десять тысяч’, *саая* ‘миллион’), *үш-дөрт* ‘три-четыре’, *алдан-чеден* ‘шестьдесят-семьдесят’, *алды-чеди* ‘шесть-семь’, *беш-алды* ‘пять-шесть’, *үжен-дөртөн* ‘тридцать-сорок’, *алдан-сезен* ‘шестьдесят-восемьдесят’. Например:

(11) *Аас-дыл чок адыгуузун малдар / Адаан-мөөрейни үш-дөрт чедирип турда, / Аастыг-дылдыг ийи черниң ийи эрлери / Ам-даа хыйырташпышаан / Мындыг* [Далай-Байбың хаан 1994: 159] ‘Когда животные без рта-языка / Доводят мечь-пари до **трех-четырёх** (раз), / Двое мужчин с ртами-языками из двух земель / До сих пор искоса подглядывают друг на друга’.

Данное значение парных числительных формируется тогда, когда наименование большего числа ставится перед наименованием меньшего. Достаточное количество подобных парных числительных в текстах ТГС, по нашему мнению, объясняется использованием своеобразного художественного приема сказителя с целью сохранения ритма, аллитерации и стихотворного-размера в эпосе: *алды-беш* ‘шесть-пять’, *сая-түмен* ‘миллион – десять тысяч’, *алды-бир* ‘шесть-один’. Например:

² *Лаң* – лан (название денежной единицы).

(12) *Сая-түмен* инектиң аразындан / Дошкун кара шарыны ойладып келгеш, / Хүнезин кылгаиш, будуну-биле / Каң-Хуреңге арттындырып берип-тир эвеспе [Далай-Байбын хаан 1994: 88] ‘Среди миллиона-десяти тысячи коров / Норовистого черного вола пригнав, / Еду на запас (из его туши) приготовив, / На Кан-Хурена загрузил, оказывается’.

В монгольском тексте, как и в тувинском, в составе парного слова с семантикой ‘много’ употребляется слово *түмен*: *ай түмен* (*ай* – компонент, усиливающий значение второго компонента). В тувинских текстах слово *түмен* встречается чаще, чем в монгольском. В сочетании с *түмен* передается значение интенсивности: *ай түмен* ‘бесчисленное множество, тьма тьмущая’, *үд түмен* ‘много’ (*үд* ‘полдень’, *түмен* ‘десять тысяч’). Например:

(13) *Ай түмэн хүй хүлэг адуутай / Өврөөрөө дүүргэж өсөгсөн / Үд түмэн хүй хүлэг адуутай / Цастай цагаан уулыг бүрүүлж өсөгсөн* [https://tuvancorpus.ru/?q=node/83] ‘Много табунов имеющий, / что не видно своего подола, / много табунов имеющий, / что не видно горы с белым снегом’.

4. Парные глаголы. В языке героических сказаний довольно часто встречаются парные слова, где оба компонента имеют форму деепричастия. При этом в них чаще всего используются соединительные парные деепричастия: *аңнап-меңнеп* ‘охотиться’, *арагалап-дарылап* ‘пьянствовать’. Парные деепричастия, используемые в эпических текстах, разделены на следующие лексико-семантические группы:

а) парные деепричастия, обозначающие эмоциональные и физические состояния: *муңчулуп-шугулданып* ‘мучиться, томиться’ (*муңчулар* ‘мучиться, томиться’, *шугулдаар* ‘раздражаться, злиться’), *могап-шылап* ‘утомляться’ (*могаар* ‘уставать’, *шылаар* ‘утомляться, уставать’), *амырап-өөрүп* ‘радоваться’ (*амыраар* ‘радоваться’, *өөрүүр* ‘радоваться’), *муңчулуп-муңгарап* ‘страдать’ (*муңчулар* ‘мучиться’, *муңгараар* ‘страдать’). Например:

(14) *Хаан олургаиш: «...Ак-Хемниң улуг ак коданының / Хары кажыл, / Оларның харын айтырып эккел!» – деп, / Дужаап-тыр эвеспе. Ашак-даа муңгарап-деңгереп / Чанып кээп-тир* [Тувинские героические сказания 1997: 448] ‘Хан: “...У старого белого зайца с [реки] Ак-Хем, / Сколько ему лет, [узнаешь], / Их ответы мне передашь», – / Приказал, оказалось. / Старик, печалюсь-горюя, / К себе вернулся’ (пер. А. В. Кудиярова).

б) парные деепричастия, обозначающие деструктивные действия и действия девиантного поведения: *алгырып-кышкырып* ‘кричать, орать’ (*алгырар* ‘кричать’, *кышкырар* ‘орать’), *кыжанып-хынанып* ‘посягать, грозить’ (*кыжаныр* ‘грозить’, *хынаар* ‘контролировать’), *олчалап-чаалап* ‘грабить’ (*олчалаар* ‘грабить’, *чаалаар* ‘воевать’), *атчып-сокчуп* ‘стрелять’ (*адар* ‘стрелять, обстреливать’, *согар* ‘ударить, бить’), *арагалап-дарылап* ‘пьянствовать’ (*арагалаар* ‘пьянствовать’, *дарылаар* самост. не употр.). Например:

(15) *Бора-Шээлей дүже халааиш, / Ойтур, доңайтыр тыртып, / Алгырып-кышкырып, ыглап-сыктап, / Туруп берип-тир* [Тувинские героические сказания 1997: 324] ‘Бора-Шээлей прыгнула, / На живот, на спину перевернула, / Стала плакать-рыдать, / Кричать-стонать’ (пер. А. В. Кудиярова);

в) парные деепричастия, обозначающие деятельность, регулярное действие: *аыштанып-чемненип* ‘кушать’ (*аыштаныр* > *аыш* – самостоятельно не употребляется, *чемненир* ‘кушать, покушать’), *ырлажып-шоорлажып* ‘петь’ (*ырлаар* ‘петь’, *шоорлажып* – самостоятельно в современном языке не употребляется, однако имело значение ‘играть на музыкальном инструменте’: *шоорлажып* > *шоор* ‘свирель, пастуший рожок’ – название музыкального инструмента), *өзүп-мандып* ‘расти’ (*өзер* ‘расти’, *мандыыр* ‘расцветать, здравствовать’). Например:

(16) *Алдыы оранның кижизи аыштанып-чемненип алган, / Шагда-ла манап турган чүвең иргин* [Далай-Байбын хаан 1994: 76] ‘Человек из нижнего мира, поев, / Давно ждал, оказывается’;

г) парные деепричастия, обозначающие своеобразные действия: *эвип-девип* ‘плясать, выполнять танец орла’ (соревнование по традиционной борьбе *хүреш* всегда начинается с исполнения борцами танца *деви*). В работе Ч. Х. Санчай *дэви* описывается следующим образом: «танец орла – это часть большого представления под общим названием *хүреш*, включающего в себя

целый комплекс действий, состоящий из непосредственной схватки борцов, действий их секундантов, награждения победителей, одарения зрителей победителями белой пищей *ак чем*» [Санчай 2014: 114].

Первый компонент парной единицы *эвин-девин* самостоятельно не употребляется. Как отмечает Н. М. Ондар [Ондар 2004], с точки зрения структурно-семантических особенностей в тувинском языке различается два типа парно-повторных слов, согласно которому *эвин-девин* является трансформированным повтором, где второй компонент остается полноценным, а первый, *эвин*, – лексически опустошенное слово, полученное в результате определенной фонетической деформации лексически полнозначного компонента *девин*. Следует отметить, что фонетическая деформация обнаруживается и в тексте монгольского эпоса: *дахин ахин* ‘еще раз’.

К выделенной группе относятся также следующие парные слова: *артыштанын-шаанактанын* ‘окуривать дымом можжевельника’ (дым от можжевельника используется в качестве очищения от злых духов, и действие называется *артыш=та=н=ын* > *артыш* ‘можжевельник’, *шаанак=та=н=ын* > *шаанак* ‘можжевельник’), *деңнеп-чиңнеп* ‘пасти скот’ (данное действие обозначает своеобразный прием чабанов, которые пасли свой скот, ориентируясь на объекты окружающей природы), *алган-йөрээп* ‘благословлять’ (действие выполняется во время свадебного обряда, во время обряда в честь новорожденного ребенка, во время проведения обряда к 3-летию ребенка, а также перед отъездом человека в далекие места). Например:

(17) *Далай-Байбың хаан ол орта / Кеннин алган-йөрээп, / Найыр-байырын бир кылып, / Уткуп ап турган чүвең иргин* [Далай-Байбын хаан 1994: 149] ‘Хан Далай-Байбың там же / Свою невесту **благословляя**, / Праздник-торжество устраивая, / [Так он] встречал [их], оказывается’.

Также нами были обнаружены парные глаголы с аффиксом *-а*, образованные от имен существительных. Они выражают значения действия, связанные с содержанием их именной основы: *авыра-азыра* ‘помилуй, сжался’ (*авыра* ‘помилуй’ < *авырал* ‘милость’, *азыра* ‘покорми’ < *азырал* ‘кормление’), *амыдыра-амыдыра* ‘живи’ (*амыдыра* ‘живи’ < *амыдырал* ‘жизнь’).

5. Парные наречия. Текст ТГС насыщен наречиями, определение которым дается в «Грамматике тувинского языка»: «наречия происходят от других частей речи, постепенно пополняются из них же. Поэтому наречия лексически и морфологически соотносительны с теми частями речи, от которых они происходят» [Исхаков, Пальмбах 1961: 416]. Так, в текстах ТГС довольно часто встречаются парные наречия, имеющие следующие значения:

а) парные наречия, выражающие пространственные отношения: *барыын-башкы* ‘запад-первый’, *ыңай-бээр* ‘туда-сюда’, *өрү-куду* ‘вверх-вниз’, *үстүнде-үстүнде* ‘наверху-наверху’, *башкы-соңгу* ‘первое-последнее’, *иштин-даштын* ‘внутри-снаружи’, *арызында-өвүрүнде* ‘на севере – на юге’, *ыракта-чоокта* ‘далеко-близко’, *алдыы-үстүү* ‘нижний-верхний’ (о трех мирах вселенной).

В монгольском эпосе также обнаруживаются парные наречия, выражающие пространственные значения: *наран саран* ‘с этой стороны, с той стороны’ (*наран* ‘солнечный’, *саран* ‘луна’):

(18) *Наран саран хоёр бүүрэг нь / Наана цаанаа дулайлцсан / Найман сайхан ганзаг нь* [https://tuvancorpus.ru/?q=node/83] ‘С этой стороны, с той стороны восемь прекрасных ка³’;

б) парные наречия времени: *чайын-кыжын* ‘летом-зимой’, *эрте-бурунда* ‘давным-давно’ (*эрте* ‘раньше’, *бурун=да* ‘в давнее’), *дүне-хүндүс* ‘ночью-днем’ (*дүне* ‘ночью’, *хүндүс* ‘днем’), *дүштите-хүнде* ‘в светлое время дня’ (*дүштите* ‘в полдень’, *хүнде* ‘днем’), *шымдай-дектей* ‘быстро’ (*шымдай* ‘быстрее’, *дектей* ‘скорее’), *айда-чылда* ‘в месяц-в год’ (*айда* ‘в месяц’, *чылда* ‘в год’), *удаваанда-дүдөвээнде* ‘некоторое время’ (*удаваанда* ‘вскоре после этого’, *дүдөвээнде* – не имеет самостоятельного лексического значения), *доп-дораан* ‘сразу’ (*доп* – не имеет самостоятельного лексического значения в тувинском языке, этот компонент деформирован для того, чтобы придать значение максимальной интенсивности второму компоненту; *дораан* ‘сразу’), *дүвү-далаш* ‘второпях’ (*дүвү* ‘снежная пыль’, *далаш* ‘спешка, торопливость’), *удаткан-тикеткен* ‘вскоре’ (*удаткан* ‘через некоторое время’, *тикеткен* – не имеет само-

³ *Торокá* – длинные тонкие ремни у передней и задней луки седла для привязывания чего-либо.

стоятельного лексического значения), *дүлдү-дүнде* ‘ночью’ (*дүлдү* – не имеет самостоятельного лексического значения, *дүнде* ‘ночью’), *удаа-дараа* ‘зачастую’ (*удаа* ‘раз’, *дараа* > *дараазында* ‘в следующий раз’).

Благодаря парным наречиям, в текстах ТГС можно определить календарное и суточное время. На календарное время указывают парные слова, указывающие на времена года: *чайын* ‘летом’, *кыжын* ‘зимой’; на единицы измерения календарного времени: *ай* ‘месяц’, *чыл* ‘год’. Суточное время в рассматриваемых текстах выражено словами: *шара-хере* ‘на рассвете’ (здесь оба компонента не имеют самостоятельного лексического значения), *дүне* ‘ночью’, *хүндүс* ‘днем’, *дүшүте* ‘в полдень’, *хүнде* ‘в дневное время’. Длительность времени в ТГС также может выражаться парными наречиями, состоящими из двух компонентов: *доп-дораан* ‘сразу’, *далаш* ‘второпях’, *удаткан* ‘вскоре’, *эрте* ‘в раннее время’, *бурунда* ‘в древнее время’;

в) парные наречия, выражающие качество действия или характеристику какого-либо субъекта или объекта: *үне-кире* ‘выходя-заходя’ (*үне* < *үнер* ‘выходить’, *кире* < *кирер* ‘заходить’), *чара-чире* ‘разбито’ (*чара* ‘разделять’, *чире* < *чирер* ‘отколоть’), *соора-моора* ‘мимо’ (*соора* ‘ошибочно, неправильно’, *моора* – не имеет самостоятельного лексического значения и является словом-эхом, созвучием первого слова), *катап-катап* ‘еще раз’ (*катап* ‘заново, снова; раз’), *хаагайндыр-хоогайндыр* ‘шумно’ (*хаагайндыр* < *хаалаар* ‘орать, кричать’, *хоогайндыр* < *хоолаар* ‘шуметь’), *аңдара-дүңдере* ‘переворачивать’ (*аңдара* < *аңдарар* ‘опрокидывать’, *дүңдере* < *дүңдерер* ‘переворачивать вверх дном что-л.’), *оя-кыя* ‘не прямо’ (*оя* < *ояр* ‘обходить стороной’, *кыя* < *кыяр* ‘срезать наискось’), *ыгый-дыгый* ‘плотно, туго’ (*ыгый* ‘плотно, туго’, *дыгый* ‘сильно’), *шалып-кашпагай* ‘быстро’ (*шалып* ‘быстрый, скоростной’, *кашпагай* ‘проворный, быстрый’), *үй-балай* ‘расхлябанный, безалаберный’ (оба компонента не имеют самостоятельного лексического значения), *ховура-сывыра* ‘хлестать’ (*ховура* < *хоорар* ‘отрывать’, *сывыра* ‘хлестать, пороть’), *догуй-дагый* ‘плотно’ (оба компонента не имеют самостоятельного лексического значения), *ааңайндыр-ооңайндыр* ‘реветь’ (*ааңайндыр* < *аалаар* ‘кричать, плакать’, *ооңайндыр* < *оолаар* ‘выпускать зловонную жидкость (например, о хорьке)’), *соора-саара* ‘мимо’ (*соора* ‘ошибочно, неправильно’, *саара* – не имеет самостоятельного лексического значения, является словом-эхом), *буза-чаза* ‘ломать’ (*буза* < *бузар* ‘ломать, разрушать’, *чаза* < *чазар* ‘разворачивать, открывать’), *аңгырады-киңгиреди* ‘шумно’ (*аңгырады* – не имеет самостоятельного лексического значения, *киңгиреди* < *киңгиредир* ‘шумно’), *алгырты-кышкырты* ‘заставлять кричать’ (*алгырты* < *алгырар* ‘орать’, *кышкырты* < *кышкырар* ‘кричать’).

Компоненты парных слов данной группы образованы путем повтора одного компонента, благодаря фонетическому изменению второго компонента, а также использованием синонимических слов. Эти способы придают парным словам значение усиления действия, происходящего в сюжетах героических сказаний.

6. Парные местоимения в текстах ТГС используются для выражения тех же значений, что и соответствующие части речи. Встречаются парные слова, компоненты которых являются указательными, вопросительными, определительными местоимениями: *ол-бо* ‘это-то’, *канчап-мынчап* ‘как’, *каш-каш* ‘сколько-сколько’, *кандыг-мындыг* ‘какой-такой’, *кайда-чүде* ‘где’, *чүү-чүү* ‘что-что’, *канчаар-чоор* ‘как’, *чүзү-кандызы* ‘что-которое’, *оон-моон* ‘оттуда-отсюда’, *ындыг-мындыг* ‘так – вот так’, *бот-бот* ‘я-я’.

7. Парные образные и звукоподражательные слова, которые «передают зрительный образ действия или состояния» [Исхаков, Пальмбах 1961: 459] в ТГС встречаются значительно реже. Однако в контексте сказаний, являясь художественно-образительными средствами, они способствуют формированию более реалистичного восприятия происходящих действий, а также придают живость и выразительность эпическому тексту: *хиг-хаг* – звукоподражание, обозначающее быстрое движение; *сыыйт-сыыйт* – имитация звука, издаваемого мелкими травоядными животными; *дирс-дарс* – звукоподражание, обозначающее действие, сопровождающееся громким шумом; *чылдырт-шак* – подражание медленной походке лошади; *сыг-сыг* – звук, обозначающий быстрое движение; *дым-дом* – звукоподражание для обозначения дождевых капель; *хиг-дарс* – подражание полету птицы; *кап-шак* – подражание крепкой хватке во время борьбы. Например:

(19) *Хенертен хиг-дарс дээн соонда, / Хан-Херетиниң соңгу дыргаа / Эзер коңгазынга таваржып турган* [Далай-Байбын хаан 1994: 203] ‘Вдруг как послышалось *хиг-дарс*, / Коготь птицы Гаруды / Остался на колокольчике седла’.

Парные слова в героических сказаниях тувинцев могут употребляться в структуре одного предложения. Например:

(20) *Ара-албатыдан куду алзы / Шыыңайндыр-шооңайндыр / Кускуннап-курайлап-даа, / Байырлап-маңнайлап-даа турган иргин ийин* [Тыва тоолда 2014: 36] ‘Начиная с **подданного люда**, / Все стали **кричать-восклицать**, / **Шуметь-гудеть**, / **Ликовать-восторгаться**’ (пер. А. В. Кудиярова).

В примере (20) употребляются парные существительные *ара-албаты*, звукоподражательные парные слова, выражающие эмоциональное состояние человека, в данном случае – радости: *шыыңайндыр-шооңайндыр* > *шыыңайндыр* (ритмический вид ‘шипеть, журчать’ + *шооңайндыр* < *шооңайын* (звукоподражание, ритмический вид ‘выть, завывать’ [Тувинско-русский словарь 1955: 565, 550], а также парные глаголы, компоненты которых являются несинонимичными глаголами, обозначающими разнохарактерные действия: *кускуннап-курайлап* < *кускуннаар* ‘кричать, орать (призывая кого-л.)’ + *курайлаар* < *курай* ‘выражать пожелание благополучия, счастья, повторяя слово «курай-курай»’ [Тувинской-русский словарь 1955: 253; Толковый словарь... 2011: 231].

В монгольском эпосе для усиления эмоционального эффекта используются следующие парные слова:

(21) *Алаг сайхан мах / Амтат сайхан зуушийг бэлдэж / Найрийн ихийг найрлахад / Зургаадай таягийг элэгдтэл тулсан* [<https://tuvancorpus.ru/?q=node/83>] ‘**Вкусное мясо** приготовив, / **вкусную, хорошую еду** приготовив, / так праздновали большой праздник, / что износилась шестидесятая палка’ (пер. автора).

Заключение

В результате нашего исследования выявлено, что объем парных слов во всех текстах сказаний занимает всего 1,2 %. Например, в тексте «Алдай-Буучу», объем которого составляет 15333 словоупотреблений, используется всего 180 парных слов, а в тексте «Алдын-Кургулдай» – 106 парных слов (1 %). Эти парные слова относятся к разным частям речи, из которых больше всего существительных (на 3 %). Парные существительные делятся на девять лексико-семантических групп, которые передают значения собирательности, множественности. Парные прилагательные представлены двумя лексико-семантическими группами, они передают значение количества и приблизительного счета предметов. Парные числительные со значением приблизительного счета предметов употребляются в текстах тувинских сказаний чаще, чем парные числительные с количественным значением.

Парные глаголы в текстах героических сказаний встречаются в форме деепричастия и обозначают эмоциональное и физическое состояние героя, деструктивные действия и действия девиантного поведения, регулярность действия, а также своеобразные действия, относящиеся к герою сказаний. Парные наречия выражают временные отношения и качество действия, описываемые в эпических произведениях. Реалистичное восприятие происходящих действий формируется у слушателей сказаний благодаря использованию парных образных и звукоподражательных слов.

Компоненты парных слов, не имеющие самостоятельного лексического значения в современном тувинском языке, в большинстве случаев заимствованы из монгольского или же из других языков посредством монгольского. В тувинской и монгольской эпической традиции основной функциональной ролью парных слов является интенсификация значения художественного приема – гиперболизации.

Список литературы

- Байыр-оол А. В., Шагдурова О. Ю.* Причины развития и способы формирования парных слов в тувинском языке (в сопоставлении с хакасским языком) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 2 (вып. 29). С. 65–73.
- Байыр-оол А. В., Шагдурова О. Ю.* Усложнение структуры и семантики парных слов в тувинском и хакасском языках (на примере парных глаголов с семантикой интенсивности) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2017. Т. 15. № 4. С. 27–36.
- Большой академический монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба. М.: Academia, 2001. 485 с.
- Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Дыргеева Г. А., Харанутова Д. Ш., Бардамова Е. А.* Парные слова и парные словообразования в бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 208 с.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961. 471 с.
- Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань: Типо-лит. Имп. Казанского ун-та, 1903. XLII, 1540, LX с.
- Ондар Н. М.* Парные слова в тувинском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2004. 161 с.
- Ондар Н. М.* Об аффиксах принадлежности парных слов тувинского языка // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. Кызыл, 2011. С. 79–83.
- Санчай Ч. Х.* «Танец орла» – духовно-художественное наследие тувинского народа // Новые исследования Тувы. 2014. № 1. [URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_21/6943-sanchay.html; дата обращения: 12.10.2023].
- Сегленмей С. Ф.* Пути обогащения общественно-политической терминологии тувинского языка // Уч. зап. ТНИИЯЛИ / Под ред. Ю. Л. Аранчына. Кызыл, 1975. № 17. С. 149–159.
- Татаринцев Б. И.* Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику / Под ред. З. Б. Чадамба. Кызыл, 1976. 130 с.
- Татаринцев Б. И.* О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора // Избранные научные труды. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. С. 68–82.
- Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. 2-е изд. Новосибирск: Наука, 2001. 341 с.
- Толковый словарь тувинского языка / Под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II: К–С. 798 с.
- Тувинско-русский словарь / Под ред. А. А. Пальмбаха. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 721 с.
- Юша Ж. М.* Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика. Новосибирск: Апельсин, 2009. 160 с.
- Оргу К. Х.* Тыва дылда сөстөрнүң тургустунарының дугайында [О словообразовании в тувинском языке] // Тыва дыл дугайында ажылдар [Статьи по тувинскому языку]. Кызыл, 1964. С. 13–15. (На тув. яз.)

Список источников

- Алдай-Буучу: тыва улустуң маадырлыг тоолдары / Сост. С. М. Орус-оол. Кызыл, 1993. II т. 288 с. (На тув. яз.)

- Бокту-Кириш, Бора-Шээлей / Сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: ТывНУЧ, 1995. IV т. 224 с. (На тув. яз.)
- Далай-Байбын хаан: героич. сказания Баазаная / Сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: ТывНУЧ, 1994. 234 с. (На тув. яз.)
- Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с.
- Тыва тоолдар (О. К.-Ч. Дарыманың чыып бижээн материалдары) / Сост. С. М. Орус-оол, М.Б. Кунгаа. Абакан: Журналист, 2014. 383 с. (На тув. яз.)
- Тыва маадырлыг тоолдар / Сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: ТывНУЧ, 1990. I т. 272 с. (На тув. яз.)
- Электронный корпус тувинского языка. – <https://tuvancorpus.ru/>

References

- Бауур-оол А. В., Shagdurova O. Yu. Prichiny razvitiya i sposoby formirovaniya parnykh slov v tuvinskom yazyke (v sopostavlenii s khakasskim yazykom) [The reasons for the development and ways of forming paired words in the Tuvan language (in comparison with the Khakass language)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. Novosibirsk, 2015, no. 2 (29), pp. 65–73. (In Russ.)
- Бауур-оол А. В., Shagdurova O. Yu. Uslozhenie struktury i semantiki parnykh slov v tuvinskom i khakasskom yazykakh (na primere parnykh glagolov s semantikoy intensivnosti) [Complication of the structure and semantics of paired words in the Tuvan and Khakass languages (based on the example of paired verbs with intensity semantics)]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2017, vol. 15, no. 4, pp. 27–36. (In Russ.)
- Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar'* [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. A. Luvsandendev, Ts. Tsendendamb (Eds.). Moscow, Academia, 2001, 485 p. (In Russ.)
- Dyrkheeva G. A., Kharanutova D. Sh., Bardamova E. A. *Parnye slova i parnoe slovoobrazovaniya v buryatskom yazyke* [Paired words and paired word formations in the Buryat language]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2014, 208 p. (In Russ.)
- Iskhakov F. G., Palmbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1961, 471 p. (In Russ.)
- Katanov N. F. *Opyt issledovaniya uryankhayskogo yazyka s ukazaniem glavneyshikh rodstvennykh otnosheniy ego k drugim yazykam tyurkskogo kornya* [The experience of studying the Uriankhai language with an indication of its main kinship relations to other languages of the Turkic root]. Kazan, Tipol. Imp. Kazanskogo univ., 1903, XLII, 1540, LX p.
- Ondar N. M. Ob affiksakh prinadlezhnosti parnykh slov tuvinskogo yazyka [About affixes belonging to paired words of the Tuvan language]. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 4. Pedagogical science*. 2011, pp. 79–83. (In Russ.)
- Ondar N. M. *Parnye slova v tuvinskom yazyke* [Paired words in the Tuvan language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Kyzyl, 2004, 161 p. (In Russ.)
- Orgu K. Kh. Tiva dilda sösterniñ turgustunariniñ dugayında. O slovoobrazovanii v tuvinskom yazyke [About word formation in the Tuvan language]. In *Tiva dil dugayıynda azhıldar. Stat'i po tuvinskomu yazyku* [Articles on the Tuvan language]. Kyzyl, 1964, pp. 13–15. (In Tuvan)
- Sanchay Ch. Kh. “Tanets oral” – dukhovno-khudozhestvennoe nasledie tuvinskogo naroda [“Dance of the Eagle” – spiritual and artistic heritage of the Tuvan people]. *The New Research of Tuva*. 2014, no. 1. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_21/6943-sanchay.html (accessed 12.10.2023) (In Russ.)
- Seglenmey S. F. Puti obogashcheniya obshchestvenno-politicheskoy terminologii tuvinskogo yazyka [Ways to enrich the socio-political terminology of the Tuvan language]. In *Uchenye zapiski Tuvinskiy nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury, istorii* [Proceedings of the Tuvan Scientific Research Institute of Language, Literature, History]. Kyzyl, 1975, no. 17, pp. 149–159. (In Russ.)
- Tatarintsev B. I. *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. 2nd ed., Novosibirsk, Nauka, 2001, 341 p.

Tatarintsev B. I. *Mongol'skoe yazykovoe vliyanie na tuvinskuyu leksiku* [Mongolian linguistic influence on Tuvan vocabulary]. Z. B. Chadamba (Ed.). Kyzyl, 1976, 130 p. (In Russ.)

Tatarintsev B. I. *O nekotorykh gruppakh mongolizmov v yazyke tuvinskogo fol'klora* [Some groups of Mongolisms in the language of Tuvan folklore]. In *Izbrannye nauchnye Trudy* [Selected scientific works]. Kyzyl, GUP RT "Tyvapoligraf," 2009, pp. 68–82. (In Russ.)

Tolkovyy slovar' tuvinskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Tuvan language]. D. A. Mongush (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. II: K–S, 798 p. (In Russ.)

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. A. A. Pal'mbakh (Ed.). Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovary, 1955, 721 p. (In Russ.)

Yusha Zh. M. *Obryadovaya poeziya tuvintsev: struktura i semantika* [Ritual poetry of Tuvans: structure and semantics]. Novosibirsk, Apel'sin, 2009, 160 p. (In Russ.)

List of sources

Alday-Buuču: tiva ulustuj maadirlig tooldari [Aldai-Buuchu: Tuvan heroic tales]. S. M. Orus-ool (Comp.). Kyzyl, TivNÜČ, 1993, vol II, 288 p. (In Tuvan)

Boktu-Kiriš, Bora-Šeeley [Boktu-Kirish, Bora-Sheeley]. S. M. Orus-ool (Comp.). Kizil, TivNÜČ, 1995, vol. IV, 224 p. (In Tuvan)

Dalay-Baybin xaan: geroich. skazaniya Baazanaya [Dalay-Baybyn khaan: heroic tales of Baazanai]. S. M. Orus-ool (Comp.). Kizil, TivNÜČ, 1994, 234 p. (In Tuvan)

Elektronnyy korpus tuvinskogo yazyka [Electronic corpus of the Tuvan language]. <https://tuvancorpus.ru/>

Tiva tooldar (O.K.-Ch. Darymaniņ chīp bizheen materialdari) [Tuvan fairy tales (materials collected by O.K.-Ch. Daryma)]. S. M. Orus-ool, M. B. Kungaa (Comps.). Abakan, Zhurnalist, 2014, 383 p. (In Tuvan)

Tiva maadirlig tooldar [Tuvan heroic tales]. S. M. Orus-ool (Comp.). Kizil, TivNÜČ, 1990, vol. I, 272 p. (In Tuvan)

Tuvinskie geroicheskie skazaniya [Tuvan heroic tales]. S. M. Orus-ool (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1997, 584 p. (In Tuvan)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
9.11.2023

Сведения об авторе

Ондар Менги Васильевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: mengi89@yandex.ru

ORCID 0000-0002-8270-7071

Information about the Author

Mengi V Ondar – Candidate of Philology, Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: mengi89@yandex.ru

ORCID 0000-0002-8270-7071

УДК 811.512.1
DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-33-49

Наименования домашних животных в алтайском языке и его диалектах

Н. В. Ерленбаева, С. Б. Сарбашева

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

Рассмотрены наименования домашних животных в алтайском языке с точки зрения их морфологического (аффиксального) и лексико-синтаксического способов образования; изучена семантическая мотивированность, на основе которой появились слова. В работе использовались описательный и сравнительно-сопоставительный методы, а также методы лексико-семантического и мотивационного анализа. Для выяснения происхождения слов приводятся данные из этимологических словарей тюркских языков. В алтайском языке большинство названий домашних животных относится к общетюркской лексике, при этом отмечается влияние монгольской животноводческой терминологии. В наименованиях домашних животных в алтайском языке и его диалектах наблюдаются различные фонетические изменения. В основе мотивированности наименований, образованных лексико-синтаксическим способом, лежат денотативные признаки животных.

Ключевые слова

алтайский язык, лексикология, словообразование, фонетические варианты, животноводческая лексика, семантическая мотивированность, домашние животные, зоонимы

Благодарности

Исследование выполнено по проекту Российского научного фонда № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая».

Для цитирования

Ерленбаева Н. В., Сарбашева С. Б. Наименования домашних животных в алтайском языке и его диалектах // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 33–49. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-33-49

Names of domestic animals in the Altai language and its dialects

N. V. Erlenbaeva, S. B. Sarbasheva

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

Abstract

The article provides a systematic description of the lexemes for the first time, denoting domestic animals in the Altai language and its dialects, focusing on vocabulary formation methods and identifying semantic motivation in the analyzed lexemes. The data were taken from etymological and translation dictionaries to determine word origins. The study used descriptive and comparative methods along with lexical-semantic and

© Н. В. Ерленбаева, С. Б. Сарбашева, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024, no. 2 (iss. 50)

motivational analyses. The generic and specific names of domestic animals are considered: *mal* (cattle, herd), *at* (horse), *bee* (mare), *aigyr* (stallion), *kulun* (foal), *uy* (cow), *buka* (bull), *bozu* (calf), *koi* (sheep), *kuragan* (lamb), *echki* (goat), *teke* (does goat), *uulak* (goat kid), *töö* (camel bull), *bura* (camel cow), *botoo/botoon* (camel cub), and others. The Altai language is known to preserve lexemes of Turkic origin distinct in phonetic features. Consonants are characterized by voicing, clicking, disaffrication, reduction, voicing of the voiceless consonants, and consonant elision. Vowels are characterized by lengthening, elision of the consonant γ resulting in the formation of a long vowel, reduction of a super-short, weakly tense consonant, reduction of the initial narrow vowel, delabialization, or debulking. Besides Turkic borrowings, the Altai language also has some words of Mongolian origin. Lexico-syntactic nominations have been found to be semantically based on animals' physical characteristics, such as gender, size, and seasonal aspects. In addition, characteristics specific to certain animals have been identified, such as broken or unbroken for horses and horned or hornless for cows.

Keywords

Altai language, lexicology, word formation, phonetic variants, livestock vocabulary, semantic motivation, pets, zoonyms

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-10028 "Linguistic picture of the world of the Altaians: vocabulary of the Gorny Altai fauna".

For citation

Erlenbaeva N. V., Sarbasheva S. B. Naimenovaniya domashnikh zivotnykh v altayskom yazyke i ego dialektakh yazyka [Names of domestic animals in the Altai language and its dialects]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 33–49. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-33-49

Введение

Исследование лексико-семантической группы названий домашних животных в тюркских языках имеет давнюю историю. Одним из источников для углубленного изучения истории тюркских языков на основе лексики является трехтомный словарь «Дивану лугат-ит-турк» Махмуда Кашгари (XI в.) [Кашгари 2010]. Многие наименования животноводческой лексики, приведенные в словаре М. Кашгари, продолжают существовать в современных тюркских языках, в том числе в алтайском. В «Древнетюркском словаре» [ДТС 1969], составленном на базе лексики тюркских письменных памятников VII–XIII вв., имеются также ценные сведения о наименованиях домашних животных. В текстах орхонских рунических памятников представлены такие названия животных, как *ajyir* 'жеребец', *at* 'лошадь, конь', *buqa* 'бык-производитель', *ijäk* 'корова', *qoç* 'баран-производитель', *taj* 'жеребенок', *tekä* 'козел', *oylaq* 'козленок', *begä* 'кобыла' [ДТС 1969: 28, 120, 125, 211, 451, 527, 550]. Из животноводческой лексики, зафиксированной в этом словаре, в алтайском языке встречаются, например: *täkä* 'козел' ~ алт. *теке* 'козел', *begä* 'кобыла' ~ алт. *бее* 'кобыла', *oy(y)laq* 'козленок' ~ алт. *уулак* 'козленок', *adyur* 'жеребец' ~ алт. *айгыр* 'жеребец', *at* 'лошадь' ~ алт. *ам* 'лошадь', *buqa* 'бык' ~ алт. *бука* 'бык' и др. Безусловно, в определенных исторических условиях у каждого народа формировалась своя система терминов животноводства. Развитие данного пласта древнетюркской лексики происходило по нескольким направлениям: в одних случаях наблюдалось расширение значений этих лексем и на их основе происходило образование новых слов, а в других, наоборот, сужение семантики слов. В некоторых случаях наблюдается изменение лексического значения слова. Эти процессы коснулись и алтайского языка. Например, в древнетюркском языке существовало слово *köliük* 'вьючное животное', оно сохранилось в кош-агачском говоре алтайского языка со значением 'транспортное средство'.

Сведения о происхождении общетюркских и межтюркских основ, в том числе наименований животных, содержатся в «Этимологическом словаре тюркских языков» [ЭСТЯ 1974–1989]. Историко-лингвистическим источником по рассматриваемой теме является статья А. М. Щербак «Названия диких и домашних животных в тюркских языках» [Щербак 1961]. В ней системно представлены этимологические и сравнительно-сопоставительные сведения о наименованиях животных в тюркских языках и высказано предположение, что прародиной

тюрк была территория, на которой обитали лошадь, крупный рогатый скот, овцы, козы и многочисленные дикие животные. На основе сравнительного анализа было установлено, что названия таких домашних животных, как *at* 'лошадь', *iynek* 'корова', *koу* 'овца', *ecki* 'коза' и др., являются собственно тюркскими [Там же: 82–118]. В работе приводится достаточно много иллюстративного материала по алтайскому языку, что позволяет проследить историю этимологического анализа данной группы лексики. В коллективном труде ученых Института языкознания РАН «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» рассмотрена лексика разных тематических групп, дана реконструкция тюркских праформ и их эквивалентов в современных тюркских языках, отмечены языковые изменения, произошедшие в них. Здесь представлены следующие наименования домашних животных: 'корова', 'козел', 'бык', 'овца', 'баран', 'ягненок', 'крупный рогатый скот', 'вол', 'лошадь' и т. д. [СИГТЯ 2001: 424–448]. В нашей работе мы обращались также к монографии В. И. Рассадина, в которой указаны монгольские заимствования в алтайском языке и его диалектах [Рассадин 2019].

Из тюркских языков РФ животноводческая лексика наиболее полно исследована в башкирском языке; важные сведения о терминах скотоводства содержатся в трудах ученых-языковедов Дж. Г. Киекбаева [1966], Н. Х. Максютковой [1976], С. Ф. Миржановой [1979], Э. Ф. Ишбердина [1970, 1986], У. Ф. Надергулова [2000] и др. В работах Э. Ф. Ишбердина рассмотрены наименования домашних животных башкирского языка по следующим признакам: время рождения, возраст, пол, порода, срок вынашивания плода, холощение, гужевое использование. Кроме того, в работе приводятся названия, связанные с культом животных, а также представлены этимологические описания отдельных терминов, названия животных исследуются в сравнительном плане с другими тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками [Ишбердин 1986].

Роль домашних животных в хозяйственном укладе и традиционной культуре алтайцев рассматривалась в трудах многих ученых-алтаеведов: В. В. Радлова, Л. П. Потапова, Е. М. Тошачковой, В. П. Дьяконовой и др. Животноводческая лексика алтайского языка стала объектом изучения лингвистов лишь недавно [Яимова 1990, 2002; Алмадакова 2018; Тазранова 2021, 2022, 2023; и др.]. Половозрастные названия верблюдов выделены на материале чуйского говора теленгитского диалекта в монографии А. К. Дарыджи [Дарыджи 2022]. Сравнительное изучение лексико-семантической группы слов, представляющих наименования способов естественного движения (аллюра) лошади в тюркских и монгольских языках, представлено в статье Ф. Н. Дьячковского, А. Р. Тазрановой и др. [Дьячковский и др. 2023]. В статье А. Р. Тазрановой проанализированы половозрастные названия мелкого рогатого скота в алтайском языке и его диалектах в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками. Отмечается, что половозрастные названия мелкого рогатого скота алтайского языка в большинстве случаев являются общетюркскими, различия проявляются на морфофонологическом уровне; в терминах, обозначающих возраст мелкого скота, наблюдаются семантические сдвиги [Тазранова 2023: 55]. Как показывает обзор научной литературы по теме исследования, работы, посвященные анализу животноводческой лексики в целом или отдельных ее групп, отличаются друг от друга в основном большим или меньшим охватом материала.

Материал и цель исследования

В настоящее время назрела необходимость лингвистического описания лексики, обозначающей домашних животных в алтайском языке и его диалектах. Это связано с изучением языковой картины мира алтайцев, поскольку в данной лексико-тематической группе наиболее ярко запечатлены этнокультурные особенности хозяйственного уклада алтайского этноса, его мировидения и ценностей. Систематизация этих лексем позволит вовремя зафиксировать их значения и отразить их в словарях. Цель данной статьи – выявить морфологические, диалектные и лексико-семантические особенности наименований домашних животных в алтайском языке.

Материалом исследования послужила выборка примеров, извлеченных из различных словарей и грамматик алтайского языка и его диалектов: «Алтайско-русского словаря» [АРС 2018], «Кумандинско-русского словаря» [КРС 1995], «Русско-кумандинско словаря» [РКС 2021],

«Русско-тубаларского словаря» [РТС 2019] и др. Привлекался также материал, зафиксированный у носителей разных диалектов во время полевых исследований. Выявленный материал сопоставлялся с лексическими соответствиями в тюркских и монгольских языках, а также с результатами, полученными другими исследователями.

В целях системного описания лексики в работе использовались различные методы, существующие в языкознании: описательный, сравнительно-сопоставительный, а также методы лексико-семантического и мотивационного анализа.

Лексико-семантическая группа названий домашних животных в алтайском языке

У алтайцев с древнейших времен, как и у многих тюркоязычных народов, основным видом хозяйства было скотоводство. Богатый и разнообразный растительный мир, обилие водных ресурсов, климатические условия Горного Алтая способствовали развитию скотоводческого хозяйства на протяжении многих веков. Алтайцы разводили в основном лошадей, овец, коров, верблюдов, яков и коз. Сведениями о времени появления тех или иных домашних животных у алтайцев мы не располагаем. По историческим источникам известно лишь то, что изначально основу домашнего скота тюркских народов составляли лошади и овцы. Домашние животные, которые раньше служили для удовлетворения нужд самого населения, постепенно становятся товаром. В связи с этим появляется и потребность в разведении скота в большом количестве. О месте животноводства в хозяйстве алтайцев свидетельствует развитая система животноводческой лексики алтайского языка, в которой наиболее ярко проявляется отношение народа к домашним животным, отражаются основные занятия населения, верования и обычаи. При этом основная часть названий домашних животных является общей для тюркских языков. Это свидетельствует о том, что по происхождению термины скотоводства восходят к ранней эпохе развития тюркоязычных народов.

В алтайском языке родовым термином является *мал* 'скот, скотина', имеющий общетюркское происхождение. От этого же слова лексико-синтаксическим способом образованы видовые названия домашних животных: *жылкы мал* 'лошадь' (как вид скота), *уй / ийнек мал* 'корова' (как вид скота), *кой мал* 'овца' (как вид скота) и т. д. В собирательном значении употребляется парное слово *мал-аш* 'скот, скотина' (букв.: скот-еда). Лексема *мал* употребляется в значении 'богатство, имущество, состояние, добро', особенно это характерно для пословиц и поговорок.

У алтайцев, как и у других тюркоязычных народов, достаточно полно разработана номенклатура домашних животных по половым и возрастным признакам, а также в зависимости от времени их рождения, по гужевому использованию и по другим внешним качествам. Н. А. Яимова отмечает, что в алтайском языке и в его диалектах достаточно много терминов и названий, обозначающих лошадей по полу и возрасту, по их нраву и поведению [Яимова 2002: 226]. Анализ семантической мотивированности наименований домашних животных указывает, что в основе появления номинаций животных лежат семантические признаки животных по половым и возрастным различиям, по времени их рождения, холощению и внешним признакам. Под семантической мотивированностью понимается признак предмета (в нашем случае животного), легший в основу лексической номинации. Так, дифференциация домашних животных по признакам *мелкий – крупный* (мелкий и крупнорогатый скот) выражена словосочетаниями *жоон мал* 'крупный скот', *оок мал* 'мелкий скот'. Домашних животных именовали и по их внешним физиологическим признакам. В зависимости от состояния животного с плодом или без плода различают *кысыр / субай мал* 'яловая (лошадь, корова, овца, коза и т. д.)'. По качественному признаку *жирный – тощий* животных называли *семис мал* 'жирный скот', *көдүртке мал* 'истощенный скот'. Это определение употребляется по отношению ко всем видам скота, например: *көдүртке уй / ийнек* 'тощая малорослая корова', *көдүртке кой* 'тощая малорослая овца'. Скот, предназначенный на убой, называется *согум*. Лексема *согум* восходит к древнетюркскому *сок-* 'бить, забивать скот' [ДТС 1969: 153; Тазранова и др. 2022: 162]. В большинстве случаев скот резали с наступлением зимних месяцев для длительного хранения мяса.

В алтайском языке в значении ‘стадо, табун, косяк, отара, гурт’ употребляется лексема *үүр* алт. ‘табун’ (туб. *öör*, кум. *өөр*) [РТС 2019: 327; РКС 2021: 440], например, *бир үүр уй / ийнек* ‘стадо коров’, *үүр мал* ‘табун лошадей’, *үүр кой* ‘отара овец’. В этих примерах широкие гласные заменены узкими в соответствии с законом «перелома» гласных.

Кроме названий домашних животных по полу, возрасту и другим характерным признакам, у алтайцев имеются наименования скота, связанные с различными обрядами и культурами животных. При рассмотрении названий скота также необходимо остановиться на этих наименованиях. У алтайцев, как и у многих тюркских и монгольских народов, в прошлом был широко распространен обычай вешать черепа домашних животных во дворе на колья и ограду в качестве оберега. По поверью эти черепа оберегали хозяина и его имущество от всяких несчастий. За благополучный исход каких-либо жизненно важных событий алтайцы заранее давали обеты различного содержания. Они обещали отдать живьем какой-либо скот малоимущему, зарезав его, угостить родственников и соседей. Для осуществления этих обетов заранее ставились метки на конкретных животных, овцу или лошадь. Их именовали в народе *темдектү мал* (букв.: с отметиной скот / скотина). В прошлом также проводился обряд посвящения животного боже-ству – *ыйыктаган мал* ‘скот, посвященный боже-ству’. Лошадь и овцу алтайцы называют животными с «теплым носом (дыханием)», а козу и корову – животными с «холодным носом». По признаку священности или чистоты домашний скот, овец и лошадей алтайцы называют *ак быйан* (букв.: белая благодать).

Половая дифференциация названий домашних животных имеет большое практическое значение для населения. Как известно, в тюркских языках, в том числе в алтайском языке, имена существительные не обладают грамматической категорией рода. Поэтому в целях различения пола животных существуют специальные лексемы, имеющие родовые обозначения. Рассмотрим наименования для самцов животных:

– алт. *айгыр* ‘жеребец’ [АРС 2018: 36], кум. *айгыр* [РКС 2021: 86], туб. *айар* [РТС 2019: 67];
 – алт. *бука* ‘бык’ (чал. *буга*, туб. *пуа*, кум. *пуга* [АРС 2018: 131; Баскаков 1985: 143; РТС, 2019: 18; РКС 2021: 27], алт. *теке* ‘козел’ (туб. *текэ*) [АРС 2018: 664; РТС 2019: 105]; алт. *буу-ра* ‘верблюд-самец’ (туб. *бура*) [АРС 2018: 136; РТС 2019: 21]. Здесь наблюдается несколько фонетических процессов: озвончение интервокального глухого *к* в *г*, а затем оцелинивание (замена смычного *г* на щелевой *γ*), с дальнейшим редуцированием согласного *γ* (элизия) и образованием дифтонга *уа*;

– алт. *эркек* ‘самец’ (кум. *иргек*) [АРС 2018: 925; РКС 2021: 135]; для самок: алт. *байтал* ‘кобылица (ещё не жеребившаяся)’ [АРС 2018: 100], *бее* ‘кобыла (уже имевшая жеребят)’, туб. *бей*, туб. *нее*, кум. *ней* [АРС 2018: 109; Баскаков 1986: 142; РТС 2019: 104; РКС 2021: 134]. В словах *бей* – *бее*, *ней* – *нее* произошла апокопа согласного *й*, компенсаторное (заместительное) удлинение гласного;

– алт. *уй / ийнек* ‘корова’ (туб. *инек*, *нек*, чал., кум. *нек*) [АРС 2018: 233; Баскаков 1985: 178; РТС 2019: 107; РКС 2019: 139], *тижи* ‘самка’ [АРС 2018: 674], *боос* ‘стельная (корова), жеребая (кобыла) (туб., кум., чал. *поос*) [АРС 2018: 124; Баскаков 1985: 189; РКС 2021: 86, РТС 2019: 67]. В паре *инек* – *нек* наблюдается редукция инициального узкого гласного, в паре *ийнек* – *инек* – редукция сверхкраткого слабонапряженного согласного.

Видовые наименования лошади / коня в алтайском языке

С древнейших времен в повседневной жизни алтайского народа лошади играли огромную роль. Неслучайно образы коней представлены во всех жанрах алтайского устного народного творчества. Для обозначения общего названия лошади как вида животных употребляются лексемы *ат* и *жылкы*, а в Усть-Канском и в Онгудайском районах – *мал* (лексема *жылкы* в указанных районах употребляется в значении ‘необъезженная лошадь’).

По активности наиболее распространенным из них является *ат* ‘лошадь’. Это подтверждается и тем, что это слово служит основой для образования множества терминов, например: *ала ат* ‘пегая лошадь’, *ат жарыш* ‘скачки’, *ат жалы* ‘грива конская’, *минер ат* ‘верховая лошадь’, *жарыжатан ат* ‘скаковая лошадь’, *joboш ат* ‘смирная лошадь’, *чыйрак ат* ‘выносливая ло-

шадь' и т. д. Для обозначения необъезженных лошадей употребляют определение *эмдик*: *эмдик ат* 'необъезженная лошадь', *эмдик айгыр* 'необъезженный жеребец' и т. д. В основном к этой группе относят неприрученных, находящихся долгое время на воле лошадей. Как обычно, летом они составляли особый нерабочий косяк. Норов животного также определяется по признаку *пугливый-непугливый*: *үркүнчек ат* 'пугливая лошадь'. Обычно в хозяйстве пугливых лошадей не используют. При перевозке тяжелых предметов лошади от непосильного груза могут остановиться и заупрямиться, таких лошадей называют *өчөш ат* 'упрямый конь' или *кедер ат* 'норовистый конь'.

Особую группу составляют наименования лошадей, мотивированные их ходом. Беговые лошади-скакуны называются *жүгүрүк ат* (от *жүгүр-* 'бегать'). Кони-рысаки именуются в алтайском языке словом *аргымак* 'породистая, рослая, быстрая лошадь'. Довольно распространенным явлением у алтайцев было содержание отборных беговых лошадей для скачек на праздниках, их называли *жүгүрүк ат* 'скакун' (букв.: беговая лошадь). Лошади различаются и по аллюру. Иноходец в алтайском языке передается словосочетанием *жорго ат*, например: *Јаш өлөңди јайа баспай, јараши јорго жүрүп ийди* (фолькл.) 'Не смяв зеленой травы, прошел красивый *иноходец*'. В различных фонетических модификациях слово *жорго* 'иноходь' представлено во многих языках, например: кирг. *жорго*; каз., к.-калп., карач.-балк. *жорга*; ног., туркм., уйг. *йорга*; узб., тат. *юрга*; хак. *чорга*; монг. *жороо* [СИГТЯ 2001: 444].

По весу лошади характеризуются как худые, тощие: *саракай* 'старая, исхудавшая лошадь, кляча'. Среди верховых лошадей бывают отдельные особи с гибкими и мягкими поясами, их называют *јайдак ат* 'неоседланная лошадь'. Этих лошадей при верховой езде можно использовать и без седла.

В эпосе, сказках, легендах и мифологии алтайского народа представлено словосочетание *эрјине ат / мал* в значении 'священное животное / конь'. Эрдыне (*эрјине*) называли коня – священное животное, которое считалось созданием божества Верхнего мира. Слово присутствует во всех диалектах алтайского языка, кроме кумандинского. Этимология связана с монг., ср. стп.-м., ойрат. *erdeni* 'драгоценность' < санскр. *ratna* [Рассадин 2019: 153].

Слово *јылкы*, так же как и другие видовые названия животных, образует новые слова и словосочетания: *јылкыныг эди* 'конина', *јылкычы* 'конюх, табунщик' и т. д. Слова, обозначающие домашних животных по половозрастному признаку, имеют различия и по территориальному (и диалектному) распространению.

Общетюркская лексема *јылқы* в различных фонетических вариантах зафиксирована в следующих языках: орх., др.-уйг. *јылқы*, чаг. *улқы*, тур., туркм., караим., кумык., башк., ног. *јылқы*, аз. *илху*; карач.-балк., кирг. *јылқы*, к.-калп., каз. *зылқы*, алт. *јылқы ~ јылху*, узб. *јилқы*, уйг. *зилқы*, хак., тув. *сулуу*, як. *сулуу* 'лошадь (общее название)' [СИГТЯ 2001: 444]. Существуют две версии, согласно которым слово *јылкы* признается исконно тюркским. По одной из них первичным значением является 'табун', в основе *јыл-* лежит глагол *јүүл-* 'собирать в кучу', что сомнительно фонетически и трудно объяснимо в отношении аффикса *-қы*. По версии М. Рясанена, *јылқы* – адъектив 'годовалый' (от *јыл* 'Jahr' + *ki* Adjectiv, 'ein jähriges Pferd' [Räsänen 1969: 200]), которым первоначально обозначалась группа молодняка, с чем согласуются значения слова у В. И. Вербицкого [Словарь алтайского и аладагского наречий... 2005; СИГТЯ 2001: 444–445].

В туба диалекте в слове *қылнақ* (уменьш.-ласк.) со значением 'жеребенок' наблюдается разогубление или делабиализация; ср. алт. *кулун*.

Анализ лексем, зафиксированных в различных источниках, показывает, что в основном различают три возрастные группы жеребят:

до года – *сарбага / сарбаа* 'жеребенок до года' (чал. *сарбаа*, тел., кум. *сарбага*); здесь наблюдается элизия согласного *у*, образование долгого гласного;

до двух лет – *тай* или *јабаа / јабага* 'жеребенок до двух лет' (туб. *қылнақ*, тел. *јабага*, чал. *дыава, чаба*; с элизией согласного *у*, образование долгого гласного);

до трех лет – *кунан / кунајын* 'жеребенок от двух до трех лет' (тел. *кунан* 'жеребенок с двух до трех лет'; кум. *куначын* 'жеребенок трех лет', чал. *кунаджын*, туб. *кунажы*; *төңөн / төңөјин* 'жеребенок от трех до четырех лет' (туб. *тэнежин* 'трехгодовалая телка', *төнен* 'четырёхгодо-

валяя телка' (произошло озвончение глухой аффикаты *ч* в *дж*, дезаффрикатизация *дж* в *ж* с дальнейшей элизией *ж* в ноль звука);

до пяти-шести лет – *пешту*, *алтылу төнен* 'пяти-, шестигодовая телка' (тел. *төнен* 'четырёхгодовалая корова или лошадь'), а далее *ат* 'лошадь / конь' [АРС 2018: 398, 698; ТРС 1995: 72; КРС 1995: 48; РТС 2019: 329; РКС 2021: 442; Баскаков 1985: 144, 170, 200; ТРС 1995: 86]. Однако в настоящее время эти названия употребляются редко, особенно в речи молодежи и среднего поколения, хотя в прошлом они имели широкое распространение.

Лексема алт., кум., тел. *сарбага* 'жеребенок по первому году' (< монг. *sarbaγa* 'двухлетний жеребенок'), как и лексемы *кунан / кунајын* 'жеребенок от двух до трех лет' и *төнөн / төнөјин* 'жеребенок от трех до четырех лет', являются зимствованиями (от монг. *γунап* 'трехлетний самец', *дөнөн* 'четырёхгодовалый бык, верблюд', *дөнејин* 'четырёхгодовалая корова, верблюдица' [Рассадин 2019: 184, 155, 165]. В диалектах алтайского языка – тубаларском и телеутском – в заимствованиях произошли изменения: термин *төнен* 'четырёхгодовалая телка, корова или лошадь' [РТС 2019: 329; ТРС 1995: 72] стал обозначать животное женского пола, тогда как в остальных диалектах алтайского языка четко сохраняются значения монгольского источника: *дөнөн* 'животное мужского пола, четырёхгодовалый бык'. Относительно происхождения этих терминов А. М. Щербак предполагал наличие в составе слов *γунан* и *төнөн*, заимствованных из монгольского языка, корней числительных «три» и «четыре», т. е. *γу-* и *дө-*, в связи с чем первоначальные значения указанных слов следовало бы определять как *γунан* 'трехлетнее (животное)', *төнөн* 'четырёхлетнее (животное)' [Щербак 1961: 94].

Четко прослеживается лексическая дифференциация названий домашних животных по возрасту и полу. В возрастной группе от одного года до двух лет жеребят по половому признаку называют иначе: *тай айгыр* 'самец жеребенок', *тай байтал* 'самка-жеребенок', *акталаган тай* 'холощенный самец', морфологическая структура последней лексической единицы состоит из причастной формы на *-ган* глагола *актала-* + *тай* 'кастрированный жеребец'. Нередко для наименования самки жеребят от одного года до двух лет употребляется их общее название *тай*, а для названия жеребца этой возрастной группы алт., тел., телен, кум., чал. *айгыр*, туб. *айар* [РТС 2019: 67]. Обычно жеребят отнимали от матери в 6–8-месячном возрасте и в течение недели содержали в отдельном помещении, после чего их отдельными группами выгоняли на пастбище.

Неоднозначными являются обозначения лошадей по половым различиям возрастных групп от двух лет и старше. Как уже было сказано выше, жеребца от двух до трех лет во всех диалектах алтайского, кроме чалканского и телеутского, называют *кунан* (от монг. *γунап* 'трехлетний самец' [Рассадин 2019: 165]), а от трех до четырех лет – *төнөн*, кобылиц – *кунајын*, *төнөјин* соответственно (< монг. *дөнөн* 'четырёхгодовалый бык, верблюд'; *дөнејин* 'четырёхгодовалая корова, верблюдица' [Рассадин 2019: 155]).

Нежеребившуюся кобылу называют *байтал*. Пратюркская лексема **bajtal* 'кобылица (молодая)' представлена во многих тюркских языках, например: туркм. *bajtal*, караим., карач.-балк., кумык., тат., башк., ног., к.-калп., каз., кирг. *bajtal*, алт. *pajtal* 'кобыла, кобылица' [СИГТЯ 2001: 444]. Она восходит к монгольскому языку. Семантическая структура бурятского слова *байтах(н)* 'яловая в течение нескольких лет (о кобылице, корове)', 'откармливаемый на убой скот', 'жертвенная лошадь' (письм.-монг. *bajitasun* и др.), ср. также монголизм *байтахын* 'нагульный (о скоте)' в якутском. Индифферентный в отношении вида животного (корова, лошадь) и даже пола (откармливаемый скот), он явно первичен по отношению к тюркской лексеме со специализированным значением. Монг. *bajtas(un)*, возможно, является именным образованием на *-s* от глагола *baj-* 'быть' в каузативной (пермиссивной) форме на *-m*: «то, чему позволено быть, остаться на нагуле» или «оставшееся свободным от потомства». Тюркское *bajtal* объясняется либо как собственное образование на *-l* от *bajta-*, либо как сокращение более полной монгольской формы *bajtals*. Чужеродность *bajtal* в тюркском оттеняется отсутствием слова в древних памятниках, в том числе средневековых кыпчакских, и непредставленностью в северо-восточной и юго-западной группах [ЭСТЯ 1978: 36–37].

Слово *бее* ‘кобыла’ восходит к пратюркской форме **begä*. Данная лексема присутствует во многих тюркских языках, ср.: др.-уйг. *bi*, крх.-уйг. *be*, ср.-кыпч. *bej*, караим., карач.-балк., ног., к.-калп., каз., тат. *b'ije ~ bijä*, башк. *bijä*, кирг. *bä*, тув., тоф. *be*, як. *biä* ‘кобыла, жеребившаяся кобыла’ [СИГТЯ 2001: 443]. Соотношение кратких и полных форм в данном перечне, а также их положение в тюркских языках объяснить затруднительно [ЭСТЯ 1978: 97–101]. Диалектные формы слова: алт. *бее* ‘кобыла (уже имевшая жеребят)’, туб. *бей, нее*, тел. *нее*, кум. *ней* [АРС 2018: 109; Баскаков 1986: 142; РТС 2019: 104; ТРС 1995: 64; РКС 2021: 134].

Видовые наименования коровы / быка в алтайском языке

Для обозначения коровы в алтайском языке употребляется лексема *уй*, в теленгитском диалекте – *ийнек*, в кумандинском, чалканском, туба диалекте – *инек / нек*. Для обозначения безрогих коров употребляется лексема *тонкыр*, в теленгитском диалекте *тоймок*, например: алт. *тонкыр уй*, теленг. *тоймок ийнек*.

Пратюркская форма **in(i)gäk* (Тон), др.-уйг., кр.-уйг., др.-огуз., ср.-уйг. *ihgäk*; ср.-кыпч. *ijnäk* // *inäk*, арм.-кыпч. *ijnäk*, хорх.-т., чаг. *inäk*; тур., гаг. *inäk*, аз. *inäk*, сал. *ijnex*: карач.-балк. *ijnäk*; кирг. *Inäk, ijnäk*, алт. *inek, nek*; уйг. *inäk, enäk*; сюг. *enek*, хак. *inek*, саг., шор. *nek*, чул., тув., тоф. *inäk*, як. *улах*; булг.: чув. *эне* [СИГТЯ 2001: 436]. В чал., туб., кум. также употребляется вариант с выпавшим *i* – *nek* ‘корова’.

По поводу лексемы *ийнек* «существует несколько версий (см. подробнее [ЭСТЯ 1974]), но все сходятся на том, что слово морфологически структурировано. Согласно одним построениям, аффикс в слове – *-yaq / -gäk*, он допускает как глагольные, так и – реже – именные корни, что является приметой древнейшего словообразования [ДТС 1969: 652, 653], однако фонетически и семантически приемлемого глагольного или именного корня **in*, или, как сказано выше, – **ini*, найти не удастся» [СИГТЯ 2001: 436]. Сопоставление с тюрк. *ingäk* монгольского названия коровы – письм.-монг. *ünigen*, бур. *үнэ(н)*, халх. *үнэ(н)* и т. д. – морфологически может быть объяснено как собственное, монгольское образование *n*-основы от *iniy*» [Там же: 437]. «Различие в аффиксации тюркской (*iniy-äk > inyäk*) и монгольской (*iniy-än > ünigän*) говорит об исконности данной производящей основы для обеих групп языков и исключительной древности образования в них рассмотренных форм» [СИГТЯ 2001: 437].

С трех лет корову именуют *ийнек / уй*, а дальнейший возраст определяют по роговым кольцам. Известно, что роговые кольца образуются в период стельности, а их количество соответствует числу отелов коров. Корову, оставшуюся яловой при очередных отелах, называют *кысыр уй / ийнек*. Существует также заимствованное из монгольского языка слово *субай* ‘яловая, без детенышей’ (< *subai* ‘яловая’ [Рассадин 2019: 175]). Лексема *боос* обозначает животных, способных к деторождению – ‘стельная (корова)’, ‘жеребая (кобыла)’ (туб., кум., чал. *поос* [АРС 2018: 124; Баскаков 1985: 189; РКС 2021: 86; РТС 2019: 67], восходит к монг. *boγos* ‘стельная (о животных)’ [Рассадин 2019: 157].

Летом коровы находились на пастбищах, в большинстве случаев вместе с мелким скотом, ибо по численности в хозяйствах коров было значительно меньше, чем других домашних животных. Мясо коров употреблялось в пищу, из молока делали *курут* ‘сыр’, *саржу* ‘масло’, *өрмө* ‘топленые сливки’, *эжегей* ‘вареное молозиво’, *быштак* ‘сыр’, *айрак / чеген* ‘кисломолочный напиток’ и т. д., а из кожи изготавливали обувь и другие предметы.

В следующих диалектных вариантах – *бозу / быза* ‘теленек’, в чал., кум., туб. *пыза, позов* ‘теленек’ [РТС 2019: 329] – констатируется делабиализация гласного первого слога.

Для пратюркского состояния выделяется форма **buzayu* // **buzayu*, др.-уйг., крх.-уйг. *buzayu*; ср.-уйг., ср.-кыпч., хрзм.-т., чаг. *buzayu / buzay / buzaw*; ст.-осм. *buzayu, buzayu*; тур. *buzayu*, гаг. *buzaa*, аз. *buzow*, туркм. *buzow*, сал. *puzo, puzy*; карач.-балк. *buzow*, кум., ног., к.-калп., каз. *buzaw*, тат. *bozaw*, башк. *buzaw*; алт. *pozi*; узб. *buz buzow* аq; хак. *puzo*, тув. *buzaa*; булг. – чув. *päru* [СИГТЯ 2001: 438].

Половые различия данного вида домашних животных передаются словами *эркек* ‘самец’, *тижи* ‘самка’, например: *тижи бозу* ‘теленек-самка’, *эркек бозу* ‘теленек-самец’, *эркек күски бозу* ‘теленек-самец, родившийся осенью’, *тижи жайгы бозу* ‘теленек-самка, родившаяся ле-

том'. Различение телят по времени их рождения имело большое значение в хозяйстве населения. Телята, родившиеся летом и осенью, считались неполноценными. До наступления зимы они не успевали окрепнуть, требовали особого ухода и условий. До их полной продуктивности проходило намного больше времени, чем у телят, родившихся в нормальный срок, т. е. весной. Поэтому телят ненормального срока рождения не оставляли на воспроизводство стада.

В диалектных лексемах, обозначающих пол и возраст, *торбок* 'теленок от одного до двух лет, бычок' (туб. *торвоқ*, кум. *торбак*, тел. *торбок* [РТС 2019: 329; РКС 2021: 441; ТРС 1995: 86]) наблюдается ошелинивание смычного согласного *б* в *в* в интервокальной позиции. Во многих тюркских языках наименование *торбок* используется для обозначения молодняка крупнорогатого скота, ср. кирг. *торпок* 'бычок по второму году', каз. *торпак* 'годовалый теленок', уйг. *то(р)пак* 'двухлетний бычок', хак. *торбах* 'теленок по второму году', як. *торбос* (*торбуях* уменьш.) 'теленок по первому году' [Щербак 1961: 102].

По историко-археологическим источникам известно, что в далекой древности основной тягловой силой среди домашних животных были рабочие быки, а лошадей в этих целях начали использовать сравнительно позже. В алтайском языке лексема *чар* (туб. *шар*, чал., кум., тел., теленг. *чар*) 'голощенный бычок, вол (рабочий бык)' обозначает животное от трех до четырех лет. Ср. ойрат. *сар*, стп.-м. *šar* [Рассадин 2019: 150]. В диалектных вариантах произошла дезаффрикатизация, потеря смычного компонента у *ч*, переход его в *ш*.

Для обозначения некастрированного быка существует другая лексема – алт. *бука* (чал. *буга*, туб. *пуа*, кум. *пуга*) 'бык-производитель'. Наименование *буга / бука, бугэй, бугай* представлено не только в древнетюркском, но и в современных тюркских языках, в частности в азербайджанском, казахском, киргизском, ногайском, уйгурском, узбекском, татарском.

Для обозначения телки, еще ни разу не телившейся молодой коровы (овцы и козы в том числе), используются термины, обозначающие жеребят трех-четырёх лет: *кунајын* 'нетель двухгодовалая, телка двух лет' [АРС 2018: 398], туб. *куначын* 'телка двухгодовалая', *қынажы* [РТС 2019: 329], чал. *кунаджын / кунайын* [Баскаков 1985: 170], *куначын* 'телка трехлетняя' [РКС 2021: 442]. Телку четырехгодовалую называют алт., теленг. *төнөн / төнөјин* 'корова четырех лет' (туб. *тэнежин* 'трехгодовалая телка', *төнөн* 'четырёхгодовалая телка', далее *пешту, алтылу төнен* 'пяти-, шестигодовалая телка') [РТС 2019: 329], чал. *төнөн* 'теленок по четвертому году' [Баскаков 1985: 208], тел. *төнөн* 'корова в четырехлетнем возрасте' [ТРС 1995: 86] < монг. *дөнөн* 'четырёхгодовалый бык, верблюд', *dönejin* 'четырёхгодовалая корова, верблюдица' [Рассадин 2019: 155].

После отела корову с теленком в течение 2–3 дней содержали в теплом помещении, а при его отсутствии – в жилом доме. Такое содержание скота необходимо было для повышения сохранности и здорового развития молодняка. В этот период при надое коров, особенно первотелок, теленка привязывали перед матерью. Начиная с недельного возраста, когда телята уже приучались есть сено и пить болтушки в смеси с молоком, их помещали отдельно. После этого у некоторых коров при дойке резко снижалась молокоотдача. Чтобы избежать этого, нередко из цельной шкуры теленка делали чучело и привязывали его перед коровой. В народе это чучело называли *тула / тулак*, а в литературном языке лексема *тулак* обозначает невыделанную высушенную шкуру молодняка или павшего скота.

Видовые наименования верблюдицы / верблюда в алтайском языке

В прошлом в хозяйстве алтайцев Кош-Агачского района было достаточно много верблюдов. Лексема *төө* 'верблюд' (во всех диалектах аналогично) имеет общетюркское происхождение: др.-уйг. *täbä*, крх.-уйг. *tewe*, кыпч. *teve / deve / töve*, тур. *deve*, аз. *dävä*, карач.-балк., кум., ног., к.-калп., каз., кирг. *tüje*, тат., башк. *döjä*, хак. *tibe*, тув. *teve* и т. д. [СИГТЯ 2001: 445]. Исходной формой для названия верблюда обычно считают *teve* (с близкими вариантами *täve ~ tävä*) [Там же: 445].

Алт. *ботоо / ботоон* 'верблюжонок'. В чал., кум., туб. вместо этой лексеммы употребляется словосочетание *төд(-нын) палазы* 'верблюжонок' (букв.: верблюда детеныш) [РТС 2019: 21;

РКС 2021: 30], что объясняется отсутствием слова *ботоо* / *ботоон* ‘верблюжонок’, заимствованного южными диалектами алтайского языка.

Пратюркская форма – **botu*. Слово в различных фоновариантах употребляются и в других тюркских языках, например: крх.-уйг. *botu*, ср.-уйг. *bota*, ср.-кыпч. *bota*, хрзм.-т. *boda*, чаг. *bota*; тур. диал. *potuk*, туркм. *pota*, кар., ног., к.-калп., каз. *bota*, тат., башк. *buta*; кирг. *boto*, кирг. южн. *bodo*; узб. *būta*, уйг. *bota*; тув. *bodayan* (< монг.) ‘верблюжонок, верблюжонок по первому году’ во всех источниках [СИГТЯ 2001: 448].

Монгольские формы – письм.-монг. *botuyan*, *botuyun*, бур. *ботого(н)*, халх. *ботго*, калм. *ботхн* ‘верблюжонок (годовалый)’ – рассматриваются «как заимствование из пратюркского, причем заимствованная основа не устанавливается однозначно. Либо в монгольском был нарощен аффикс *-yan* (как в *quriyan*), тогда основа была *bota* (с изменением второго гласного); но в монгольский могла попасть основа *botuq*, от которой была образована так называемая *n*-основа, отчего одна из старомонгольских форм имеет не объясненное до сих пор в аффиксальной части *botuyun*» [СИГТЯ 2001: 445].

Следующая лексема – *бура* ‘верблюд (самка)’, туб., чал. *бура* ‘верблюд-самец, жеребец’ [РТС 2019: 21; Баскаков 1985: 143]. У многих тюркских народов лексема *бура* употребляется в значении ‘верблюд-жеребец’. Пратюркская форма зафиксирована как **buɣra* / **buɣur*. Лексема *бура* встречается в следующих языках: др.-уйг., крх.-уйг., ср.-кыпч., чаг. *buɣra*; тур., туркм. *buɣra*, гаг. *bura*; к.-калп., каз. *buwra*, ног. *bora*; кирг. *buura*; узб. *buɣra*; тув. *buura* ‘верблюд-самец, верблюд-производитель’ во всех источниках (кирг. ‘старше 5 лет’, к.-калп. ‘двугорбый’; кроме тув., тоф. *buur* ‘лось-самец’, як. *buur* ‘самец лося, оленя, дикого барана’ [СИГТЯ 2001: 446–447]). Отмечается, что «морфологическое соотношение между *buɣur* и *buɣra* не поддается точному определению, но очевидно, что первая из них старше, поскольку сохраняет в своей семантике отношение к диким видам. Последнее позволяет, в свою очередь, связать *buɣur* с *buɣu* – названием самца лося, изюбра, оленя и считать *buɣu*, *buɣur*, *buɣra*, а также *buqa* (при определенных допущениях) словами, восходящими, как уже сказано выше (см. ‘бык’), к одному корню *buɣ-*, вероятно, имитативной природы, передающему трубные звуки самцов диких парнокопытных во время гона. Оформление основы формами причастия на *-r* / *-ra*, несомненно, указывает на более позднее, чем формы *buɣ=и*, время ее сложения, что соответствует развитию семантики от обозначения диких видов к домашним» [СИГТЯ 2001: 447].

Анализ наименований верблюда показывает, что они не образуют большого словообразовательного гнезда, половозрастные признаки верблюдов не имеют четкой дифференциации. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в настоящее время алтайцы разведением верблюдов не занимаются.

Видовые наименования овцы / барана в алтайском языке

Из других домашних животных алтайцы в своем хозяйстве содержали овец и коз. В прошлом овцы в жизни алтайского народа играли не менее важную роль, чем лошади, и повсеместно разводились в большом количестве. Преобладание в стаде лошадей и овец было связано с кочевой традицией, при которой эти виды животных основную часть зимы добывали корм на тебеневке¹ из-под снега. По получаемой продукции овцы занимают первое место среди домашних животных. Овцы давали мясо, шерсть, овчину и т. д. Лишь из овчины в прошлом алтайцы изготавливали более десяти видов шуб: *тере тон* ‘дубленая шуба’, *некей тон* ‘шуба из овчины’, *жаргак тон* ‘кожаное пальто (из кожи, выделанной и очищенной от шерсти)’, *акар тон* ‘шуба из выделанной осенней овчины’, *көгүспек* ~ *көүспек* ~ *көгүстеш* ‘телогрейка, безрукавка из овчины’ и т. д.

Алт. *кой* ‘овца’, диалектные формы совпадают с литературной. Пратюркская форма **qoni* (< *qon*). Ср. др.-уйг. *qoj*, *qoj'un*; крх.-уйг. *qoj*, *qojn*; ср.-уйг. *qoj*, *qojun*; ср.-кыпч. *qoj*, *qojun*, ср.-огуз. *qoj*, *qojun*, хрзм.-т. *qoj*, *qojun*; тур., гаг. *kojun*, аз., туркм. *gojun*; караим., карач.-балк., ку-

¹ *Тебенёвка* (от каз. *тебіндеу* ‘зимнее пастбище’) – самостоятельная пастьба, самостоятельная добыча лошадьми корма из-под снега.

мык., ног., к.-калп., каз. *qoj*, тат., башк. *quj*; кирг. *qoj*, узб. *quj*, уйг. *qoj*; хак., тув. *хой* ‘овца’ [СИГТЯ 2001: 431]. «В связи с наличием данной лексемы еще и во всех группах монгольских и тунгусо-маньчжурских языков – письм.-монг. *qonin*, бур. *хони*, халх. *хонь*, эвенк. *конин*, маньчж. *хонин* / *хони* – особая древность этого слова, как и первичность какого-то назального в инлауте, смычного или щелевого, не вызывает сомнений. Исходными обычно считаются тюркские формы, рано заимствованные в монгольские, а оттуда – в тунгусо-маньчжурские языки. Для тюркских языков вопрос в том, считать ли второй слог *-(i)n* в огузской группе морфемой, осложнившей исходную основу *qon* (например, А. М. Щербак приписывает *-in* значение уменьшительности), или же этот слог возник чисто фонетически, в результате расщепления спиранта: *-n > -jn > jyn ~ -jyn*» [СИГТЯ 2001: 431].

Овцы, как и крупные животные, в зависимости от пола, возраста и времени рождения имеют различные названия. В алтайском языке и его диалектах видовым является термин *кураган* / *кураан* ‘ягненок’ от монгольского *quraγan* [Рассадин 2019: 182]. Диалектные формы: чал., кум., *кураан*, туб. *куранақ* [Баскаков 1986: 170; РКС 2021: 18; РТС 2019: 375].

Пратюркская форма **qozu* широко употребляется в тюркских языках: ср.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз., хрзм.-т., чаг. *qozu*; ср.-кыпч. *qozu, quzu*; тур. *kuzi*, гаг., аз. *quzu*, туркм. *quzu*, сал. *kozu, kuzu, qoizu, qu:zu*; кар. *kozi*, карач.-балк., кум. *qozu*, тат. *quzu*, ног., к.-калп., каз. *qozu*; кирг. *qozu*, алт. *qozu*; узб. *quzi*, уйг. *qoza*; хак., тув., тоф. *xuragan* (< монг.) [СИГТЯ 2001: 433]. «В монгольских языках представлены ротацирующие формы с морфологическим наращением, что свидетельствует о длительной истории слова: письм.-монг. *qurıγan*, бур. *хурьга(н)*, халх. *хур-га(н)*, калм. *хурһн* ‘ягненок’» [Там же: 433].

Половая дифференциация овец передается лексемами *тижи* ‘самка’ и *эркек* ‘самец’. В основном этими лексемами обозначаются половые различия ягнят до трех лет: *тижи кураган* / *кураан* ‘ягненок-самка’ и *эркек кураган* / *кураан* ‘ягненок-самец’. Ягнят по времени рождения называют по-разному, например, ягнят, родившихся весной, называют *јаскы кураан* (букв.: весенний ягненок), *јайгы кураан* – летний приплод (букв.: летний ягненок), а осенний приплод – *күски кураан* (букв.: осенний ягненок). Лексема *саксырга* ‘ягненок по первому году’ [АРС 2018: 562], ‘родившийся раньше срока’ [Тазранова 2023: 57] восходит к старомонг. *segsürge* ‘крупная мерлушка’ (ягненок зимнего помета) [Рассадин 2019: 168]. Ягненка, а также детенышей домашних животных, родившихся позже обычных сроков окота, например, не весной, а осенью, по-алтайски называют *кеңе* [Тазранова 2023: 57]. Существуют и другие термины, обозначающие овец по возрасту: *тогду кой* ‘ягненок до двух лет’, *ара чыккан кураган* ‘недоношенный ягненок’, *былтыргы кураган* ‘двухгодовалый’ (букв.: прошлогодний). По полу выделяются: *кунан кой* ‘трехлетняя овца’, *төнөн кой* ‘четырёхлетняя овца’, *беи јашту јоон кой* ‘пятилетняя крупная овца’, *карган кой* ‘старая’, *боос кой* ‘овцематка’, *субай кой* ‘яловая’; *эркек кураган* ‘ягненок мужского пола’, *ирик* ‘двухгодовалый’, *куча* ‘трехлетний’, *карган куча* ‘старый баран’, *кезин салган* ‘кастрированный’ [Там же: 57].

Баранов-производителей называют алт., тел., теленг. *куча* ‘баран-самец’, туб. *кульча*, чал. *кучқа* / *куулча* [РТС 1995: 49; РТС 2019: 9; РКС 2021: 18; Баскаков 1985: 171]. Этому ряду вариантов характерно озвончение глухого согласного *ч – ц* в интервокальной позиции, элизия согласного *л*: *кульча*.

Лексема *куча* встречается в некоторых тюркских и монгольских языках: хак. *зица*, кирг. *куча* ‘ягненок-сосунок (самец)’, письм.-монг. *qusa*, бур. *хуса*, халх., калм. *хуц* и т. д. [СИГТЯ 2001: 432–433]. По мнению И. В. Кормушина, *quca*... восходит к тюркскому *коч* ‘баран’: тюрк. *кочкор* ‘самец овцы, баран производитель’ [СИГТЯ 1997: 432–433]. В. И. Рассадин отмечал монгольское происхождение слова [Рассадин 2019: 146]. В алтайском языке, а также в его диалектах лексема *ирик* чаще употребляется для обозначения кастрированного барана [АРС 2018: 237].

Видовые наименования козы / козла в алтайском языке

По сравнению с другими животными, коз алтайцы разводили сравнительно мало (в основном в Кош-Агачском и Улаганском районах). Пратюркская форма – **äžikä* (< *äčki*) / **käči*. Сло-

во в различных фонетических вариантах широко представлено в следующих тюркских языках: др.-уйг., крх.-уйг., ср.-уйг., хрзм.-т. *äčküi*, ср.-кыпч. *äčki*; чаг. *üčküi*; халх. *äčcüi*, *äčgüi*; караим., карач.-балк., кум. *äčki*; нот., к.-калп. *äčki*; кирг. *äčki*; узб. *äčki*, уйг. *äčküi*; хак. *öski*, тув., тоф. *öšküi*; тур., гаг., аз. *käçi*, туркм. *gäçi*, тат. *käžä*, башк. *käzä* [СИГТЯ 2001: 426].

Алт. *эчки* ‘коза’ (кум., туб., тел., теленг. *эчки*, чал. *эшке*) [РТС 2019: 105; РКС 2021: 135; Баскаков 1985: 231]. «Фонетическое сходство обеих тюркских форм – *äčki* и *käçi* позволило увидеть в *käçi* метатезу из *äčki*, а за возможностью метатезы – имитативную природу слова (из разного рода подзваний коз). Эти версии многократно обсуждались в литературе. Э. В. Севортян, придавая принципиальное значение уникальной восточно-туркестанской форме *käčki*, находил в ней подтверждение структурности обоих рядов форм: *käč-i*, *käč-ki* // *äč-ki*, *äč-küi* [ЭСТЯ 1980: 35–36], что просто заменяет один вопрос другим: о соотношении основ *äč-* и *käč-*» [СИГТЯ 2001: 426–427].

По половозрастным признакам и в зависимости от времени рождения в алтайском языке названия коз почти не отличаются от названий овец. В теленгитском диалекте алтайского языка козлят называют *анай*, а в остальных диалектах и в литературном алтайском языке функционирует лексема *уулак*.

Ср.: крх.-уйг., ср.-кыпч. *oylaq*, аз. *oylaq* ‘козленок (в возрасте от полугода до года)’, туркм. *owlaq*, караим., карач.-балк., кум., ног. *ulaq*, башк., к.-калп. *ulaq* ‘козленок (без указания возраста)’, каз. *laq*, кирг. *ulaq* ‘козленок, козочка (домашние и дикие, в возрасте до года)’, узб. *ulaq* ‘козленок (в возрасте от полугода до года)’, хак. *oylax* ‘годовалый дикий козленок’ [СИГТЯ 2001: 428]. Редукционные процессы, затронувшие анлаут слова, особенно в кыпчакских формах, указывают на давность ее бытования. Об этом же свидетельствует венг. *ollo* ‘козленок’, возводимое к булг. *oylaq* [ЭСТЯ 1974: 405].

Для обозначения половых различий козлят употребляются слова *эркек* ‘самец’ и *тижи* ‘самка’, например: *эркек анай* / *уулак* ‘козленок-самец’ и *тижи анай* / *уулак* ‘козленок-самка’. В дальнейших возрастных группах, как и у овец, для обозначения самца козла употребляется общевидовое наименование *теке* ‘козел’: туб. *текэ*, кум. *айар эчки*, *иргек эчки* [РТС 2019: 105; РКС 2021: 135]. Пратюркская форма – **täkä*. Лексема *теке* встречается в следующих языках: др.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз. *täkä*, тур., туркм. *teke*, аз. *täkä*, кумык., ног., к.-калп., тат., башк., каз. *mäkä*, кирг. *teke*, узб. *taka* ‘козел, нехолощенный самец козы’, кроме тоф. *техе* ‘дикий горный козел’ [СИГТЯ 2001: 428]. «Древность слова подчеркивается его представленностью во всех группах тюркских языков, а также в монгольских языках с характерным несовпадением в семантике: если калм. *täke*, бур. *tähä* ‘козел (некастрированный)’, как и в тюркских языках, обозначает домашний вид, то в халхаском *tähä* ‘козел (дикий)’. Монгольским же влиянием следует объяснять значение слова (но не звуковой облик) в алтайском, тогда как тофаларское – полное монгольское заимствование. Если монголо-халхасское значение отражает более древнее состояние, тогда можно думать, что монголы и тюрки (или кто-то из них) самостоятельно перенесли название дикого вида *täkä* на domesticiрованный. И таково типологическое правило: в соотношении значений “дикий вид” – “одомашненный вид” более старым является первое, если что-либо не указывает на обратное» [СИГТЯ 2001: 428].

Южные алтайцы для обозначения козла-производителя одновременно с названием *теке* употребляют лексему *серке*. В настоящее время название *серке* в различных фонетических вариантах функционирует в казахском, каракалпакском, тувинском, узбекском, уйгурском языках в значении ‘козел (холощенный)’. По происхождению данное наименование восходит к монгольскому *serke* ‘козел-кастрат трех лет’ [Рассадин 2019: 180].

Заключение

Анализ лексики, обозначающей домашних животных, в алтайском языке свидетельствует о развитой системе животноводческой терминологии у алтайцев, которая объясняется скотоводческим типом хозяйствования предков алтайцев. Сопоставление базовой лексики, обозначающей домашних животных, в алтайском языке с этимологическими данными показывает, что она восходит к пратюркским формам. В период единства тюркских народов они имели общую

лексику, связанную с ведением хозяйства, но в дальнейшем, в процессе исторического развития в их языках появились свои особенности в терминах скотоводства. В алтайском языке и его диалектах сохраняются лексемы тюркского происхождения, при этом диалектные варианты лексем отличаются от лексем в литературном алтайском языке лексическими и фонетическими особенностями.

Наблюдаются определенные фонетические процессы, касающиеся как гласных, так и согласных звуков в словах. Для согласных алтайского языка и его диалектов характерны озвончение в интервокальной позиции, ощеливание (замена смычного *ɣ* на щелевой *y*: алт. *бука* ‘бык’, кум. *буга*, чал. *пуа*, туб., *пуга*), смычного согласного *б* на *в* (туб. *торвоқ*, кум. *торбак*, тел. *торбок*), деаффрикатизация (потеря смычного компонента у *ч*, переход его в *ш*), редуцирование (согласного *y* и образование дифтонга *ya*), озвончение глухого согласного *ч* – *ч*, а также элизия согласного *л* (*куча* ‘баран-самец’, *кульча*), озвончение глухой аффикаты *ч* в *дж*, деаффрикатизация *дж* в *ж* с дальнейшей элизией *ж* в ноль звука (алт. *кунан* / *кунајын* ‘жеребенок от двух до трех лет’, кум. *куначын*, чал. *кунаджын*, туб. *кунажы*). Для гласных характерны удлинение (*бей* – *бее*, *пей* – *пее*, произошла апокопа согласного *й*), элизия согласного *y* и образование долгого гласного, редукция сверхкраткого, слабонапряженного согласного (*ийнек* – *инек*), редукция инициального узкого гласного (*инек* – *нек*), делабиализация, или разогубление (туб. *қылнақ* ‘жеребенок’, алт. *кулун*).

На развитие скотоводческой лексики алтайского языка в некоторой степени оказал свое влияние монгольский язык. Выделены как родовые, так и видовые названия домашних животных. В основе этих номинаций лежат семантические признаки, обозначающие признаки животных: половозрастные различия, время их рождения и др. Наиболее четко выделяются физические признаки, характеризующие этих животных: *мелкое* – *крупное*, *жирное* – *тощее*, *яловое* – *не яловое*, *чистое* – *нечистое*, *животное с обетом* (предназначенное для божества), *животное с теплым носом* – *животное с холодным носом*, *холощенное* – *нехолощенное*, *самец* – *самка*. При характеристиках животных могут выделяться признаки, характерные для определенного животного. Так, для лошади выделяются признаки *объезженная* – *необъезженная*, а для коровы – *с рогами* – *безрогая*, *молочной* – *немолочной* (породы). Выделенные признаки легли в основу наименований домашних животных в алтайском языке. Лексикализация этих словосочетаний позволяет их фиксировать в словарях различных типов.

Список литературы

Алмадакова Н. Д. Названия крупного и мелкого рогатого скота в телёском (чолушманском) говоре улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте) // Вопросы диалектологии. 2018. № 1–2. С. 7–15.

АРС – Алтайско-русский словарь / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.

Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М. Ойротско-русский словарь. М.: ОГИЗ, 1947. 312 с.

Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи): граммат. очерк, тексты, пер., слов. М.: Наука, 1972. 279 с.

Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): граммат. очерк, тексты, пер., слов / Отв. ред. К. М. Мусаев. М.: Наука, 1985. 231 с.

Дарыджы А. К. Говоры теленгитского диалекта алтайского языка (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) / Отв. ред. А. Р. Тазранова. Новосибирск: Академиздат, 2021. 384 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Дьячковский Ф. Н., Тазранова А. Р., Баярсайхан Б., Трофимова С. М., Попова Н. И. Названия способов движения (аллюра) лошади в тюркских языках Сибири (в сопоставлении

с монгольскими) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 61–73.

Иибердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М.: Наука, 1986. 151 с.

Каишгари М. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3-х томах. М.: Восточная литература, 2010. Т. 1. 464 с.

КРС – Кумандинско-русский словарь: ок. 10000 слов / Сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова, Е. И. Тукмачева. Бийск: Бийский котельщик, 1995. 150 с.

Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 272 с.

Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1976. 292 с.

Максютова Н. Х. Терминология коневодства у башкир // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. Уфа, 1983. С. 18–26.

Надергулов У. Ф. Животноводческая лексика башкир. Уфа: Гилем, 2000. 186 с.

Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / Под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Нестор-История, 2019. 608 с.

РКС – Русско-кумандинский словарь / Сост. М. Б. Петрушова, В. М. Данилов, ред. Н. А. Дьайым. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2021. 504 с.

РТС – Русско-губаларский словарь / Сост. А. С. Кучукова; ред. С. Б. Сарбашева. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2019. 384 с.

Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. протоирей В. Вербицкий. Изд. Православного Миссионерского общества. Казань: Тип. В. М. Ключникова, Большая Проломная улица, 1884; 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. 504 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

Тазранова А. Р. Лексема *мал* ‘скот’ в алтайском языке в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8. № 4. С. 158–165.

Тазранова А. Р. Половозрастные названия мелкого рогатого скота в алтайском языке (в сравнительно-сопоставительном освещении) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 4 (42). С. 55–64.

ТРС – Телеутско-русский словарь / Сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 119 с.

Тоцакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев. Горно-Алтайск, 1978. С. 70–103.

Щербак А. М. Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–172.

ЭСТЯ 1974 – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 769 с.

ЭСТЯ 1978 – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.

ЭСТЯ 1980 – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980. 392 с.

ЭСТЯ 1989 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Й» / Отв. ред. Л. С. Левитская. М., 1989. 292 с.

ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М., 1997. 363 с.

Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типогр., 1990. 169 с.

Яимова Н. А. Наименование лошади в алтайском языке // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск, 2002. С. 230.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 s.

Список условных обозначений

аз. – азербайджанский; **алт.** – алтайский; **башк.** – башкирский; **гаг.** – гагаузский; **др.-уйг.** – древнеуйгурский; **каз.** – казахский; **к.-калп.** – каракалпакский; **караим.** – караимский; **крх.-уйг.** – караханидско-уйгурский; **карач.-балк.** – карачаево-балкарский; **кирг.** – киргизский; **кум.** – кумандинский; **кумык.** – кумыкский; **кыпч.** – кыпчакский; **ног.** – ногайский; **маньчж.** – маньчжурский; **монг.** – монгольский; **ойрат.** – ойратский; **орх.** – орхонский; **сал.** – саларский; **ср.-уйг.** – среднеуйгурский; **ср.-кыпч.** – среднекыпчакский; **ст.-осм.** – староосманский; **стп.-м.** – старописьменный монгольский; **тат.** – татарский; **тел.** – телеутский; **теленг.** – теленгитский; **тоф.** – тофаларский; **туб.** – тубаларский; **тув.** – тувинский; **тур.** – турецкий; **туркм.** – туркменский; **уйг.** – уйгурский; **узб.** – узбекский; **хак.** – хакасский; **халх.** – халхасский; **хрзм.-т.** – хорезмско-тюркский; **чаг.** – чагатайский; **чал.** – чалканский; **чув.** – чувашский; **эвенк.** – эвенкийский; **як.** – якутский.

References

Almadakova N. D. Nazvaniya krupnogo i melkogo rogatogo skota v tyolyoskom (cholushmanskome) govore ulaganskogo dialekta telengitskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [Names of cattle and livestock in the Tyolos (Cholushman) voice of the Ulagan dialect in the Telengit language (in the comparative aspect)]. *Problems of dialectology*. 2018, no. 1–2, pp. 7–15. (In Russ.)

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian Dictionary]. A. E. Chumakaev (Ed. in Ch.). Gorno-Altai, 2018, 936 p. (In Alt., In Russ.)

Baskakov N. A. *Dialekt kumandintsev (kumandy-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov.* [Kumandin dialect (Kumandy-Kizhi): grammar essay, texts, translation, dictionary]. Moscow, Nauka, 1972, 279 p. (In Alt., In Russ.)

Baskakov N. A. *Severnye dialekty altayskogo (oyrotskogo) yazyka: dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., dict.* [Northern dialects of the Altai (Oyrot) language: the dialect of the Lebedin Tatar-Chalkants (Kuu-Kizhi): grammar essay, texts, translation, dictionary]. K. M. Musaev (Ed. in Ch.). Moscow, Nauka, 1985, 231 p. (In Alt., In Russ.)

Baskakov N. A., Toshchakova T. M. *Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oyrot-Russian dictionary]. Moscow, OGIZ Publ., 1947, 312 p. (In Alt., In Russ.)

Darydzhy A. K. *Govory telengitskogo dialekta altayskogo yazyka (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri)* [Dialects of the Telengit dialect of the Altai language (in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia)]. A. R. Tazranova (Ed.). Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 384 p. (In Russ.)

Diachkovskiy F. N., Tazranova A. R., Bayarsaykhan B., Trofimova S. M., Popova N. I. Nazvaniya sposobov dvizheniya (allyura) loshadi v tyurkskikh yazykakh Sibiri (v sopostavlenii s mongol'skimi) [Horse gait terms in Turkic languages of Siberia (Compared to Mongolic languages)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023, vol. 22, no. 2: Philology. pp. 61–73. (In Russ.)

Drevnyeturkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (Eds.). Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russ.)

Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "Zh," "Y" [Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic fundamentals on the letter "Zh," "Y"]. Levitskaya L. S. (Ed.). Moscow, Nauka, 1989, 292 p. (In Russ.)

Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "K" [Etymological dictionary of Turkic languages. All-Turkic and inter-Turkic foundations of the letter "K"]. Blagova G. F. (Ed.). Moscow, Nauka, 1997, 363 p. (In Russ.)

Ishberdin E. F. *Istoricheskoe razvitie leksiki bashkirskogo yazyka* [Historical development of the vocabulary of the Bashkir language]. Moscow, Nauka, 1986, 151 p. (In Russ.)

Kashgari M. *Divan lugat at-turk (Svod tyurkskikh slov)* [Divan lugat at-Turk (Code of Turkic words): In 3 vols.]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2010, vol. 1, 464 p. (In Russ.)

- Kumandinsko-russkiy slovar'*: ok. 10 000 slov [Kumandin-Russian dictionary: about 10000 words]. L. M. Tukmachev, M. B. Petrushova, E. I. Tukmacheva (Comps.). Biysk, Biyskiy kotel'shchik Publ., 1995, 150 p. (In Kum., In Russ.)
- Maksyutova N. X. *Vostochnyy dialekt bashkirskogo yazyka* [Eastern dialect of the Bashkir language]. Moscow, Nauka, 1976, 292 p. (In Russ.)
- Maksyutova N. X. Terminologiya konevodstva u Bashkir [Terminology of the language of Bashkir]. In *Voprosy leksikologii i leksikografii bashkirskogo yazyka* [Questions of lexicology and lexicography of the Bashkir language]. Ufa, 1983, pp. 18–26. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. *Yuzhnyy dialekt bashkirskogo yazyka* [Southern dialect of the Bashkir language]. Moscow, Nauka, 1979, 272 p. (In Russ.)
- Nadergulov U. F. *Zhivotnovodcheskaya leksika Bashkir* [Animal vocabulary Bashkir]. Ufa, Gilem, 2000, 186 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. *Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoy yazykovoy obshchnosti* [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian linguistic community]. A. V. Dybo (Ed.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019, 608 p. (In Russ.)
- Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969, 533 p.
- Russko-kumandinskiy slovar'* [Russian-Kumandin dictionary]. M. B. Petrushova, V. M. Danilov (Comps.), N. A. D'ayym (Ed.). Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2021, 504 p. (In Russ., In Kum.)
- Russko-tubalarskiy slovar'* [Russian-tubal dictionary]. A. S. Kuchukova (Comp.), S. B. Sarbasheva (Ed.). Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2019, 384 p. (In Tuba, In Russ.)
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. All-Turkic and inter-Turkic bases for vowels]. Moscow, Nauka, 1974, 769 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"* [Etymological dictionary of Turkic languages. All-Turkic and inter-Turkic foundations of the letter "B"]. Moscow, Nauka, 1978, 349 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "V," "G," i "D"* [Etymological dictionary of Turkic languages. All-Turkic and inter-Turkic foundations of the letters "B," "G," and "D"]. Moscow, Nauka, 1980, 392 p. (In Russ.)
- Shcherbak A. M. Nazvaniya dikikh i domashnikh zhitovnykh v tyurkskikh yazykakh [Names of wild and domestic animals in Turkic languages]. In *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of the vocabulary of Turkic languages]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, pp. 82–172. (In Russ.)
- Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka* [Dictionary of Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Archpriest V. Verbitsky (Comp.). Edition of the Orthodox Missionary Society. Kazan, V. M. Klyuchnikova Publ. House, Bol'shaya Prolomnaya ulitsa, 1884, 2nd ed. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 2005, 504 p. (In Alt., In Russ.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon]. E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov, A. V. Dybo, I. V. Kormushin, L. S. Levitskaya, O. A. Mudrak, K. M. Musaev (Comps.). 2nd ed., suppl., Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (In Russ.)
- Tazranova A. R. Leksema *mal* 'skot' v altayskom yazyke v sopostavlenii s drugimi tyurkskimi i mongol'skimi yazykami [The token *mal* 'cattle' in the Altai language in comparison with other Turkic and Mongolian languages]. *Theoretical and Applied Linguistic*. 2022, iss. 8, no. 4, pp. 158–165.
- Tazranova A. R. Polovozrastnye nazvaniya melkogo rogatogo skota v altayskom yazyke (v sravnitel'no-sopostavitel'nom osveshchenii) [Sex and age names of small cattle in the Altai language (in comparative light)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2023, 4 (42), pp. 55–64. (In Russ.)
- Teleutsko-russkiy slovar'* [Teleutsko-Russian dictionary]. L. T. Ryumina-Syrkasheva, N. A. Kuchigasheva (Comps.). Kemerovo, Kem. kn. izd., 1995, 119 p. (In Tel., In Russ.) national culture]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk, 1978, pp. 70–103. (In Russ.)

Yaimova N. A. *Naimenovanie loshadi v altayskom yazyke* [Naming horses in Altaic language]. In: *Teoreticheskie voprosy altayskoy grammatiki* [Theoretical questions of Altaic grammar]. Gorno-Altai, 2002, 230 p. (In Russ.)

Yaimova N. A. *Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altaiskom yazyke* [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]. Gorno-Altai, Gorno-Altayskaya tipogr., 1990, 169 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
26.09.2023

Сведения об авторах

Ерленбаева Надежда Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Российская Федерация)

E-mail: env-1977@yandex.ru

ORCID 0000-0002-9115-5686

Сарбашева Сурна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Российская Федерация)

E-mail: surnasarbasheva@mail.ru

ORCID 0000-0002-6022-6664

Information about the Authors

Erlenbaeva Nadezda Viktorovna – Candidate of of Philology, Associate Professor, Department of Altai Philology and Oriental Studies, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation)

E-mail: env-1977@yandex.ru

ORCID 0000-0002-9115-5686

Sarbasheva Surna Borisovna – Candidate of of Philology, Associate Professor, Department of Altai Philology and Oriental Studies, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation)

E-mail: surnasarbasheva@mail.ru

ORCID 0000-0002-6022-6664

СИНТАКСИС

УДК 811.553
DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-50-63

Модели предложений количества в кетском языке

Н. В. Журавлев

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация

Кетские предложения количества строятся по нескольким фиксированным моделям, в которых в позиции предиката могут выступать числительные, квантификаторы и глаголы, и по структурно-семантическим вариантам других бытийно-пространственных моделей. К ЭПП относятся только предложения, построенные в соответствии с первым типом моделей. Выявлены некоторые особенности употребления числительных и квантификаторов в предложениях количества: в предложениях, где исчисляются люди, употребляются композиты с формантом *-deŋ*, восходящие к сочетаниям числительных со словом 'люди'; квантификаторы *oŋ* 'много' и *qomat* 'мало' тяготеют к лексикализации сочетания с лично-предикативным суффиксом 3-го л. мн. ч. мужского и женского классов *-aŋ*. Моделирование структуры и семантики кетских предложений производится впервые.

Ключевые слова

кетский язык, синтаксис, элементарное простое предложение, актуальное членение предложения, бытийно-пространственная пропозиция, числительные, квантификаторы

Для цитирования

Журавлев Н. В. Модели предложений количества в кетском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (Вып. 50). С. 50–63. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-50-63

Models of quantity sentences in the Ket language

N. V. Zhuravlev

Institute of Philology, SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper explores the modeling of existential-spatial elementary simple sentences (ESSs) in the Ket language, focusing on the expression of quantity. The syntax of the Ket language has not been previously analyzed in terms of ESS structure and semantics. This study opens prospects for a comparative analysis of ESSs in the Ket language with those in other languages of the areal. The data for the analysis were selected from published folklore and everyday texts. Fixed quantitative ESS models use numerals, quantifiers, and verbs for predicates, with the last type being non-isosemic. The peculiarities of isosemic predicates have been identified. The first is that numerative predicates in sentences quantifying people are used in combination with the word *deŋ* (people) or its analogs, with these combinations usually forming a compound. The second

© Н. В. Журавлев, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024, no. 2 (iss. 50)

is that predicative combination of quantifiers *ōn* (much) and *qomat* (little) with the predicative suffix of the third person plural of the masculine and feminine classes *-aŋ* which tends to become lexicalized and extended to function as the predicative indicator for third person plural in any class. The study revealed that non-isosemic predicates are verbs that signify the ideas of “something is sufficient” and “something is insufficient.” Quantity sentences can have different phasic variants, with quantificational-verbal predicates that allow for the incorporation of the quantifier into the phasic verb. While uncommon, quantifiers and numerals can be used attributively in quantity ESSs, adhering to the structural-semantic quantitative variants of other models. The paper provides the models of the sentences under consideration.

Keywords

Ket language, syntax, elementary simple sentence, topic and comment, existential-spatial proposition, numerals, quantifiers

For citation

Zhuravlev N. V. Modeli predlozheniy kolichestva v ketskom yazyke [Models of quantity sentences in the Ket language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 50–63. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-50-63

Введение

Кетские предложения, сообщающие о количестве предметов в заданном пространстве, делятся на две группы, которые можно представить следующими примерами:

(1) *ēn' siya aqnaŋtan lamtól'n on'aŋ*. [Kotorova, Nefedov 2015: 259] ¹

ēn si=ga aq=na=ŋtan lamtól=n
нынешний год=LOC дерево.PL=POSS.AN.PL=ADESS букашка=PL

on=aŋ

много=PRED.3AN.PL

‘В этом году в деревьях букашек много.’ [Там же]

(2) *bogdot il'e ĩn' tintaraq duyoten*. [Kotorova, Nefedov 2015: 382]

bogdot ile ĩn tintaraq duyoten
костер возле два таган.PL стоят

‘Возле костра два тагана стоят.’ [Там же]

К предложению (1) можно задать вопрос «Сколько букашек в деревьях в этом году?». Предложения такого типа являются собственно-количественными: в них значение количества предметов находится в реме и выражено предикативно: числительное *on* ‘много’ принимает лично-предикативный показатель *-aŋ*, указывающий на отнесенность субъекта к 3-му лицу, множественному числу, мужскому / женскому классу, и стоит в абсолютном конце предложения в позиции ремы. В предложении (2) значение количества предметов второстепенно по отношению к информации о самом существовании предметов в заданном пространстве (ср. вопрос: «Что стоит возле костра?») и выражается атрибутивно: числительное *ĩn* ‘два’ входит в состав количественного сочетания *ĩn tintaraq* ‘два тагана’ в позиции подлежащего.

Поскольку в обоих предложениях локализатор (слово или сочетание слов с пространственным значением) является обязательным структурным элементом ², они

¹ В первой строке предложение приводится в орфографии источника, во второй – в фонематической записи в соответствии с принципами, примененными при указании лемм в [Kotorova, Nefedov 2015]. Иллюстративный материал [Там же] дается в нефонематической записи.

² Это не исключает возможности его опущения на поверхностном синтаксическом уровне в связи с тем, что он находится в теме таких предложений и его введение может быть избыточным.

входят в блок бытийно-пространственных предложений, описывающих бытие предмета в пространстве.

Кетские предложения с локализаторами уже становились объектом рассмотрения [Буторин 2015, 2016, 2017; Гришина 1977; Кабанова 1980; Крюкова 2013; и др.], однако анализ данного материала с позиций моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения (ЭПП) проводится впервые. ЭПП, понимаемое нами вслед за представителями Новосибирской синтаксической школы как основная единица синтаксиса – это «простое монопредикативное предложение, не содержащее никаких компонентов, которые могли бы быть развернуты в предикативную единицу» [Колосова, Черемисина 1986: 14]. Планом содержания ЭПП является пропозиция – «объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных смыслов и от той проекции, которую придает ему та или иная формальная организация предложения» [Белошапкина 1989: 686]. Планом выражения ЭПП является структурная схема. Модель ЭПП – «метаязыковой знак, символически отображающий структуру ЭПП и отношения между его компонентами» [Кошкарёва 2007: 5]. Одной и той же пропозиции могут соответствовать несколько моделей, отражающих синонимичные на пропозициональном уровне ЭПП. Все такие модели могут быть описаны как варианты определенной типовой синтаксической структуры (ТСС) – «устойчивого синтаксического построения с прототипическим значением» [Там же].

Так, в зависимости от того, что известно адресату, статическая³ бытийно-пространственная пропозиция реализуется в предложениях, построенных по моделям существования, наличия и местонахождения. Представим типовые случаи употребления этих коммуникативных вариантов:

- (3) [– Что есть на столе?] – На столе есть *яблоко*.
 (4) [– Есть ли на столе яблоко?] – Яблоко на столе *есть*.
 (5) [– Где есть яблоко?] – Яблоко есть *на столе*.

Из предложения (3) адресат узнает о существовании предмета в заданном пространстве. В пресуппозиции этого предложения находится знание о существовании стола и знание о том, что на нем что-то есть или может быть. Из предложения (4) адресат узнает о наличии предмета в заданном пространстве. В пресуппозиции также находится знание о существовании стола, знание о существовании яблока и знание о том, что яблоко может быть на столе. Из предложения (5) адресат узнает, в каком пространстве находится яблоко. В пресуппозицию таких предложений входит знание о существовании локализуемого предмета, о его наличии в некотором пространстве и – опционально – о существовании стола. Приведенные предложения репрезентируют три возможных коммуникативных варианта бытийной ТСС.

На вопрос из примера (4) можно дать и другой ответ:

- (6) – Яблока на столе *нет*.

В некоторых языках, например в тюркских языках Южной Сибири [Серээдар и др. 1996: 43–52], предложения типа (6) строятся по модели отсутствия,

³ То есть включающая в себя статический локализатор. Статической бытийно-пространственной пропозиции противопоставлена пропозиция движения, включающая динамический локализатор [Кошкарёва 2010: 137].

четко отграниченной от модели наличия составом и порядком компонентов, зафиксированными за предложениями с этим значением, в других, в том числе в кетском, – по структурно-семантическому⁴ варианту модели наличия. Основанием для варьирования моделей ЭПП является количество предметов. Количественность, как и негация, относится к числу припропозитивных смыслов, однако, получая фиксированное структурное оформление, она становится основанием для выделения ЭПП количества.

В данной статье рассматривается фрагмент системы моделей бытийно-пространственных элементарных простых предложений, связанный с выражением значения количества. Так, предложение (2) строится по структурно-семантическому варианту модели существования. Количественные варианты есть и у предложений наличия и местонахождения (см. п. 2). Предложения типа (1) строятся по собственно-количественным моделям (см. п. 1).

1. Модели количества

Обобщенная модель количества в кетском языке имеет следующий вид: $\{Lex^{Loc} N^{Ex}_{BAS} Num/Quant^{Praed}\}$, где Lex^{Loc} – локализатор, N^{Ex}_{BAS} – субъект-экзистенс в форме основного падежа, $Num/Quant^{Praed}$ – предикат с количественным значением. Изосемическими предикатами, значение которых соответствует категориальному значению части речи [Золотова и др. 2004: 109–110], в предложениях количества выступают квантификаторы⁵ из разряда слов-определителей⁶ *on* ‘многие/много’ и *qomat* ‘малый/мало’ и количественные числительные, чаще всего оформленные лично-предикативными аффиксами, выбираемыми по нестандартной схеме.

Лично-предикативные аффиксы в кетском языке являются средством выражения предикативности при отсутствии глагола-связки и в пространственных предложениях [Буторин 2015], и в предложениях характеристики [Kotorova, Nefedov 2015: 64], что определяет пограничное положение предложений количества между бытийно-пространственным блоком и блоком характеристики.

Рассмотрим группы предикатов в предложениях количества.

1.1. Модели количества с предикатами-числительными

Как квантификаторы, так и числительные, начиная с числительного «два», употребляются только с аффиксами *-an*, *-am*, указывающими на множественность субъекта (числительные *qok* ‘один, одна’, *qus* ‘одно’, наоборот, только с аффиксами ед. ч.). Парадигма лично-предикативных аффиксов представлена в Таблице 1, правила выбора аффикса для числительных, описанные С. Георгом [Georg 2007: 179], – в Таблице 2.

⁴ Под структурным варьированием понимаются изменения в плане выражения (например, выбор той или иной формы одного из компонентов модели), под семантическим – изменения в плане содержания (в данном случае модель подвергается варьированию по категории отрицания).

⁵ Этот термин мы употребляем вслед за С. Георгом [Georg 2007: 182–183].

⁶ В класс слов-определителей входят слова, традиционно называемые прилагательными и наречиями [Крюкова 2005].

Таблица 1
Table 1Лично-предикативные суффиксы
Predicate concord suffixes

Лицо, класс	SG	PL
1	-di	-dəŋ
2	-ku	-kəŋ
3M	-du	-aŋ
3F	-da	
3N	-am	

Таблица 2
Table 2Предикативные аффиксы, присоединяемые к числительным
Predicate suffixes that are added to numerals

Числительное (n)	Класс исчисляемого субъекта	
	AN (M, F PL)	N
$2 \leq n \leq 5$	-aŋ	-am
$5 < n$	-am / -s / -sin	

С. Георг пишет, что аффикс *-aŋ*, присоединяемый к числительным, «идентичен с именным суффиксом мн. ч.» [Там же], однако нам представляется излишним такое дробление парадигмы лично-предикативных аффиксов. Данный аффикс по функции и дистрибуции (в рамках числительных от 2 до 5) совпадает с лично-предикативным аффиксом 3-го л. мужского и женского классов – предложения с субъектами в 1-м и 2-м л. и числительными, оформленными аффиксами *-aŋ*, *-am*, не обнаружены.

Исчисляемые предметы в предложениях количества с предикатом-числительным всегда употребляются во мн. ч.

(7) *būŋ bēs' inaŋ*. [Kotorova, Nefedov 2015: 117]

bū=ŋ bēs in=**aŋ**
3AN=PL лишь два=**PRED.3AN.PL**
'Их лишь двое.' [Там же]

(8) мад. *abaŋta īm qomataŋ, ukuŋa qaŋam, abaŋa qaŋam*. [Kotorova, Nefedov 2015: 209]

ab=aŋta īm qomat=aŋ uk=uŋa
1SG.POSS=ADESS орех.N=SG мало=PRED.3AN.PL 2SG.POSS=DAT
qaŋ=**am** ab=aŋa qaŋ=**am**
пять=**PRED.3N** 1SG.POSS=DAT пять=**PRED.3N**
'У меня орехов мало, тебе пять, мне пять.' [Там же]

(9) *tun'e ass'en' qəs'in*. [Werner 1997a: 129]

tu=ne assen qo=s=in
этот=PL зверь.PL десять=**PRED=PL**
'Этих зверей десять.'

Другим способом предикативного оформления числительных является присоединение к ним форманта *-deŋ*: *indeŋ* 'двое, вдвоем', *doŋdeŋ* 'трое, втроем' и т. д. Такие ком-

позиты возникли на основе свободных сочетаний числительных со словом *deʹŋ* ‘люди’ (супплетивная форма мн. ч. от *keʹd* ‘человек’), и до сих пор их компоненты, несмотря на смысловую связанность, могут сохранять просодическую самостоятельность: в кетском языке гласные звуки всех односложных слов характеризуются одним из четырех тонов, которые диакритически отображаются на письме как \bar{v} , $v^?$, $\acute{v}\acute{v}$ и \grave{v} (система записи тонов дана по [Kotorova, Nefedov 2015: 28]) и по общему правилу теряются при добавлении второго слога. Сохранение моносиллабического тона в неодносложном слове указывает на неоконченный процесс словосложения [Georg 2007: 48–49]. В таких случаях правильнее говорить о *deʹŋ* как о слабо грамматикализованном счетном слове, употребляющемся при указании на количество людей, ср. (10), (11). На слабую связанность компонентов таких сочетаний указывают также случаи эллипсиса или замены слова *deʹŋ* на контекстуально более точное, как в (12). Существуют и предложения с подлинными композитами, ср. (13).

(10) *en ʔm sigdeʹng.* [Дульзон 1966: 66]

$\bar{e}n$	$\bar{a}t$	$s\bar{i}k$	deʹŋ
теперь	1PL	четыре	люди

‘Теперь нас четверо.’ [Там же: 71]

(11) *bū qoʹk keʹd, ariŋa duʹyaraq.* [Kotorova, Nefedov 2015: 307]

$b\bar{u}$	$qoʹk$	keʹd	aden=ga	duʹyaraq
он	один.AN	человек	лес=LOC	живет

‘Он один [человек], в лесу живет.’ [Там же]

(12) *avaŋta ɔnʹ deʹŋ, hoʹnʹ qāk, hunʹaŋ ɪn diʹgat.* [Kotorova, Nefedov 2015: 284]

ab=аŋta	$\bar{o}n$	deʹŋ	hoʹn	qāk	[deʹŋ]
1SG.POSS=ADESS	много	человек.PL	мужчина.PL	пять	[человек.PL]

hun=аŋ	$\bar{i}n$	diʹgat
дочь=PL	два	ребенок=PL

‘У меня много человек, сыновей [мужиков] пять, дочерей двое детей.’ [Там же]

(13) *hoʹnʹ obilʹda indeŋ.* [Kotorova, Nefedov 2015: 177]

hoʹn	obilʹda	$\bar{i}n=deŋ$
мужчина.PL	было	два=человек.PL

‘Мужиков было двое.’ [Там же]

Числительные в предложениях с *deʹŋ / deŋ* ‘люди’ или *keʹd / ked* ‘человек’, как в (11), входят в состав количественно-именных предикатов, включающих также связку *obilʹda* ‘был, была, было’ в прошедшем времени. В отличие от числительных с лично-предикативными аффиксами, такие предикаты не согласуются с субъектом в лице и могут использоваться в предложениях с субъектами во всех лицах. С другой стороны, значение *deʹŋ / deŋ* ограничивает круг возможных субъектов словами, обозначающими людей.

Наконец, в относительно редких случаях (обычно в контексте сообщения возраста) числительные в предложениях количества могут употребляться атрибутивно:

(14) *авынгтә еак с'ыкнз*. [Дульзон 1972: 69]

ab=aŋta e'k s'ikŋ
1SG.POSS=ADESS двадцать год.PL
Букв.: У меня двадцать годá.

‘[– Сколько тебе лет?] – Мне двадцать лет.’ [Там же: 145]

Итак, у модели количества с предикатом-числительным есть следующие структурно-семантические варианты:

1.1.1 {Lex^{Loc} N^{Ex}_{BAS} [Num=PERS.NUM.CLASS]^{Praed}}⁷

1.1.2. {Lex^{Loc} N^{Ex}_{BAS} [Num *de'ŋ*]^{Praed}};

1.1.3. {Lex^{Loc} Num^{Praed} N^{Ex}_{BAS}}⁸.

Варианты 1.1.1. и 1.1.3. входят в отношения синонимии.

1.2. Модели количества с предикатами-квантификаторами

Правила выбора аффикса для квантификаторов, по-видимому, изначально были такими же, как для числительных от 2 до 5, но в предложениях с предикатом *qomat* ‘мало’ эта схема работает с редкими и не поддающимися объяснению исключениями, ср. примеры (15), (16) и (17), а в предложениях с предикатом *on* ‘много’ она сохранилась⁹ только в мадуйском говоре (северный диалект), ср. (18), (19) и (20), (21). В целом же наблюдается тенденция к расширению функции аффикса *-aŋ* до предикативного показателя 3-го л. мн. ч. любого класса.

(15) кел. *ata baŋ=ga s'ujŋaq kəmat=aŋ*. [Kotorova, Nefedov 2015: 355]

əta baŋ=ga s'ujŋaq qomat=aŋ
1PL.POSS земля=LOC ольха.M.PL мало=PRED.3AN.PL
‘На нашей земле ольхи мало.’ [Там же]

(16) кел. *ūl' qomatam*. [Kotorova, Nefedov 2015: 400]

ūl' qomat=am
вода.N.SING мало=PRED.3N
‘[В котле] воды мало.’ [Там же]

(17) мад. *abaŋta im qomataŋ*. [Kotorova, Nefedov 2015: 209]

ab=aŋta im qomat=aŋ
1SG.POSS=ADESS орех.N.SING мало=PRED.3AN.PL
‘У меня орехов мало.’ [Там же]

(18) мад. *holeŋes'ka usalkitn on'aŋ*. [Kotorova, Nefedov 2015: 415]

holeŋes=ka usalkit=n on=aŋ
холм.PL=LOC берзка.M=PL много=PRED.3AN.PL
‘На холмах берзек много.’ [Там же]

⁷ В прошедшем времени предикат принимает форму [Num Aux=NUM]^{Praed}, где Aux – вспомогательный глагол *obilda* ‘был/была/было’ / *obilden* ‘были’.

⁸ В 1.1.2. и 1.1.3. в состав предиката входит Aux=NUM.

⁹ Один из немногочисленных найденных мадуйских примеров с расогласованием предиката и субъекта в классе приводится в (22).

(19) мад. *ка? qol'epka tul'et on'am.* [Kotorova, Nefedov 2015: 248]

ка? qolep=ka tulet on=am
та сторона=LOC ягода.N.SING много=PRED.3N
'На той стороне ягоды много.' [Там же]

(20) кел. *ap tind hijga tul'et on'an.* [Kotorova, Nefedov 2015: 392]

ap tind hij=ga tulet on=an
1SG.POSS ведро в=LOC ягода.N.SING много=PRED.3AN.PL
'В моем ведре ягоды много.' [Там же]

(21) кел. [*qogdi dekn on' t'η duven,*] *tηol'anη hijga t'η on'an.* [Kotorova, Nefedov 2015: 398]

tηol=an=t hij=ga t'η on=an
желудок=PL=POSS.3N.PL в=LOC камень.N.PL много=PRED.3AN.PL
'[Осенью глухари много камней едят,] в желудках камней много.' [Там же]

(22) мад. *sali'gupka daan on'an.* [Kotorova, Nefedov 2015: 333]

salkub=ka daan on=an
мыс=LOC трава.N=SG много=PRED.3AN.PL
'На мысе травы много.' [Там же]

Можно предположить, что в кетском языке идет процесс лексикализации лично-предикативной формы квантификаторов с показателем *-an*, причем для *qomat* 'мало' этот процесс только начинается, а для *on* 'много' близок к завершению. Интересно, что этот аффикс выбирается для оформления таких предикатов даже в предложениях, где в ближайшем контексте употребляется числительное с аффиксом, согласующимся в лице с субъектом, ср. (8).

Материал другого енисейского языка – югского, близкородственного кетскому – показывает, что данная тенденция является кетской инновацией:

(23) юг. *d'enna xu'η one?* [Werner 1997b: 278]

d'enna xu'η on=e'
люди=POSS.AN.PL чум.N.PL много=PRED.3N
'Чумов людей много.'

Если в предложениях количества с предикатом-числительным (кроме *qok* 'один, одна', *quis* 'одно') субъекты всегда употребляются во множественном числе, то в предложениях с предикатами-квантификаторами субъекты могут быть выражены существительными во мн. ч. (см. примеры (15), (18), (21)), существительными *singularia tantum* (см. примеры (16), (17), (19), (20), (22)) и существительными в ед. ч. (см. пример (24)):

(24) *atna enjund il'ga on'an ulteqin.* [Kotorova, Nefedov 2015: 411]

at=na enjund il'ga on=an ulteqin=∅
1PL=POSS.AN.PL деревня около много=PRED.3AN.PL болото.N=SG
'Возле нашей деревни много болот.'

Подобные примеры также могут указывать на процесс лексикализации квантификаторов с аффиксом *-an*, в связи с которым исчезает необходимость в согласовании субъек-

екта с предикатом не только в классе, но и в числе. Впрочем, во всех ¹⁰ найденных примерах с субъектами в ед. ч. существительные, которыми они выражены, оканчиваются на *-n / -ŋ*, что формально сближает их с существительными во мн. ч. ¹¹, так что не исключена возможность переосмысления таких форм в качестве множественных.

Квантификаторы *tunun* ‘столько’ и *hənuna* ‘мало’ употребляются в предикативной позиции без лично-предикативных аффиксов.

(23) *kiʔε untij hijya ɛɛlʔ hənʔunʔa*. [Kotorova, Nefedov 2015: 199]

ki=de untij hij=ga ɛɛl hənuna
этот=N короб в=LOC ягода мало
‘В этом коробе ягоды мало.’ [Там же]

Квантификаторы в предложениях количества в редких случаях могут употребляться атрибутивно:

(24) – *bilun kəʔt? – avanta ɔnʔ deʔŋ*. [Kotorova, Nefedov 2015: 120]

bilun kəʔt ab=anta ɔn deʔŋ
сколько дети 1SG.POSS=ADESS много люди
‘– Сколько детей? – У меня много людей.’ [Там же]

Итак, у модели количества с предикатом-квантификатором есть следующие структурно-семантические варианты:

1.2.1. {Lex^{Loc} N^{Ex}_{BAS} [Quant=*aj*]^{Praed}} – с квантификаторами *ɔn* ‘много’, *qomat* ‘мало’;

1.2.2. {Lex^{Loc} N^{Ex}_{BAS} Quant^{Praed}};

1.2.3. {Lex^{Loc} Quant^{Praed} N^{Ex}_{BAS}}¹².

1.3. Модели количества с предикатами-глаголами

В периферию количественных предикатов входят глагольные предикаты *seh⁷-a⁴-qan~qon~(k)set⁰* ‘чего-либо хватает, достаточно’ и *k⁵-a⁴-[l²]-a¹-qo⁰* ‘чего-либо не хватает’:

(25) *abiŋa ū seŋaban*. [Kotorova, Nefedov 2015: 620]

ab=iŋa ū seŋ=a=b=qan
1SG.POSS=DAT сила хватать=THEM=3N=INCEP
‘Мне силы хватает.’ [Там же]

(26) *naʔnʔ kajavə*. [Kotorova, Nefedov 2015: 539]

naʔn k=a=j=a=qo
хлеб DET=THEM=INTER=RESULT=полный
‘Хлеба не хватает.’ [Там же]

Глагол также входит в состав предиката при фазисном варьировании ЭПП количества, причем квантификатор может инкорпорироваться в состав глагола, как в (28).

¹⁰ Исключение составляет единственный пример, отличающийся еще и тем, что в нем квантификатор оформлен аффиксом, согласующимся с субъектом не только в числе, но и в классе: *ɔta quisid əlgit taldes* (N=SG) *qomatam* (PRED.3N) ‘Возле нашего чума пыли [букв.: пылинки] мало’ [Которова 2015: 364].

¹¹ Показатели мн. ч.: *-(V)n / -(V)ŋ*.

¹² В 1.2.1., 1.2.2. и 1.2.3. в прошедшем времени предикат принимает форму [Quant Aux=NUM]^{Praed}.

(27) *ēnⁱ īsⁱ qomat doksⁱetn.* [Kotorova, Nefedov 2015: 313]

ēn īs qomat d=o=kset=n
теперь рыба мало 3AN.PL=THEM.PAST=INCEP=PL
'Теперь рыбы мало стало.' [Там же]

(28) *jéelⁱ abiŋt ənⁱavən.* [Kotorova, Nefedov 2015: 586]

jéel ab=iŋt on=a=b=qon
ягода 1SG.POSS=ADESS много=THEM=3N=INCEP
'Ягоды у меня много станет.' [Там же]

Итак, модель количества с предикатом-глаголом имеет следующий вид:

1.3.1. {Lex^{Loc} N^{Ex}_{BAS} V_f^{Quant}}.

2. Количественные структурно-семантические варианты статических бытийно-пространственных моделей

Как было сказано выше, любое бытийно-пространственное ЭПП может модифицироваться путем внедрения в него припропозитивного смысла количества. Соответственно, модель любого бытийно-пространственного ЭПП имеет количественный структурно-семантический вариант. Приведем несколько примеров предложений с их модифицированными моделями:

(29) *ulⁱbaŋ tixə ənⁱ lⁱdolⁱeŋ tavut.* [Kotorova, Nefedov 2015: 425]

ul=baŋ tika on əldol=eŋ t=a=b=qut
река=земля вниз много ракушка=PL DET=THEM=3N.PL=занимать.положение
'На берегу много ракушек лежит.' [Там же]

2.1. {Lex^{Loc} Quant N^{Ex}_{BAS} V_f^{Ex}} – количественный структурно-семантический вариант модели существования.

(30) *bildə tuŋa on¹³ denŋ bistemŋ tu¹³da kus¹³ka du: ʸin* [Дульзон 1966: 80].

bilda tu=ne on=denŋ bistemŋ tu=de qus=ka duyin
все этот=PL семь=человек.PL брат.PL этот=N чум=LOC живут
'Все эти семь братьев в этом чуме живут.' [Там же: 85].

2.2. {Num de²ŋ N^{Ex}_{BAS} Lex^{Loc} V_f^{Ex}} – количественный структурно-семантический вариант модели местонахождения.

Заключение

В кетском языке высказывания со значением количества строятся по нескольким фиксированным моделям, которые позволяют выделять их как отдельный класс бытийно-пространственных ЭПП, и по структурно-семантическим вариантам других бытийно-пространственных моделей. При описании этих моделей выявлены некоторые особенности способов выражения количества в кетском языке: 1) в предложениях, в которых предметом исчисления являются люди, используются композиты

¹³ При потере тона слова *o²n* 'семь' и *on* 'много' становятся омонимами (С. Георг предполагает, что эти слова этимологически связаны [Georg 2007: 182]). В данном случае значение *on* известно из контекста. Запись *ondeŋ* как композита в строке с глоссированием обосновывается отсутствием тона в обоих компонентах.

с аффиксом *-deŋ*, восходящие к сочетаниям числительных со словом *deʔŋ* 'люди', употреблявшимся в функции счетного слова; 2) квантификаторы *ɔn* 'много' и *qomat* 'мало' в предикативной позиции тяготеют к лексикализации сочетания с лично-предикативным суффиксом 3-го л. мн. ч. мужского и женского классов *-aŋ*. Моделирование структуры и семантики ЭПП в кетском языке, не проводившееся раньше, и наличие подобных работ по другим языкам открывают перспективы для дальнейшего описания ЭПП как в рамках кетского языка, так и в типологическом аспекте.

Список литературы

- Белошапкина В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А. и др.* Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1989. 799 с.
- Буторин С. С.* Общая характеристика неглагольных локативных предикатов в кетском языке // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 142–152.
- Буторин С. С.* Об основных средствах кодирования локационных и директивных семантических компонентов в кетском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. № 1. С. 84–96.
- Буторин С. С.* Типологические особенности выражения компонентов ситуации местонахождения в кетском языке: структурно-семантический анализ неглагольных предикатов // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 175–196.
- Гришина Н. М.* Употребление слова "банг" в сложном предложении кетского языка // Языки и топонимия. Вып. 4. Томск, 1977. С. 102–107.
- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
- Кабанова Т. А.* Способы выражения понятия «бытийности» в зачине кетских сказок // Языки и топонимия. Вып. 7. Томск, 1980. С. 177–178.
- Колосова Т. А., Черемисина М. И.* О терминах и понятиях описания семантики синтаксических единиц // Синтаксическая и лексическая семантика. Новосибирск, 1986. С. 10–32.
- Кошкарева Н. Б.* Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007. 46 с.
- Кошкарева Н. Б.* Синтаксис современного русского языка. Часть первая. Простое предложение: материалы к лекциям. Новосибирск, 2010. 264 с.
- Крюкова Е. А.* Класс слов-определителей в енисейских языках (сопоставительный анализ на материале кетского, югского и коттского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 17 с.
- Крюкова Е. А.* Пространственно-временные отношения в енисейских языках. Томск: Изд-во ТГПУ, 2013. 113 с.
- Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И.* Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 1996. 84 с.
- Georg S.* A descriptive Grammar of Ket (Yenisei-Ostyak), vol. 1: Introduction, phonology, morphology. Folkestone: Global Oriental Ltd, 2007. 328 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1966. 162 с.
Дульзон А. П. Сказки народов Сибирского Севера. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1972. 204 с.
Kotorova E., Nefedov A. Comprehensive Ket Dictionary: in 2 vol. Munich: LINCOM GmbH. 943 p.
Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997a. 405 p.
Werner H. Das Jugische (Sym-Ketische). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997b. 325 p.

References

- Beloshapkova V. A., Bryzgunova E. A., Zemskaya E. A., et al. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Moscow, Vyssh. shk., 1989, 799 p. (In Russ.)
- Butorin S. S. Obshchaya kharakteristika neglagol'nykh lokativnykh predikatov v ketskom yazyke [General characteristics of non-verbal locative predicates in Ket language]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2015, no. 2, pp. 142–152. (In Russ.)
- Butorin S. S. Ob osnovnykh sredstvakh kodirovaniya lokatsionnykh i direktivnykh semanticheskikh komponentov v ketskom yazyke [On the main means of encoding locative and directive semantic components in Ket language]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri*. 2016, no. 1, pp. 84–96. (In Russ.)
- Butorin S. S. Tipologicheskie osobennosti vyrazheniya komponentov situatsii mestonahozhdeniya v ketskom yazyke: strukturno-semanticheskii analiz neglagol'nykh predikatov [Typological peculiarities of expressing components of location situation in Ket language: structural and semantic analysis of non-verbal predicates]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2017, no. 2, pp. 175–196. (In Russ.)
- Georg S. *A descriptive grammar of Ket (Yenisei-Ostyak), vol. 1: Introduction, phonology, morphology*. Folkestone, Global Oriental Ltd, 2007, 328 p
- Grishina N. M. Upotrebleniye slova “bang” v slozhnom predlozhenii ketskogo yazyka [Use of the word “bang” in a complex sentence in the Ket language]. In *Yazyki i toponimiya* [Languages and Toponymy]. Tomsk, 1977, iss. 4, pp. 102–107. (In Russ.)
- Kabanova T. A. Sposoby vyrazheniya ponyatiya “bytiynosti” v zachine ketskikh skazok [Ways of expressing the idea of “beingness” in the beginning of Ket tales]. In *Yazyki i toponimiya* [Languages and Toponymy]. Tomsk, 1980, iss. 7, pp. 177–178. (In Russ.)
- Kolosova T. A., Cheremisina M. I. O terminakh i ponyatiyakh opisaniya semantiki sintaksicheskikh edinit [About terms and concepts of describing the semantics of syntactic units]. In *Sintaksicheskaya i leksicheskaya semantika* [Syntactic and lexical semantics]. Novosibirsk, 1986, pp. 10–32. (In Russ.)
- Koshkareva N. B. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka. Chast' pervaya. Prostoie predlozheniye: materialy k lektsiyam* [Syntax of the modern Russian language. Part one. Simple sentence: materials for lectures]. Novosibirsk, 2010, 264 p. (In Russ.)
- Koshkareva N. B. *Tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v ural'skikh yazykakh Sibiri* [Typical syntactic structures and their semantics in the Uralic languages of Siberia]. Abstract of Doct. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2007, 46 p. (In Russ.)
- Kryukova E. A. *Klass slov-opredeliteley v eniseyskikh yazykakh (sopostavitel'nyy analiz na materiale ketskogo, yugskogo i kottskogo yazykov)* [The class of word-definers in the Yeniseian languages (comparative analysis on the material of Ket, Yug and Kott languages)].

Abstract of Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2005, 17 p. (In Russ.)

Kryukova E. A. *Prostranstvenno-vremennye otnosheniya v enisejskikh yazykakh* [Spatial-temporal relations in the Yeniseian languages]. Tomsk, TSPU Publ., 2013, 113 p. (In Russ.)

Sereedar N. Ch., Skribnik E. K., Cheremisina M. I. *Strukturno-semanticheskaya organizatsiya predlozheniy nalichiya, lokalizatsii, kolichestva i otsutstviya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri* [Structural-semantic organization of sentences of presence, localization, quantity and absence in Turkic languages of South Siberia]. Novosibirsk, 1996, 84 p. (In Russ.)

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of Russian language]. Moscow, 2004, 544 p. (In Russ.)

List of sources

Dul'zon A. P. *Ketskie skazki* [Ket tales]. Tomsk, Tomsk univ. Publ., 1966, 162 p. (In Russ.)

Dul'zon A. P. *Skazki narodov Sibirskogo Severa* [Tales of the Peoples of the Siberian North]. Tomsk, Tomsk univ. Publ., 1972, 204 p. (In Russ.)

Kotorova E., Nefedov A. *Comprehensive Ket dictionary: in 2 vols.* Munich, 2015, 943 p.

Werner H. *Das Jugische (Sym-Ketische)*. Wiesbaden, 1997b, 325 p.

Werner H. *Die ketische Sprache*. Wiesbaden, 1997a, 405 p.

Список условных обозначений

1 – 1-е лицо ('я', 'мы'); **2** – 2-е лицо ('ты', 'вы'); **3** – 3-е лицо ('он', 'она', 'оно', 'они'); **ADESS** – адессив (местно-личный падеж); **AN** – одушевленное (относящееся к мужскому или женскому классам); **Aux** – вспомогательный глагол (auxiliary verb); **BAS** – основной падеж; **CLASS** – грамматическая категория класса; **DAT** – датив (дательный падеж); **DET** – детерминант; **INCEP** – инцептив, начинательный способ действия; **INTER** – интерфикс; **Lex^{Loc}** – локализатор; **LOC** – локатив (местно-временной падеж); **M** – мужской класс; **N** – вещный класс; **N^{Ex}** – субъект-экзистенциенс; **Num** – числительное; **NUM** – грамматическая категория числа; **PAST** – прошедшее время; **PERS** – грамматическая категория лица; **PL** – множественное число; **POSS** – possessивность (притяжательность); **PRED** – предикативный аффикс; **Pred^{Ex}** – экзистенциальный предикат; **Quant** – квантификатор; **RESULT** – результативный способ действия; **SG** – единственное число; **SING** – singularia tantum (только единственное число); **THEM** – тематическая морфема; **V_f^{Ex}** – финитный бытийный глагол; **V_f^{Quant}** – финитный количественный глагол; = – знак деления словоформы на морфемы при глоссировании текста; . – в строке с глоссами знак кумулятивного выражения соединяемых им значений ввиду фузии или синкретизма; **кел.** – келлогский говор; **мад.** – мадуйский говор; **юг.** – югский язык

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
3.06.2024*

Сведения об авторе

Николай Вадимович Журавлев – младший научный сотрудник Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: n.zhuravlev1@g.nsu.ru

ORCID 0009-0000-2220-5232

Information about the Author

Nikolay V. Zhuravlev – Junior Researcher, Department of Languages of the Indigenous Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: n.zhuravlev1@g.nsu.ru

ORCID 0009-0000-2220-5232

УДК 811.551.3 + 81.367.3
DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-64-74

Бытийно-локативные предложения в корякском языке

А. А. Чепрасова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация

Бытийно-локативные предложения корякского языка репрезентируются статическими пространственными моделями, в состав которых входит локализатор как обязательный компонент. Предикат выражает существование или местоположение в пространстве, локализатор дифференцирует пространственные ориентиры. Рассмотрены следующие группы бытийно-локативных моделей: бытийные, бытийно-перцептивные и локативные; каждая группа подразделяется на подгруппы в соответствии с типовым значением модели. Для каждой подгруппы даны структурные схемы и описан их компонентный состав. Для моделей существования и некаузативных локативных моделей даны описания типов, основанные на способе выражения локализатора.

Ключевые слова

корякский язык, эргативный язык, простое предложение, элементарное простое предложение, пространственные модели

Для цитирования

Чепрасова А. А. Бытийно-локативные предложения в корякском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (Вып. 50). С. 64–74. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-64-74

Existential and locative models of elementary simple sentences in Koryak language

A. A. Cheprasova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

There are three types of spatial models that differ by proposition. Static models refer to the unchanging state of the subject in space. Movement in space from one point to another is denoted by dynamic models. Intermediate models represent motion that cannot be easily categorized into either the first or second group. This article examines the existential-spatial models used in the Koryak language. The first category of static models encompasses existential-spatial models, which utilize verbs of existence to express their predicates. Adverbs, case markers, and suffixes convey the static meaning of the locative component in spatial models. The distinctive feature of the Koryak language lies in its location-indicating suffixes. Utilized in conjunction with the locative cases, these suffixes clarify the location of a subject. According to their semantics, existential-spatial models can be classified into three separate groups. These are as follows: existential models, existen-

© А. А. Чепрасова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024, no. 2 (iss. 50)

tial-perceptual models, and locative models. Existential models indicate the presence of the subject in a particular location, while existential-perceptual models indicate the subject's presence within the observer's field of vision. Locative models refer to the localization of subjects in a specific point in space. While both the existential and locative models convey the same meaning, their differentiation arises from the placement of the subject and the locative component. An existential model is created when the subject is in the rheme position of the sentence, while a locative model is formed when the subject is in the theme position.

Keywords

Koryak language, ergative language, simple sentence, elementary simple sentences, spatial models

For citation

Чепрасова А. А. Бытийно-локативные предложения в корякском языке [Existential and locative models of elementary simple sentences in Koryak language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 64–74. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-64-74

Введение

Отличительным признаком бытийно-локативных предложений является обязательная позиция локализатора – статического, указывающего на местоположение предмета в пространстве, или динамического, обозначающего начальную или конечную точку движения [Кошкарева 2010, 2018]. Семантика предиката может варьировать: в первую очередь в роли предиката выступают глаголы с семантикой бытия, местонахождения, движения и перемещения в пространстве, однако возможно заполнение предикатной позиции глаголами других лексико-семантических групп, которые модифицируют типовое значение предложения.

Бытийные и пространственные отношения, а также способы их выражения неоднократно становились предметом изучения в языках разных систем [Арутюнова 1997; Арутюнова, Ширяев, 1983; Бондарко 1996; Борщев, Парти 2002; Всеволодова, Владимирский 1982; и мн. др.], в том числе в русле теории моделирования элементарных простых предложений, разработанной Новосибирской синтаксической школой [Черемисина 1995, 1998, 2003; Кошкарева 2006, 2010, 2018; Болотина 2006; Горбунова 2016; Дурова 2016; и др.], в частности применительно к алтайским [Невская 1997; Серээдар и др. 1996; Самойлова 2002; и др.] и уральским [Соловар 2011; Шилова 2003 а, 2003 б; Кошкарева 2018; и др.] языкам. Моделирование бытийно-локативных предложений в одном из чукотско-камчатских языках предпринимается впервые.

Целью данной работы является описание варьирования семантики статических бытийно-локативных предложений корякского языка.

Семантика бытийно-локативных предложений корякского языка

В состав модели бытийно-локативного элементарного простого предложения (ЭПП) $N_{ABS}^{Ex} LEX^{Loc} V_f^{Ex}$ входят следующие компоненты: N_{ABS}^{Ex} – субъект-экзистенция (местоимение или существительное в форме абсолютива); лексема локативной семантики LEX^{Loc} (существительное в форме местного падежа с суффиксами местоположения или без них, наречие и др.), репрезентирующая локализатор-локатив и обозначающая пространство, в котором находится предмет и за пределы которого он не выходит; V_f^{Ex} – бытийный или пространственный предикат, например:

- (1) ...*г'элла гэтгэк куйунэтэу*. [Мальцева 2003: 59]
 г'элла гэтг=эк ку=йунэт=эу
 мать.ABS.sg озеро=LOC PRES=жить=PFV
 '...мать в озере живет.'

Каждый из компонентов модели в конкретных высказываниях может быть представлен имплицитно, ср. примеры (2) и (3) с эксплицитным и имплицитным предикатом:

(2) *Ҳанко г'ам митг'айин эльг'а котвау.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 30–31; предл. 13]

җан=ko	ham	mitha=jin	eljha	ko=tva=η
вон=ADV.loc	part	красивый=ADJ.sg	девушка.ABS.sg	PRS=находиться=PRS

‘Там ведь красивая девушка находится.’

(3) *Ынки җоямкызналватыны.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 126–127; предл. 25]

ән=ki	qoja=ja=mk=ə=ena.lv.et=ə=nə
тот=LOC.adv	олень=дом=NMLZ.группа=E=приносить жертву=E=NMLZ.loc

‘Там место жертвоприношения эвенов.’

В зависимости от типа локализатора различаются структурно-семантические варианты бытийно-локативной модели – дейктический и конкретно-локативный.

В дейктическом варианте в позиции локализатора выступают указательные наречия типа *в'утку* ‘здесь’, *уанко* ‘там’, которые обозначают неопределенное пространство (см. примеры (2) и (3)).

Предложения с конкретно-локативной семантикой характеризуют существование предмета в определенной системе координат, например, внутри пространства, на поверхности, с задней или передней стороны и т. д. Средствами выражения этих отношений являются локатив (местный падеж), деривационные пространственные постфиксы, релятивные слова, служебные имена, серийные и несерийные наречия (подробнее о средствах выражения пространственных отношений в чукотско-корякских языках см.: [Мальцева 2003]).

Например, для выражения постэссивного значения («существование субъекта за чем-либо») используется имя существительное в форме местного падежа в сочетании с наречием с постфиксом *-жал-* / *-ужал-*, который имеет значение ‘сторона чего-либо’:

(4) *Тата, ыннин тынупык йьмайтыужал микин аму яйычг'ын котвау, ямкын.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 160–161; предл. 24]

tata	ənj=njin	tənur=ə=k	jəmajt=ə=ηqal
папа.ABS.sg	тот=ADJ.sg	сопка=E=LOC	удалиться=E=AD.сторона
amu	ja=jəčh=ə=n		ko=tva=η
наверное	дом=NMLZ.наполнение=E=ABS.sg		PRS=находиться=PRS
mik=in	ja=mk=ə=n		
кто=POSS.sg	дом=NMLZ.группа=E=ABS.sg		

‘Папа, за той сопкой чья-то семья находится, стойбище.’

Инэссивная семантика («существование субъекта внутри чего-либо») передается именем существительным с суффиксом *-чыку* / *-чыко*, который имеет значение ‘в, внутри’ и функционально замещает показатель местного падежа:

(20) *...аятмемлычыко тынг'елык.* [Мальцева 2003: 65]

айат=мэмлэ=чэко	тэ=нг'эл=эк
падать=вода=IN	1sgS=статья=1sgS

‘В водопаде я оказался’.

Варьирование субъектной позиции связано с выражением припропозитивного смысла количественности. В позиции субъекта находится количественное сочетание:

(6) *В'утку гымнин уынвыҗ кымиу.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 140–141; предл. 11]

wut=ku	үәм=nin	ηənvəq	kəmiη=u
--------	---------	--------	---------

вот=ADV.loc я=POSS.sg много ребёнок=ABS.pl
 ‘Здесь у меня много детей.’

Варьирование позиции предиката связано с ее неизосемическим заполнением глаголами разных лексико-семантических групп: состояния, появления и исчезновения и др. – и может быть рассмотрено как осложнение семантики дополнительными пропозитивными, модусными и аспектуальными смыслами.

В позиции предиката может находиться стательный глагол. Такое высказывание является средством компрессии двух пропозиций – бытийной («где существует кто») и стательной («кто пребывает в том или ином состоянии»). Таким образом, локализатор указывает на бытийно-пространственную структуру, а глагол выражает стательную семантику:

(45) *Ежэ гынунчыку комлавын.* [Мальцева 2003: 74]

йэжэ гэнун=чэку ко=млав=эң
 так середина=IN PRES=танцевать=PFV
 ‘Так в самой середине танцует’ («находится в середине в состоянии танца»).

Глаголы типа *г’уевык* ‘появляться’, *тоңватык* ‘создаться’, *кычченуток* ‘выскочить’ обозначают «начало существования предмета в поле видимости наблюдателя»:

(9) *Ынныз һанко г’уеви ыннэн камынгын-эльг’а и ныччез г’олят.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 118–119; предл. 2]

әнi=n’aq һан=ko һује.v=i әппен камәнү=ә=n
 тот=что вон=ADV.loc появиться=3sgS.PFV один тритон=E=ABS.sg
 el’ha и һэсчәq ho’la=t
 девушка.ABS.sg два мужчина=ABS.du
 ‘И вот там появились один тритон-самка и два самца.’

(10) *Ыннин қауъяв’ ынъыг’ан гатоңваллэн.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 126–127; предл. 22]

әнj=njin қаңjaw ән’һәһан үа=тоңv.al=len
 тот=ADJ.sg ущелье.ABS.sg так PP=создаться=3sgS
 ‘Это ущелье так появилось.’

(11) *И нынвыз яқам г’уемтэв’ылг’ылв’ын коченутолг’аллау, кымиңыпиль.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 21–21, предл. 65]

и һәпvәq јақам һујемтеwi.lh=ә=lvәn
 много сразу человек=E=NMLZ.collect
 ko=сәр.һәто=lhal=la=һ кәмиң=ә=pilj
 PRS=выскочить=HABIT=PL=PRS ребёнок=E=DIM.ABS.sg
 ‘И много там людей появилось, [появился] ребёночек.’

Для выражения значения «прекращение существования субъекта в поле видимости наблюдателя» используется аналитическая конструкция с глаголом, образованным от прилагательного с семантикой ‘скрытный’ с помощью суффикса-вербализатора -эв’:

(12) *Гәткулин ныччез тысячит, аму, миңкые тымуэв’лай.*

[Голованева, Мальцева 2015: 14, 127; предл. 17]

үе=tku=lin һэсчәq тәs’aci=t аму миңкәје
 PP=кончиться=3sgS два тысяча=ABS.du наверное как
 үе=lqәl=lin тәмһ=ew=la=j
 PP=уйти=3sgS скрытный=VBLZ=PL=3sgS.PFV
 ‘Убыло две тысячи, наверное, как-то пропали.’

Соответственно, при заполнении позиции предиката глаголами со значением появления и исчезновения высказывание осложняется припропозитивным аспектуальным смыслом фазисности и модусным значением, поскольку эти глаголы указывают на начальную или конечную фазу существования субъекта в поле видимости наблюдателя.

Другой тип варьирования бытийно-локативной модели связан с актуализацией каждого из компонентов, в зависимости от которого выделяются коммуникативные варианты со значением существования, местонахождения и наличия / отсутствия. Они различаются прежде всего порядком следования компонентов в нейтральных высказываниях.

Типовое значение коммуникативного варианта с семантикой существования – «бытие субъекта в пространстве» («где существует кто / что»). При нейтральном порядке компонентов локализатор-локатив находится на первом месте, рематический субъект-эксисциенс – в позиции перед предикатом или в абсолютном конце высказывания, например:

$$\text{LEX}^{\text{Loc}} \text{N}_{\text{ABS}}^{\text{Ex}} \text{V}_{\text{f}}^{\text{Ex}}$$

(5) *Үанко умкычыку кала куюнэтың, нэүвэтгыйың.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 46–47; предл. 3]

Үан=ko u=mk=ə=čəku **kala** ku=jun.et=ə=ŋ
 вон=ADV.loc дерево=NMLZ.группа=E=IN **злой дух.ABS.sg** PRS=жить=E=PRS
 neŋvet=yəjŋ=ə=n
 злобное мифическое существо=ABSTR=E=ABS.sg
 ‘Там в лесу *кала* живёт, *злой дух*.’

$$\text{LEX}^{\text{Loc}} \text{V}_{\text{f}}^{\text{Ex}} \text{N}_{\text{ABS}}^{\text{Ex}}$$

(58) *Етедқал туйьк гатвален жаткын.* [Мальцева 2003: 85]

эмэ=ужал муй=эк га=тва=лэн **йамк=эн**
 перевал=AD мы=LOC PF=находиться=3sg **стойбище=ABS.sg**
 ‘По ту сторону от нас находилось *стойбище*.’

(46) *Льгигнипньк желкиську котвад мелгырjolгын.* [Мальцева 2003: 74]

лэгу=гнун=эк йэ=лку=чэку ко=тва=у
 прямо=середина=LOC дом=IN=IN PRES=находиться=PFV
мэлгэп=йолг=эн
огонь=вместилище=ABS.sg
 ‘Прямо в середине внутренности дома находится *очаг*.’

При рематизации локализатора высказывание выражает значение «местонахождение субъекта в определенной точке пространства» («кто / что находится где»).

$$\text{V}_{\text{f}}^{\text{Ex}} \text{LEX}^{\text{Loc}} \text{N}_{\text{ABS}}^{\text{Ex}}$$

(13) *Ынно аңзак куюнэтың.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 56–57; предл. 29]

энно аңқа=k ku=jun.et=ə=ŋ
 тот.ABS.sg море=LOC PRS=жить=E=PRS
 ‘Она в море живёт.’

(14) *Мама, титэ-ја гыммо в’утку тыюнэтык янотың.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 140–141; предл. 10]

мама тите-қа үэммо **wut=ku** t=ə=jun.et=ə=k
 когда-part я.ABS.sg **вог=ADV.loc** 1sgS=E=жить=E=1sgS.PFV

janot=ə=ŋ
впереди=E=ADV.dat
'Мама, когда-то я здесь жила раньше.'

(15) *Ғиньин, Тымнэв' умкычыку котвалау, [г'опта йив'ив' кучвиткулау].*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 116–117; предл. 17]
qijən təmŋ=ew u=mk=ə=čəku ko=tva=la=ŋ
оказывается скрытый=VBLZ дерево=NMLZ.группа=E=IN PRS=находиться=PL=PRS
'Оказывается, Тымнэв в лесу есть, [(они) тоже ветки режут].'

(16) *Йинугиңкы гатвагаллэнав', кэв'лау: «ЕҒин-Ға апанно митив' мынынтылан?»*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 30–31; предл. 3]
jīnu=yiŋ=kə ɣa=tvaɣal=ləna=w k=ew=la=ŋ
место в яранге справа и слева от входа=SUB=LOC PP=сесть=3nsgS=PL PRS=сказать=PL=PRS
'В яранге у края полога сидят, говорят: [...]'

(17) *Ёмоён ынкэчыку, ынкэльзык котван.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 136–137; предл. 58]
jomoj=o=n ən=ke=čəku ən=ke=lq=ə=k
краска из коры ольхи=дерево=ABS.sg тот=OBL=IN тот=OBL=SUPER=E=LOC
ko=tva=ŋ
PRS=находиться=PRS
'Толстое дерево [ольха] там внутри, там на поверхности находится.'

В высказываниях со значением отсутствия рематизируется позиция предиката. Такие высказывания являются результатом парадигматического варьирования бытийно-локативной модели по категории утвердительности / отрицательности. Отрицание выражается синтетически или аналитически. При синтетическом способе выражения отрицания предикат принимает форму отрицательного деепричастия:

(7) [...] *айуон в'утку уйүз атвака мучгин в'отынно ёнатыны, нучельҒын.*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 122–123; предл. 2]
ajon wut=ku uje a=tva=ka
прежде вот=ADV.loc не CV.neg=находиться=CV.neg
mučy=in wot=ənno jon.at=ə=nə nuče=lq=ə=n
мы.OBL=POSS.sg вот=тот.ABS.sg жить=E=NMLZ.loc тундра=SUPER=E=ABS.sg
'[...] прежде тут не было у нас вот этого места для жизни, земли.'

При аналитическом способе используются отрицательные частицы, которые сопровождают глагол в утвердительной форме:

(8) *Мити эвын: «Уйүз-йын аңбак яҒпычиҒ нитын».*

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 28–29; предл. 7]
miti ev=ə=ŋ uje-jən aŋqa=k jaq=pəčiq
Pers.ABS.sg сказать=E=CV.dat не-part море=LOC что=птица.ABS.sg
n=it=ə=n
3S.IMP=быть=E=3sgS
'Мити сказала: «Ни одной птицы на море нет».'

Еще одним способом осложнения семантики бытийно-пространственных предложений является каузация: «субъект-каузатор делает так, чтобы предмет находился в определенном пространстве». В структуре высказывания подразумевается позиция субъекта-каузатора, на который указывает форма глагола:

(43) эмгым напелагым гынунык комнат ык. [Мальцева 2003: 74]

эм=гэм на=пела=гэм гэнун=эк комнат=эк
только=я.ABS 3nsgA=оставить=1sgP середина=LOC комната=LOC
'Одного меня оставили посреди комнаты.'

(18) Мигиуку мытконнёпаньунав' ымыльг'этыу нав'йыканно.

[Мальцева, Голованева, Тирон 2019: 184–185; предл. 2]
mi=yij=kə mət=ko=nj=njop=anj=η=э=na=w
юкольник=SUB=LOC 1nsgA=PRS=CAUS=висеть=VBLZ=PRS=E=3nsgP=PL
эм=э=ljh=etəη ηaw=jəkann=o
весь=E=ATR=LAT женщина=кижуч=ABS.pl
'Под юкольном вешаем целиком кижучовых самок.'

Заключение

Основным способом выражения бытийно-локативной семантики в корякском языке является модель ЭПП $N_{ABS}^{Ex} LEX^{Loc} V_f^{Ex}$, которая в речи реализуется в виде набора семантических, структурно-семантических и коммуникативных вариантов.

Коммуникативное варьирование обусловлено актуализацией одного из трех компонентов модели: в реме может находиться и субъект, и локализатор, и предикат. Рематический компонент располагается либо в позиции перед предикатом, либо в абсолютном конце высказывания. Соответственно, основным средством формирования коммуникативных вариантов служит порядок слов как основное синтаксическое средство представления информационной структуры высказывания.

Структурно-семантическое варьирование связано с особенностями заполнения каждой из позиций. Локализатор выражается различными морфологическими формами, конкретизирующими пространственное отношение: именами существительными в форме локатива, которые факультативно сочетаются с дифференцирующими их семантику пространственными аффиксами, указывающими на расположение предмета внутри, на поверхности, позади ориентира и т. п.; широко используются также серийные и несерийные наречия и другие служебные слова. В зависимости от семантики и способа выражения локализатора формируются структурно-семантические варианты базовой модели (дейктическая, суперэссивная, инэссивная и др.). Количественное сочетание в позиции субъекта («много / мало предметов») привносит в семантику высказывания припропозитивный смысл количественности. Предикат в форме отрицательного деепричастия или наличие при глаголе отрицательных частиц является средством выражения парадигматической категории утвердительности / отрицательности. Припропозитивный смысл фазисности как одно из аспектуальных значений выражается лексически – глаголами со значением появления и исчезновения, обозначающими начало или окончание существования предмета в поле зрения наблюдателя.

Семантическое варьирование связано с заполнением позиции предиката глаголами разных лексико-семантических групп, служащих средством компрессии пропозиций. Подобные высказывания представляют неэлементарные простые предложения и демонстрируют возможности комбинирования разных смыслов в рамках единой структуры.

Бытийно-локативные высказывания могут осложняться также дополнительными модусными смыслами, которые выражаются лексически – семантикой предиката, а также значением каузации местоположения предмета в том или ином пространстве, что выражается прежде всего грамматически – объектными формами глагола, содержащими указание на лицо и число субъекта-каузатора и лицо и число каузируемого субъекта.

Список условных сокращений

ABS – абсолютив (именительный падеж); **ABSTR** – абстрактность; **AD.сторона** – локализация 'в стороне чего-либо'; **ADJ** – адъектив (прилагательное); **ADV.dat** – несерийное наречие,

показатель которого восходит к дативу (дательному падежу); **ADJ** – адъектив (прилагательное); **ATR** – атрибутив; **AUG** – аугментатив (аффикс со значением предмета большого размера); **CAUS** – каузатив (показатель, образующий от непереходных глаголов переходные или от переходных глаголов переходные с другой моделью управления); **CV.dat** – деепричастие, показатель которого восходит к дативу (дательному падежу); **CV.neg** – отрицательное деепричастие; **DIM** – диминутив (уменьшительно-ласкательный); **DU** – дуалис (двойственное число); **E** – эпентетический (вставной) гласный; **ERG** – эргатив (эргативный падеж); **HABIT** – хабитуалис (обычность действия); **IMP** – императив (повелительное наклонение); **IN** – локализация ‘внутри’; **INCH** – инхоатив (начало действия без дополнительных смысловых оттенков); **LAT** – латив (направительный падеж, по направлению к чему-л.); **LOC** – локатив (местный падеж); **LOC.adv** – наречие, показатель которого восходит к локативу; **NMLZ.collect** – номинализатор со значением собирательности; **NMLZ.loc** – номинализатор со значением места; **NMLZ.группа** – номинализатор со значением ‘группа’; **NMLZ.наполнение** – номинализатор со значением ‘наполнение’; **NSG** – неединственное число; **OBL** – косвенная основа; **PART** – частица; **Pers** – имя собственное; **PFV** – перфектив (совершенный вид); **PL** – плюралис (множественное число); **POSS** – посессивное (притяжательное) прилагательное или местоимение; **PP** – причастие прошедшего времени; **PRS** – презенс (настоящее время); **QUAL** – качественное прилагательное или наречие; **S** – субъект действия при непереходном глаголе; **SG** – сингулярис (единственное число); **SUB** – локализация ‘под’; **SUPER** – локализация ‘на поверхности’; **VBLZ** – вербализатор (используется для образования основ глаголов).

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Бытийные предложения // Энциклопедия «Русский язык». М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 57–59.
- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип: (структура и значение). М.: Русский язык, 1983. 198 с.
- Болотина Ю. Н. Модели русских элементарных простых предложений пространственной семантики с локативным компонентом в форме винительного падежа без предлога: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 271 с.
- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.
- Борщев В. Б., Парти Б. Х. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика. Вып. 37. М.: Русские словари, 2002. С. 59–77.
- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982. 288 с.
- Горбунова В. А. Реализация типовых синтаксических структур бытийно-пространственного блока в «Паренесисе» Ефрема Сирина в переводах XIV–XX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2016. 238 с.
- Дурова М. В. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке (в сопоставлении с языками народов Сибири): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2016. 198 с.
- Кошкарева Н. Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. Вып. 2. С. 64–76.
- Кошкарева Н. Б. Синтаксис современного русского языка: материалы к лекциям. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 270 с.
- Кошкарева Н. Б. Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 14–26.

Кошкарева Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. Вып. 9. С. 53–65.

Мальцева А. А. Релятивные слова в чукотско-корякских языках // Сибирский филологический журнал. 2003. № 1. С. 57–95.

Невская И. А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997. 45 с.

Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1996. 84 с.

Самойлова Е. Г. Бытийно-пространственные модели элементарного простого предложения в эвенкийском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2002. С. 67–114.

Соловар В. Н. Структура и семантика моделей элементарных простых предложений хантыйского языка с событийными пропозициями (на материале казымского диалекта) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 2 (90). С. 90–96.

Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1995. Вып. 1. С. 3–21.

Черемисина М. И. Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1998. Вып. 4. С. 3–30.

Черемисина М. И. Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 3–29.

Шилова В. В. Система пространственных моделей простых предложений в тундровом и лесном диалектах ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003 а. Вып. 11. С. 30–59.

Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2003 б. 298 с.

Список источников

Голованева Т. А., Мальцева А. А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2015. 172 с.

Жукова А. Н. Русско-корякский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1967. 750 с.

Мальцева А. А., Голованева Т. А., Тирон Е. Л. Голоса корякской культуры: Александра Кергильхот. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2019. 288 с.

References

Arutyunova N. D. Bytiynye predlozheniya [Existential sentences]. In: *Entsiklopediya «Russkiy yazyk»* [Encyclopedia of the Russian Language]. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1997, pp. 57–59. (In Russ.)

Arutyunova N. D., Shiryayev E. N. *Russkoe predlozhenie. Bytiynny tip: (struktura i znachenie)* [The Russian Sentence. Existential type: (structure and meaning)]. Moscow, Russkiy yazyk, 1983, 198 p. (In Russ.)

Bolotina Yu. N. *Modeli russkikh elementarnykh prostykh predlozheniy prostranstvennoy semantiki s lokativnym komponentom v forme vinitel'nogo padezha bez predloga* [Models of Russian elementary simple sentences of spatial semantics with a locative component in the form of the accusative case without a preposition]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2006, 271 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Lokativnost'. Bytiynost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Theory of functional grammar: Locativity. Existentiality. Possessiveness. Conditionality]. St. Petersburg, Nauka, 1996, 229 p. (In Russ.)

Borshchev V. B., Parti B. Kh. O semantike bytiynykh predlozheniy [On the semantics of existential sentences]. In: *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], iss. 37. Moscow, Russkie slovari, 2002, pp. 59–77. (In Russ.)

Cheremisina M. I. Itogi issledovaniya prostogo predlozheniya v yazykakh Sibiri [The results of the study of a simple sentence in the languages of Siberia]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1998, iss. 4, pp. 3–30. (In Russ.)

Cheremisina M. I. O sistemnosti v sfere modeley predlozheniya [On consistency in the field of supply models]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1995, iss. 1, pp. 3–21. (In Russ.)

Cheremisina M. I. Paradigma elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitsy yazyka [The paradigm of an elementary simple sentence as a language sign]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2003, iss. 11, pp. 3–29. (In Russ.)

Durova M. V. *Modeli bytynno-prostranstvennykh elementarnykh prostykh predlozheniy v yaponskom yazyke (v sopostavlenii s yazykami narodov Sibiri)* [Models of existential-spatial elementary simple sentences in the Japanese language (in comparison with the languages of the peoples of Siberia)]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2016, 198 p. (In Russ.)

Gorbunova V. A. *Realizatsiya tipovykh sintaksicheskikh struktur bytynno-prostranstvennogo bloka v «Parenese» Efrema Sirina v perevodakh XIV–XX vv.* [The realization of typical syntactic structures of the existential-spatial block in the "Parensis" by Efrema Sirin in the translations of the XIV–XX centuries]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2016, 238 p. (In Russ.)

Koshkareva N. B. Metod modelirovaniya struktury i semantiki elementarnogo prostogo predlozheniya kak edinitsy yazyka [A method for modeling the structure and semantics of an elementary simple sentence as a language sign]. In: *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2006, no. 4, iss. 2, pp. 64–76. (In Russ.)

Koshkareva N. B. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: materialy k lektsiyam* [The syntax of the modern Russian language: materials for lectures]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2010, 270 s. (In Russ.)

Koshkareva N. B. Tipovye sintaksicheskie struktury v yazykakh raznykh sistem kak otrazhenie edinits yazyka i rechi [Typical syntactic structures in languages of different systems as a reflection of units of language and speech]. In: *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 14–26. (In Russ.)

Koshkareva N. B. Bytynno-prostranstvennye tipovye sintaksicheskie struktury i ikh semantika v khantyyskom i nenetskom yazykakh [Typical Existential-Spatial Syntactic Structures and Their Semantics in the Khanty and Nenets Languages]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2018, 17 (9), pp. 53–65. (In Russ.) (In Russ.)

Mal'tseva A. A. Relyativnye slova v chukotsko-koryakskikh yazykakh [Relative words in the Chukchi-Koryak languages]. In: *Siberian Journal of Philology*. 2003, no. 1, pp. 57–95. (In Russ.)

Nevskaya I. A. *Tipologiya lokativnykh konstruksiy v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (na materiale shorskogo yazyka)* [Typology of locative constructions in the Turkic languages of Southern Siberia (based on the material of the Shor language)]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 1997, 45 p. (In Russ.)

Samoylova E. G. Bytynno-prostranstvennye modeli elementarnogo prostogo predlozheniya v evenkiyskom yazyke [Existential-spatial models of an elementary simple sentence in the Evenk language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2002, iss. 12, pp. 67–114. (In Russ.)

Seredar N. Ch., Skribnik E. K., Cheremisina M. I. *Strukturno-semanticheskaya organizatsiya predlozheniy nalichiya, lokalizatsii, kolichestva i otsutstviya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri* [Structural and semantic organization of sentences of presence, localization, quantity and absence in the Turkic languages of South Siberia]. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 1996, 84 p. (In Russ.)

Shilova V. V. Sistema prostranstvennykh modeley prostykh predlozheniy v tundrovom i lesnom dialektakh nenetskogo yazyka [The system of spatial models of simple sentences in the Tundra and Forest dialects of the Nenets language]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2003 a, iss. 11, pp. 30–59. (In Russ.)

Shilova V. V. *Prostranstvennye modeli elementarnykh prostykh predlozheniy v nenetskom yazyke* [Spatial models of the elementary simple sentences in Nenets language]. Novosibirsk, NSU, 2003, 298 p. (In Russ.) (In Russ.)

Solovar V. N. *Struktura i semantika modeley elementarnykh prostykh predlozheniy khantyyskogo yazyka s sobytiynymi propozitsiyami (na materiale kazymyskogo dialekta)* [The Models of Elementary Simple Sentences with Event Propositions in the Khanty Language: Structure and Semantics (with Reference to the Kazym Dialect)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2011, no. 2 (90), pp. 90–96. (In Russ.)

Vsevolodova M. V., Vladimirskiy E. Yu. *Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke* [Means of expressing spatial relations in modern Russian]. Moscow, 1982, 288 p. (In Russ.)

List of sources

Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A. *Golosa koryakskoy kul'tury: Liliya Aymyk* [The voices of Koryak culture: Liliya Aymyk]. Novosibirsk, Academic Publishing House Geo, 2015, 172 p. (In Russ.)

Mal'tseva A. A., Golovaneva T. A., Tiron E. L. *Golosa koryakskoy ku'tury: Aleksandra Kergil'khot* [The voices of Koryak culture: Aleksandra Kergil'khot]. Novosibirsk, Academic Publishing House Geo, 2019, 288 p. (In Russ.)

Zhukova A. N. *Russko-koryakskiy slovar'* [Russian-Koryak dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1967, 750 p. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
29.04.2024*

Сведения об авторе

Чепрасова Александра Андреевна – младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Российская Федерация)

E-mail: a.cheprasova@g.nsu.ru

ORCID 0009-0001-4353-5529

Information about the Author

Aleksandra A. Cheprasova – Junior Researcher, Department of the Siberian Languages, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: a.cheprasova@g.nsu.ru

ORCID 0009-0001-4353-5529

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 81'272

DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-75-86

Развитие билингвизма в Республике Тыва: дихотомия ценностей прагматизма и идентичности

Т. Г. Боргоякова¹, Ч. Б. Донгак²

¹ Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

² Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

Аннотация

Особенности развития официального двуязычия в Республике Тыва выявляются в контексте теории языковой справедливости и противопоставления ценностей прагматизма и идентичности. Специфика дихотомии *функционально первый / функционально второй* языки в Республике Тыва заключается в отсутствии ее корреляции с принятой дихотомией *мажоритарный / миноритарный* языки. Вскрыта взаимодополняющая связь между прагматической ценностью тувинского языка (сферы семейной, дружеской, профессиональной и виртуальной коммуникации) и ценностью идентичности. Русский язык, являясь для большинства тувинцев функционально вторым языком, одновременно выполняет роль функционально первого языка большинства населения на уровне государства и сохраняет сильные позиции в тувинско-русском билингвальном пространстве. Практическим материалом исследования послужили статистические данные последней Всероссийской переписи населения, материалы социолингвистического анкетирования и интервьюирования в Республике Тыва в 2020 и 2022 гг.

Ключевые слова

языковая справедливость, языковая политика, тувинско-русский билингвизм, миноритарные языки, витальность языка, дихотомия ценностей языка

Для цитирования

Боргоякова Т. Г., Донгак Ч. Б. Развитие билингвизма в Республике Тыва: дихотомия ценностей прагматизма и идентичности // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 75–86. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-75-86

© Т. Г. Боргоякова, Ч. Б. Донгак, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024, no. 2 (iss. 50)

Development of bilingualism in the Republic of Tuva: dichotomy of pragmatism and identity values

T. G. Borgoiakova¹, Ch. B. Dongak²

¹ Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

² Tuvan State University, Kyzyl, Russia

Abstract

The development of official bilingualism in the Republic of Tuva is considered in terms of the linguistic justice theory and the dichotomy of pragmatism-identity values. The specificity of the *functionally first/functionally second* language dichotomy in the Republic of Tuva is that it does not correlate with the conventional dichotomy of *majority/minority* languages. To conduct practical research, the authors collected data from the most recent population census in Russia, as well as conducted sociolinguistic surveys and interviews in the Republic of Tuva between 2020 and 2022. The study has revealed a clear pragmatic value of the Tuvan language in family, friendship, professional, and virtual communication to be closely correlated with the identity value. There are several tendencies to be noted. First, functioning as a second language for most Tuvan adults and serving as the primary language for the majority within the Russian Federation, the Russian language retains strong positions in the Tuvan-Russian bilingual space. Second, the diminishing influence of the titular languages in Russian republics' education system amplifies the practical significance of the Russian language. Third, given the Russian language predominance in children's entertainment content in the Internet space, one can observe a rapid shift towards Russian becoming the primary or sole language of communication among children, even in monoethnic rural areas like Tuva. To conclude, the aforementioned trends have necessitated the implementation of a suitable regional language policy and planning tool, like the State Support Strategy for the Tuvan language, which was approved by the local government in 2023.

Keywords

linguistic justice, language policy, Tuvan-Russian bilingualism, minority languages, language vitality, dichotomy of linguistic values

For citation

T. G. Borgoiakova, Ch. B. Dongak. Razvitie bilingvizma v Respublike Tyva: dikhotomiya tsennostey pragmatizma i identichnosti [Development of bilingualism in the Republic of Tuva: dichotomy of values of pragmatism and identity]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 75–86. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-75-86

Введение

Лингвистическая справедливость является частью понятия социальной справедливости, рассматриваемой как приложение теории справедливости к текущим социальным проблемам. Важную роль в продвижении идей справедливости как существенных свобод, которые должны быть доступны каждому человеку для достижения его ценностных целей в жизни, сыграли труды Амартии Сена, индийского экономиста и философа, лауреата Нобелевской премии [Sen 1992].

Научный интерес к взаимосвязи между языком и социальной (не)справедливостью в условиях би-, полилингвальной реальности сохраняет свою актуальность, прежде всего, в исследованиях в области политической философии и социолингвистики. Как правило, вопросы справедливости языковой политики рассматриваются в них в рамках большого поля культурных различий, в котором ядром дискуссий становятся ценности, связанные с идентичностью, потому что ими пренебрегают одни теоретики и решительно защищают другие [Codo and Riera-Gil 2022].

Цель нашего исследования – рассмотреть дихотомию ценностей прагматизма и идентичности, коррелирующую с противопоставлением большинства / меньшинства, на примере особенностей развития билингвизма в Республике Тыва в контексте принципов языковой справедливости. Практическим материалом исследования послужили статистические

данные последней Всероссийской переписи населения, материалы социолингвистического анкетирования и интервьюирования в Республике Тыва в 2020 и 2022 гг.

В теории языковой справедливости ценности идентичности контрастируют с инструментальными/прагматическими или отрицающими идентичность (*non-identity*) ценностями, которые лежали в основе создания национальных государств XIX в. При этом, по мнению С. Мэя, избрание национальных (общегосударственных) языков обычно происходило одновременно с часто карательным процессом «миноритизации» имеющихся языковых разновидностей. В результате национальные языки стали коррелировать с современностью и прогрессом, а миноритарные (локальные) языки – удобно ассоциироваться с традициями и устареванием. Чаще всего последние также специально конструировались как угрозы «единству» государства [May 2017: 36].

Сохранение и доминирование инструментального подхода в языковой политике часто объясняется потребностями социального и экономического прогресса, при котором доминантный язык содействует справедливости через гарантии того, что все могут общаться на одном языке. При этом носители доминантных языков оказываются в привилегированном положении – без необходимости обязательного изучения второго языка, так как их родной язык обеспечивает единство прагматических и идентификационных ценностей. Дискуссии о способах достижения языковой справедливости по отношению к носителям миноритарных языков связаны, в том числе, с предложениями о внедрении компенсаторных или перераспределительных подходов, облагающих «налогом» тех, у кого есть лингвистические привилегии. Так, Ван Парийс, обосновывая несомненную роль английского языка как единственного мирового лингва франка, предлагает продвигать уважение, достоинство и самоуважение носителей других (местных) языков через неукоснительное соблюдение территориально дифференцированного принудительного языкового режима (*linguistic territoriality principle* или LTP). Такой формат, по его мнению, будет способствовать установлению «языкового мира» (*linguistic peace*) и продвижению идеи языкового многообразия [Van Parijs 2011].

Анализируя данную теорию с социолингвистической точки зрения, ученые обращают внимание на редукционистский подход, согласно которому язык рассматривается только с точки зрения масштаба его коммуникативного использования и охвата, безотносительно символической и идентификационной функции языка. Однако обеспечение того, чтобы все говорили на одном языке, недостаточно для достижения ценностных задач, которые язык ставит перед людьми: помимо своей прагматической ценности, язык имеет ценность в поддержке и продвижении идентичности [May 2017: 36; Brando 2023: 10]. К двум основным ценностям идентичности, вытекающим из языка, относятся автономия и достоинство. Первая включает понимание языка как рамки, через которую происходит осмысление, категоризация и оценка реальности. Вторая связана с использованием собственного языка или с подтверждением его статуса как возможности продвижения достоинства человека или группы. Общение на родном языке, которым оформлено и обусловлено большинство выразительных (экспрессивных) действий, – это не только эксплицитный инструмент коммуникации, но и средство показать, кто вы есть в публичной сфере. Невозможность этого (не поощряется, запрещается и т. д.) – не просто ограничение экспрессии, но и признание того, что есть некоторые способы самовыражения, которые не заслуживают равного статуса (достоинства) по отношению к другим [De Schutter and Robichaud 2015: 6; Codo and Riera-Gil 2022].

Если рассмотреть в данном ключе ситуацию в России, то коммуникация на доминантном русском языке обеспечивает всем ее народам эффективность и равные возможности коммуникации в масштабе государства, но русский язык не может обеспечить реализацию возможностей, которые представляют этнические языки других народов РФ: общение на родных языках позволяет им выразить свою автономию и достоинство как представителей своего народа.

Установление тесной связи между языками большинства и коммуникативными ценностями, с одной стороны, и между языками меньшинств и ценностями идентичности, с другой стороны,

также способствует чисто количественному пониманию коммуникации с игнорированием качественных аспектов коммуникативного взаимодействия, его результативности и эффективности [Gazzola and Grin 2007; Gazzola et al. 2023; Riera-Gil 2019].

Языковая справедливость и коммуникативно-прагматические ценности государственных языков Республики Тыва

Как показывает анализ современных би-, полилингвальных языковых ситуаций, принадлежность контактных языков к мажоритарным или миноритарным не определяет автоматически их коммуникативный вес или коммуникативную пригодность на разных уровнях государственного устройства [Riera-Gil 2019: 183]. В связи с этим в качестве аналитического инструмента для определения коммуникативной пользы языков предлагается использовать дихотомическую пару «местный / более распространенный» (*local / wider*) вместо «мажоритарный / миноритарный» (*majority / minority*). Термин *local* в данном случае означает функционально первый язык (L1), используемый местным или «укорененным» населением региона (*long-settled population*), а второй компонент дихотомии относится к первому языку большинства на более высоком уровне – в пределах всего государства [Там же: 185].

Данный терминологический вариант представляется полезным для изучения и интерпретации особенностей развития билингвизма в Республике Тыва (далее РТ). Это связано с тем, что тувинский язык – наряду с другими титульными языками республик – относится к категории мажоритарных языков народов России [Михальченко 2019: 10] в отличие от категории миноритарных языков, к которым в российской законодательной практике относятся языки коренных малочисленных народов (КМНС), язык тувинцев-тоджинцев в РТ, например. Тувинский язык является L1 большинства взрослого тувинского населения РТ, обладая соответствующей инструментальной ценностью и пользой. Мы остановимся на этом подробнее ниже. Русский язык является L1 меньшинства в лице этнических русских, проживающих в РТ, и функционально вторым языком (L2) тувинско-русских билингвов. Однако русский язык сохраняет позиции L1 большинства населения на более высоком уровне всего государства, что определяет его сильные позиции в тувинско-русском официальном билингвальном пространстве.

Обретение тувинским языком статуса государственного языка республики в начале постсоветского периода послужило укреплению языковой компетенции носителей родного языка, в том числе через расширение его использования как языка обучения в общеобразовательной школе, со-функционированию в сферах местного самоуправления и в деятельности государственных учреждений в сочетании с высоким уровнем национального самосознания и позитивного эмоционального отношения к родному языку [Боргоякова 2002: 247].

В то же время В. М. Алпатов справедливо обращает внимание на другой, нетипичный, путь развития билингвизма в постсоветский период с ослаблением функций русского языка, проявившийся в «обособленных регионах с малым процентом русских», включая РТ, где «после 1991 года почти не стало промышленности, а процент русских невелик» [Алпатов 2018: 31]. Здесь отмечается «очень слабое владение русским языком младшего поколения и особенно детей» [Там же]. Ученый называет это «радикальным вариантом» третьей модели языковой политики, когда «имеется один господствующий язык, а другие языки имеют права и поддерживаются государством на региональном уровне» [Алпатов 2018: 28]. Для исследования «радикализма» третьей модели языковой политики рассмотрим дихотомию обозначенных выше ценностей прагматизма и идентичности в «привязке» к коммуникативно-прагматической ценности двух государственных языков РТ.

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., изменения в национальном составе населения связаны с увеличением числа тувинцев на 30 тыс. человек и снижением количества русских на 17 тыс. человек в сравнении с 2010 г. Более выраженным является дисбаланс по типу расселения с точки зрения этнической принадлежности жителей, представленному в Таблице 1.

Таблица 1
Table 1**Этнический состав и тип расселения населения в РТ, %**
Ethnic composition and type of population settlement in the Republic of Tuva, %

Тувинцы			Русские		
Село	Город	Всего	Село	Город	Всего
41,9	41,1	83	2,4	7	9,48

Как видно из Таблицы 1, доли тувинцев, проживающих в городе и селе, различаются незначительно (41,1 % и 41,9 % соответственно). Среди русского населения преобладают городские жители, составляя 7 % на фоне 2,4 % сельских жителей русской национальности. Сложившееся соотношение создает условия для усиления коммуникативного веса тувинского языка, особенно в этногетогенных сельских кожуунах РТ.

Однако преобладание доли титульного этноса не всегда автоматически предполагает сохранение активного использования соответствующего родного языка. Сведения о владении тувинским языком по данным трех переписей населения, представленные ниже, свидетельствуют о том, что за последние 25 лет произошло уменьшение доли лиц, владеющих тувинским языком на 12,5 % по сравнению с показателями 2002 г. и – на 8,8 % за последние 10 лет.

Таблица 2
Table 2**Владение родным (тувинским) языком, %**
Proficiency in native (Tuvan) language, %

Всероссийская перепись населения, год	2002	2010	2020
Владение родным языком, %	99,7	96	87,2

Несомненно, следует принимать во внимание тот факт, что формулировка «владение языком» не всегда отражает реальный уровень языковой компетенции опрошенных. Как отмечается в [Кан 2016: 66], лица, владеющие тувинским слабо или не владеющие им, указывают его родным, а себя – тувинцами. Тем не менее, согласно материалам социолингвистического исследования, проведенного на базе ХГУ им. Н. Ф. Катанова в 2020 г., о свободном владении тувинским языком в совокупности всех видов речевой деятельности (аудирование, говорение, письмо и чтение) заявили 84,5 % тувинских респондентов, что позволяет признать данные последней переписи населения вполне валидными [Боргоякова и др. 2022: 47].

Что касается доли тувинцев, владеющих русским языком, то за прошедшие 30 лет произошел ее заметный рост. Так, по данным ВПН-2020 процент владеющих русским языком среди тувинцев (включая тувинцев-тоджинцев) составил 90,80 %, в то время как в 1994 г. 36,6 % тувинцев не владели или слабо владели русским языком [Боргоякова 2002: 113].

По параметру признания языка родным тувинский язык традиционно представлен высокими показателями – 95,5 %, русский язык признали родным лишь 1,46 % тувинцев.

В упомянутой выше монографии [Боргоякова и др. 2022] представлены также результаты опросов жителей РТ по уровню владения разными видами речевой деятельности (РД) на тувинском языке. Обобщение этих данных в разрезе возрастных групп представлено ниже в таблице 3.

Таблица 3
Table 3

**Возрастная стратификация свободного владения тувинским языком
в разрезе видов речевой деятельности, в %
Age stratification of fluency in the Tuvan language in the context
of types of speech activity, in %**

Виды РД \ Возраст	17–30	31–40	41–50	51–60	61 и старше
Понимание	85,5	88,2	93,3	94,0	76,7
Говорение	84,8	82,9	90,5	94,0	74,4
Письмо	75,2	80,9	85,7	84,0	69,8
Чтение	78,6	81,6	88,6	88,0	72,1
Итого	81,0	83,4	89,5	90,0	73,2

По данным Таблицы 3, наиболее высокие показатели свободного владения всеми видами РД на тувинском языке принадлежат респондентам возрастных категорий 41–50 и 51–60, у которых средний показатель по всем видам РД составляет около 90 %. Постепенное снижение качества владения языком наблюдается у молодежи 17–40 лет. Тем не менее в среднем у них неплохой показатель, составляющий 81%, в сравнении с респондентами в возрасте 61 и старше.

Для уточнения реальной инструментальной ценности языка приведем данные о сферах и интенсивности его функционирования, полученные также в рамках упомянутого выше социоллингвистического опроса 2020 г.

Таблица 4
Table 4

**Инструментальная ценность тувинского языка, в %
Instrumental values of the Tuvan language, %**

Сферы \ Язык	Семейное общение			Внешнее общение		
	родители	бабушка дедушка	друзья	коллеги	госучреждения, организации	СМИ
тувинский	74,5	88,4	43,3	28	14	4
русский и тувинский	22,4	8,5	51,8	63,6	57,6	66,5
русский	3,1	2,7	4,7	6,7	28	28,5

Судя по данным Таблицы 4, максимальная интенсивность общения только на тувинском сохраняется в кругу бабушек и дедушек – 88,4 %, составляя 96,9 % с учетом небольшой доли использующих два языка – русский и тувинский (8,5 %). Процент общающихся только на родном языке с родителями на 14 % ниже (чем общение только на тувинском с бабушками и дедушками), но в совокупности с использованием двух языков (22,4 %) показатель 96,9 % повторяется.

Высокий коммуникативный индекс выявлен также в общении с друзьями, где использование только родного языка незначительно уступает общению на двух языках, составляя в целом 95 %.

Важным индикатором прагматической ценности тувинского языка является также его использование параллельно с русским (более 50 %) при знакомстве с материалами СМИ, при обращении в государственные учреждения и организации, в общении с коллегами.

Во внешнем коммуникативном пространстве заметно увеличивается использование только русского языка (ознакомление с материалами СМИ и обращение в государственные учреждения и организации) – более 25 %.

Следует также отметить активное присутствие тувинского языка в виртуальном пространстве. Согласно данным, приведенным в [Мухарямов, Януш 2022: 276; Донгак 2023], цифровую витальность тувинского языка можно оценить как положительную – со статусом *vital* «энергичный». В наиболее популярной российской социальной сети «ВКонтакте» на 2021 г. было зарегистрировано более пяти тысяч тувинских сообществ, численность участников которых составляла от нескольких до 95 тысяч человек [Ламажаа 2021: 120]. Число интернет-сообществ, в которых привычным языком общения является тувинский, постоянно растет. Например, в мессенджере Viber активно функционирует множество групп с тувинским языком общения, разных по обсуждаемой тематике и количеству участников. Например, в группе *Торээн дылым – чоргааралым* («Мой родной язык – моя гордость») зарегистрировано 2407 участников, которые обсуждают проблемы тувинского языка и культуры. Сообщество *Эрескежээ малчыннар* («Активные животноводы») объединяет 2401 участников, заинтересованных в актуальных для РТ вопросах животноводства, а в группу *Ак баитыглар оргээзи* («Сообщество седовласых») входит 1405 участников из числа людей в пожилом и преклонном возрасте. Группа *Чогаалдарым – байлакишылым* («В сочинениях – мое богатство») объединяет 4410 участников – читателей литературных произведений современных авторов-любителей. В самой многочисленной группе *Бугу тыва чон* («Весь тувинский народ»), включающей 6313 участников, нет ограничений по обсуждаемой проблематике.

Ученые отмечают также роль кибер пространства в социальной и этнической самоорганизации тувинского сообщества [Ламажаа 2021: 126]. Авторам удалось выявить активный сегмент родственных групп, в которых общение ведется в основном на тувинском языке (32,3 %) или в равной степени на русском и тувинском языках (33,7 %). При этом есть также группы, в которых правилами предусматривается переписка только на тувинском языке (22 %) [Там же: 121]. Приведенные примеры могут свидетельствовать об укреплении витальности тувинского языка через освоение «альтернативного способа ведения социальных отношений» с заменой пространства мест на пространство потоков, в которых акцент сделан на социальные связи, включая межэтнические [Там же: 124].

Таким образом, присутствие тувинского языка в Интернете предоставляет несомненную поддержку укреплению его функционального и объединяющего потенциала, вкладу в обеспечение важной и качественной локальной коммуникации, а также свидетельствует о сохранности передачи языка от старшего поколения младшему, без которой «любые активности в цифровом мире обречены на провал» (цит. по: [Мухарямов, Януш 2022: 267]).

В то же время участники интервью 2023 г. отмечают негативное влияние информационных и телекоммуникационных технологий на переход детей / внуков в категорию русскоязычных монолингвов или русско-тувинских билингвов:

Я стала свидетелем того, как моя внучатая племянница, ребенок родителей, общающихся только на тувинском, впервые заговорила на русском, то есть речь у нее проявилась на русском. Я думаю, это все потому, что она постоянно смотрела мультфильмы на русском... Это было так странно – ведь мы все родственники говорим только по-тувински (жительница г. Кызыла, 59 лет);

Я заметила, что мои младшие внуки 9 и 10 лет между собой общаются только на русском. Я не слышала, чтобы они говорили на тувинском. Это все связано с интернетом – групповыми играми в интернете, в которые они все вместе играют, и мультиками, которые они там постоянно смотрят. Та, что постарше, еще понимает тувинский и, если люди вокруг говорят по-тувински, то и она тоже говорит, а младшая отвечает мне почти всегда по-русски (жительница г. Кызыла, 67 лет).

Неуклонное усиление прагматических ценностей доминантного русского языка связано и с тенденциями в изменении «баланса между языками России»: получение статуса «языка государствообразующего народа», с одной стороны, и ослабление положения других языков в первую очередь в такой важной коммуникативной сфере, как система образования [Мухарьямов, Януш 2022: 12]. Как отмечается в [Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин 2020: 267], «тувинский не выдерживает конкуренции с русским языком, так как фактически с 2018 г. перестал быть языком обучения». А. Н. Биткеева и Ч. С. Цыбенова связывают данные процессы ослабления языка с повышением «прагматической ценности образования среди молодежи», а также с изменением «системы традиционных ценностных смыслов и социокультурной среды в целом» [Биткеева, Цыбенова 2022: 23]. Утрата или ослабление тувинского компонента билингвизма в условиях трансформации традиционных ценностных смыслов может оказывать влияние на ослабление ценности идентичности, важнейшей опоры витальности миноритарных (local) языков.

В связи с этим можно прогнозировать постепенное увеличение доли тувинско-русских билингвов, в языковом репертуаре которых русский язык перейдет в категорию L1, вытеснив тувинский язык в категорию L2. И этот возможный вариант предпочтительнее перехода к русскому монолингвизму ценой отказа от родного языка. При планировании языковой политики важно своевременное диагностирование и управление возможными вариантами развития языковой ситуации. Шаги в этом направлении предпринимаются субъектами языковой политики разного уровня, включая исполнительную ветвь государственной власти РТ, утвердившей Стратегию государственной поддержки тувинского языка (см. об этом: [Боргоякова, Биткеева 2023]). К одной из ее важных задач, несомненно, можно отнести актуализацию и поддержку инструментальной ценности тувинского языка в более широком социальном пространстве РТ, традиционно коррелируемой и законодательно закрепленной в большинстве сфер за языком общегосударственного уровня. Данный вектор представляется востребованным и соответствующим принципам справедливой языковой политики в условиях реализации третьей модели языковой политики.

Заключение

Дихотомия ценности прагматизма и ценности этнической идентичности, актуальная для полиэтнических государств, исторически коррелирует с дихотомией большинства и меньшинства и с пониманием языковой справедливости через доминирование языков большинства. В то же время изучение современного академического и институционального дискурсов, а также практических аспектов развития билингвизма выявляет важность более широкого понимания ценности многоязычия с инклюзией ценности не только идентичности, но и прагматизма в отношении местных (local) языков.

В РТ достигнута высокая доля владеющих как родным тувинским, так и общегосударственным русским языком, со-функционирование которых регламентировано языковым законодательством федерального и республиканского уровней. При этом сохраняется коммуникативный потенциал тувинского компонента билингвизма, который базируется на взаимодополняющей связи между ценностями идентичности и прагматизма: родной язык функционирует как L1 у большинства взрослого тувинского населения, прежде всего в семейно-дружеском, а также в профессиональном общении – как в реальном, так и в виртуальном пространстве.

При этом заметный языковой сдвиг в пользу русского языка у тувинских детей связан с доминированием русскоязычного контента в детском развлекательном интернет-пространстве, а также с ослаблением позиций тувинского языка не только в сфере образования, особенно в столице республики, но и в семье. Задачи, вытекающие из сложившейся языковой ситуации, включают создание условий для изучения: а) тувинского языка как L1 или L2, в зависимости от уровня владения им, включая качественное учебно-методическое и кадровое обеспечение; б) русского языка в сельской местности как L2 с активным использованием иммерсионных методов обучения. Представляется, что эти задачи войдут в государственные программы

сохранения и развития обоих государственных языков республики на новый период по итогам анализа результативности текущих государственных программ.

Цель справедливой языковой политики – усиление возможностей и перспектив многоязычия. Следует отметить в этой связи, что целевые установки глобального плана Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032 гг.) [Global Action Plan 2021] актуализируют приведенные выше аргументы о неразделимости задач укрепления инструментальной / прагматической ценности и ценности идентичности, связанные, прежде всего, с локальными коренными языками, которые необходимо учитывать в языковой политике полиэтнических государств.

Литература

Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. М.: Языки народов мира, 2018. С. 24–33.

Арефьев А. Л., Бахтикиреева У. М., Синячкин В. П. Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 255–272. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Биткеева А. Н., Цыбенова Ч. С. Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Боргоякова Т. Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан: Изд-во Хакасск. госуд. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. 166 с.

Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н. Тувинский компонент билингвального пространства или размышления о стратегии государственной поддержки тувинского языка // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>

Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В., Покоякова К. А. Языки Южной Сибири в динамике социального контекста / Отв. ред. Т. Г. Боргоякова. Абакан, 2022. 160 с.

Донгак В. С., Монгуш Д. Ш. Тувинская этничность как объект исследования // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 146–172. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172.

Донгак Ч. Б. Тувинский язык: проблемы культуры речи и цифровой витальности (на материале интернет-дискуссий) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 9. С. 2837–2841. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230442>

Кан В. С. Этносоциальный профиль тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 52–72. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (дата обращения: 08.03.2024.)

Ламажсаа Ч. К. Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 115–129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Михальченко В. Ю. Социолингвистический аспект классификации языков России // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения / Отв. ред. А. Н. Биткеева, М. А. Горячева. М.: Языки народов мира, 2019. С. 8–12.

Brando N., Morales-Gálvez S. Capabilities and Linguistic Justice // Political Studies. 2023, no. 71 (3), pp. 676–694. DOI 10.1177/00323217211033846

Codó E., Riera-Gil E. Linguistic Justice and Global English: Applied Linguistic and Political Theoretical Intersections // International Journal of the Sociology of Language. 2022, vol. 2022, no. 277, pp. 95–119. DOI 10.1515/ijsl-2021-0076.

De Schutter H., Robichaud D. Van Parijsian linguistic justice – context, analysis and critiques // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2015, no. 18 (2), pp. 87–112.

Gazzola M., Grin F. Assessing efficiency and fairness in multilingual communication: Towards a general analytical framework // *AILA Review*. 2007, no. 20, pp. 87–105. DOI 10.1075/aila.20.08gaz.

Gazzola M., Wickstrom B.-A., Fettes M. Towards an index of linguistic justice // *Politics Philosophy and Economics*. 2023, vol. 22, iss. 3, pp. 243–270. DOI 10.1177/1470594X231158657

Global action plan of the International decade of Indigenous languages (2022-2032) [URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383844>]

May S. The problem with English(es) and and linguistic (in)justice. Addressing the limits of liberal egalitarian accounts of language in *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. Routledge Taylors&Francis Group, 2015. DOI 10.1080 1369823.2015.1023629

Riera-Gil E. The communicative value of local languages: An underestimated interest in theories of linguistic justice // *Ethnities*. 2019, vol.19 (1), pp. 174–199.

Sen A. *Inequality Reexamined*. Harvard University Press, 1995, 207 p.

Van Parijs P. *Linguistic Justice for Europe and for the World*. Oxford: Oxford University Press, 2011, 299 p.

References

Alpatov V. M. Yazykovaya politika v sovremennom mire [Language policy in the modern world]. In: *Yazykovoje edinstvo i yazykovoje raznoobrazie v politnicheskom gosudarstve: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 14–17 noyabrya 2018): doklady i soobshheniya* [Linguistic unity and linguistic diversity in a multiethnic state: International Conference (Moscow, November 14–17, 2018): reports and communications]. A. N. Bitkeeva, M. A. Goryacheva (Ed.). Moscow, Yazyki narodov mira, 2019, pp. 24–33. (In Russ.)

Arefiev A. L., Bakhtikireeva U. M., Sinyachkin V. P. Problemy bilingvizma v sisteme shkol'nogo yazykovogo obrazovaniya Respubliki Tyva [Problems of bilingualism in the school language education system of the Republic of Tyva]. *The New Research of Tuva*. 2021, no. 1, pp. 255–272. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.14> (In Russ.)

Bitkeeva A. N., Tsybenova Ch. S. Khronika yazykovogo sdviga v tuvinskom yazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva]. *The New Research of Tuva*. 2022, no. 4, pp. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1> (In Russ.)

Borgoyakova T. G. *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Yuzhnoy Sibiri* [Sociolinguistic processes in the republics of Southern Siberia]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ., 2002, 166 p. (In Russ.)

Borgoyakova T. G., Bitkeeva A. N. Tuvinskiy komponent bilingval'nogo prostranstva ili razmyshleniya o strategii gosudarstvennoy podderzhki tuvinskogo yazyka [The Tuvan component of the bilingual space or reflections on the strategy of state support of the Tuvan language]. *The New Research of Tuva*. 2023, no. 4, pp. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20> (In Russ.)

Borgoyakova T. G., Guseynova A. V., Pokoyakova K. A. *Yazyki Yuzhnoy Sibiri v dinamike sotsial'nogo konteksta* [Languages of Southern Siberia in the dynamics of social context]. T. G. Borgoyakova (Ed. in Ch.). Abakan, 2022, 160 p. (In Russ.)

Brando N. & Morales-Gálvez S. Capabilities and Linguistic Justice. *Political Studies*. 2023, no. 71(3), pp. 676–694. DOI 10.1177/00323217211033846

Codó E., Riera-Gil E. Linguistic Justice and Global English: Applied Linguistic and Political Theoretical Intersections. *International Journal of the Sociology of Language*. 2022, vol. 2022, no. 277, pp. 95–119. DOI 10.1515/ijsl-2021-0076.

De Schutter H., Robichaud D. Van Parijsian linguistic justice – context, analysis and critiques. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2015, no. 18(2), pp. 87–112.

Dongak Ch. B. *Tuvinskiy yazyk: problemy kul'tury rechi i tsifrovoy vital'nosti (na materiale internet-diskussiy)* [Tuvan language: The problems of speech culture and digital vitality (based on the material of online discussions)]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2023, vol. 16, iss. 9, pp. 2837–2841. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230442> (In Russ.)

Dongak V. S., Mongush D. Sh. Tuvinskaya etnichnost' kak ob'ekt issledovaniya [Tuvan ethnicity as an object of research]. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2021, no. 1, pp. 146–172. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-146-172. (In Russ.)

Gazzola M., Grin F. Assessing efficiency and fairness in multilingual communication: Towards a general analytical framework. *AILA Review*. 2007, no. 20, pp. 87–105. DOI 10.1075/aila.20.08gaz.

Gazzola M., Wickstrom B-A., Fettes M. Towards an index of linguistic justice. *Politics Philosophy & Economics*. 2023, vol. 22, iss. 3, pp. 243–270. DOI 10.1177/1470594X231158657

Global action plan of the International decade of Indigenous languages (2022–2032) URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383844>

Kan V. S. Etnosotsial'nyy profil' tuvintsev [Ethnic social profile of Tuvans]. *The New Research of Tuva*. 2016, no. 2, pp. 52–72. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (accessed 08.03.2024) (In Russ.)

Lamazhaa Ch. K. Sotsial'naya kul'tura tuvintsev i onlayn-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *The New Research of Tuva*. 2021, no. 2, pp. 115–129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10> (In Russ.)

May S. *The problem with English(es) and linguistic (in)justice. Addressing the limits of liberal egalitarian accounts of language in Critical Review of International Social and Political Philosophy*. Routledge Taylors&Francis Group, 2015. DOI 10.1080 1369823.2015.1023629

Mikhailchenko V. Yu. Sotsiolingvisticheskiy aspekt klassifikatsii yazykov Rossii [Sociolinguistic aspect of the classification of Russian languages]. In: *Yazykovoje edinstvo i yazykovoje raznoobrazie v polietnicheskom gosudarstve: Mezhdunarodnaya konferentsiya (Moskva, 14–17 noyabrya 2018): doklady i soobshheniya* [Linguistic unity and linguistic diversity in a multiethnic state: International Conference (Moscow, November 14–17, 2018): reports and communications]. A. N. Bitkeeva, M. A. Goryacheva (Ed.). Moscow, Yazyki narodov mira, 2019, pp. 8–12. (In Russ.)

Riera-Gil E. The communicative value of local languages: An underestimated interest in theories of linguistic justice. *Ethnities*. 2019, vol. 19 (1), pp. 174–199.

Sen A. *Inequality Reexamined*. Harvard University Press, 1995, 207 p.

Van Parijs P. *Linguistic Justice for Europe and for the World*. Oxford, Oxford University Press, 2011, 299 p.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
20.03.2024

Сведения об авторах

Боргоякова Тамара Герасимовна – доктор филологических наук, профессор, директор-главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Российская Федерация)

E-mail: tamarabee@mail.ru

ORCID 0000-0001-9958-9086

Донгак Чечена Борисовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Тувинского государственного университета (Кызыл, Российская Федерация)

E-mail: 4e4enka84@mail.ru

ORCID 0009-0008-8561-1025

Information about the Authors

Tamara G. Borgoiakova – Doctor of Philology, Director, Principal Researcher, Research Institute of Humanities and Sayano-Altai Turkology; Professor, Department of Foreign Linguistics and Language Theory of the Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: tamarabee@mail.ru

ORCID 0000-0001-9958-9086

Chechena B. Dongak – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation)

E-mail: 4e4enka84@mail.ru

ORCID 0009-0008-8561-1025

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 811.512.151:81+81'37
DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-87-99

Представители семейства кошачьих в лингвокультуре и мифологии алтайцев

Н. Р. Ойноткинова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

Цель исследования – выявить лексико-семантические особенности зоонимов, обозначающих представителей семейства кошачьих в алтайской лингвокультуре. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью лексики фауны в алтайском языке. Основными методами исследования являются описательный метод, методы лексико-семантического, контекстуального и компонентного анализов. Новизна исследования заключается в определении лексических значений и семантики зоонимов, обозначающих представителей кошачьих. В результате исследования выделены лексико-семантические и лингвокультурные особенности зоонимов: *шүлүзүн / үүс / үс* ‘рысь’, *мааны* ‘манул, дикая кошка’, *ирбис* ‘снежный барс’, *бар* ‘тигр’ и *арслан / каракула* ‘лев’.

Ключевые слова

алтайский язык, алтайский фольклор, зооним, зоолексема, манул, рысь, барс, фауна Горного Алтая, культурный стереотип

Благодарности

Исследование выполнено по проекту Российского научного фонда № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая»

Для цитирования

Ойноткинова Н. Р. Представители семейства кошачьих в лингвокультуре и мифологии алтайцев // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 87–99. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-87-99

Representatives of the family *Felidae* in the linguoculture and mythology of the Altaians

N. R. Oinotkinova

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation

Abstract

The study focuses on the lexical-semantic and linguistic-cultural features of zoonyms denoting the representatives of the family *Felidae* in the Altai language. The study sources are various folklore texts and dictionaries of the Altai and other Turkic and Mongolian languages. The main research methods include descriptive,

© Н. Р. Ойноткинова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 2 (iss. 50)

lexical-semantic, contextual, and component analysis. The novelty is a comprehensive description of the lexical-semantic features of zoolexemes *shülüzin* (lynx), *maany* (manul, wild cat), *irbis* (snow leopard), *arslan/karakula* (lion), and *bar* (tiger) in the context of Altai language and folklore. The Altai Mountains are inhabited by only three feline animals: manul, lynx, and snow leopard. The Altai language zoonyms for these species, *maan*, *shülüzin*, and *irbis*, were borrowed from the Mongolian language. The differences have been found in the designations of lynx: the southern dialects of Altai and in the Altai literary language feature the Mongolism *shülüzin* and Chalkan, Kumandin, and Tubalar have the Siberian word *üüs/üs*. The Türkic zoonyms *bar* and *arslan/karakula* have been preserved in the language and folklore of the Altai people, despite these animals do not live in the Altai Mountains. These animals are depicted in Scythian archaeological monuments, the 12-year eastern calendar, and Altai myths. Belonging to the category of “black (dark)” animals created by the deity of the underworld, the manul, lynx, and snow leopard are mythologized. While hunting these animals the Altaians would follow specific prohibitions and customs. The depictions of these predators in myths and legends have come to symbolize power and might.

Keywords

Altai language, Altai folklore; Altai language; zoonym, zoolexeme, manul, lynx, leopard, fauna of the Altai Mountains, cultural stereotype

Acknowledgments

The study was carried out under the project of the Russian Science Foundation, No. 23-28-10028 “Linguistic picture of the world of the Altaians: vocabulary of the Gorny Altai fauna”.

For citation

Oinotkinova N. R. Predstaviteli semeystva koshach'ikh v lingvokul'ture i mifologii altaytsev [Representatives of the family Felidae in the linguoculture and mythology of the Altaians]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 87–99. (in Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-87-99

Введение

Охотничий промысел в традиционной культуре алтайцев в прошлом был одним из самых распространенных занятий. Поскольку человек большую часть жизни проводил на природе, его мировидение было связано с одухотворением окружающего мира, с многочисленными приметами и запретами, основанными на мифологических представлениях народа. Наиболее ранние охотничьи представления алтайцев и шорцев были подробно описаны в работе Л. П. Потапова «Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков» [1929]. В охотничьем фольклоре алтайцев сложились определённые культурные стереотипы о животных, на которых велась охота. Многие диких животных алтайцы называют *алымду андар*, т.е. ‘звери, требующие откупа’, поэтому на них охота была запрещена. Цель данной статьи – выявить и раскрыть лексико-семантические и лингвокультурные особенности этих зоонимов обозначающие представителей семейства кошачьих: *шүлүзин* / *үүс* / *үс* ‘рысь’, *мааны* ‘манул, дикая кошка’, *ирбис* ‘снежный барс’.

Новизна данного исследования заключается в рассмотрении семантических признаков, денотативных и коннотативных, зоолексем *шүлүзүн* ‘рысь’, *мааны* ‘манул, дикая кошка’, *ирбис* ‘снежный барс’ и *бар* ‘тигр’ в контексте языка и фольклора алтайцев, формирующих народные представления, или стереотипы. Под стереотипом понимается «представление о предмете, сформировавшееся в рамках определенного коллективного опыта и определяющее то, что этот предмет собой представляет, как он выглядит, как действует, как воспринимается человеком и т. п., в то же время это представление, которое воплощено в языке доступно нам через язык и принадлежит коллективному знанию о мире [Бартминьский 2005: 68]. Языковые стереотипы отражают заключенную в языке интерпретацию действительности, т. е. языковую картину мира. Лексические значения слова (денотативные и коннотативные) непосредственно определяют объективным и субъективным видением мира.

Материал и методы исследования

Материалом нашего исследования послужили опубликованные фольклорные и художественные тексты на алтайском языке, а также полевые записи автора статьи, сделанные в 2023 г. во время экспедиции в Улаганский, Усть-Канский районы Республики Алтай.

В работе применялись различные методы, а именно: сравнительно-сопоставительный метод, методы лексико-семантического, контекстуального и компонентного анализов. Семантический анализ слова предполагает определение элементарных смыслов, денотативных и коннотативных значений лексемы. При выяснении содержательного, образно-ассоциативного, мифологического потенциала анализируемых зоонимов в алтайском языке и фольклоре мы опирались на различные словари алтайского языка и его диалектов, грамматики и труды других исследователей, в частности на статью А. М. Щербака «Названия диких и домашних животных в тюркских языках» [1961], в которой даны этимологические и сравнительно-сопоставительные сведения о наименованиях животных в тюркских языках, а также на «Сравнительно-историческую грамматику тюркских языков» [2001], где названия животных наряду с другими лексико-семантическими группам представлены в целях реконструкции лексики для пратюркского состояния.

Результаты и обсуждение

В семейство кошачьих входят животные: *шүлүзин / үйс / үс* 'рысь', *мааны* 'манул, дикая кошка', *ирбис* 'снежный барс', *бар* 'тигр' и *каракула / арслан* 'лев'. Тигр и лев не обитают в Горном Алтае, хотя образы этих животных упоминаются в алтайских сказках, видимо, заимствованных из международного сказочного репертуара.

Мааны 'манул' (лат. *Felis manul* или *Otocolobus manul*). Манул – самый мелкий из трех видов семейства на Алтае [Красная Книга Республики Алтай 2017: 313]. В словаре алтайского языка и его диалектов лексема *мааны* 'манул' не зафиксирована, возможно, из-за того, что это животное обитает практически только в Юго-Восточном Алтае и жители северного Алтая не имеют о нем представления. Манул «наиболее многочислен в горном обрамлении хребтов Чуйской степи, по северным отрогам хребта Сайлюгем (долины рек Уландрык, Чаган-Бургазы, Тархата с притоками), на юго-восточной окраине Северо-Чуйского хребта (реки Чаган-Узун, Талдура с притоками), на восточной окраине Южно-Чуйского хребта (реки Ирбисту, Елангаш, Себистей), на Курайском хребте, на Талдуаире, на хребте Чихачева и в Курайской котловине. Также встречается на плоскогорье Укок, по бассейнам рек Джазатор и Аргут» [Там же: 314].

А.М. Щербак считал, что слово *манул* 'дикая кошка' в тувинском языке, видимо, как и в алтайском, является заимствованием из монгольского языка, если сравнить с уйг. *молун* [Щербак 1961: 130]. Зафиксированное в «Древнетюркском словаре» (далее ДТС) слово MANU сравнивается с монгольским словом *manul* 'степная кошка, манул': *barsniḡ arslanniḡ böriḡniḡ tilküniḡ asiḡ ęrsär jalajuz jintäm isig ęt qan ęrür* что касается пищи леопарда, ирбиса, манула, льва, волка, лисицы, то она состоит всегда исключительно из теплого мяса и крови (Suv 610₁₄) [ДТС 1969: 336].

В ЭСМЯ дана следующая этимология слова MANUL [*manu-l]: *халх.*, *бур.* мануул, *калм.* манл, *даг.* манӯ дикая кошка. ◊ *Ср.* уйг. монул дикая кошка (← *монг.*?), но *др.-тюрк.* тапу степная кошка [ЭСМЯ 2016: 161]. Название животного заимствовано русским языком: мамуль, мануль «вид дикой кошки в Даурии, каменная кошка» [Даль II: 296]. Считается, что название заимствовано через тюркское посредство из монгольского языка, в котором *manul* 'степная кошка' [Сетаров 1980: 19].

В алтайской лингвокультуре текстов, в которых упоминался бы этот зверь, немного. Несмотря на то, что манул – небольшой зверь, в отличие от снежного барса или рыси, считается «главой» семейства кошачьих. В детском стихотворении К. Тепукова говорится: *Кандый ан бу мында? / Киске эмес... Бу маны. / Алтай кеп куучында / Кискелердин ол жааны* [ТК, АЖА: 12]. 'Какой это зверь здесь? / Не кошка. Это манул. В алтайских преданиях / Кошек глава' (перевод мой – Н.О.).

В известном мифе-сказке «О звере мануле» (*Мааны деп ан керегинде*) манул представлен могучим, как кедр, зверем с красивой шерстью, который стал «отцом» хищных животных, не похожих на него: кошки, барсука, льва, россомахи, рыси, тигра, барса, тигра, льва. Из-за того, что кошка принесла отцу-манулу для пропитания мышонка, съев которого он не насытился и прогнал своего «сына» в стан людей. Другие животные также покинули своих родителей (манулов) и стали хищниками, так как каждый из них имел свои особенные повадки, и никто из

них не мог обеспечить пропитанием свою престарелую мать. Тогда она определила, где им жить, и прогнала всех [НПА 2011: 153, 155; Алтайские сказки и мифы 2016: 30–34]. В мифе-сказке дана примитивная (ненаучная) попытка классификации животных, похожих друг на друга.

Шүлүзин ‘рысь’ (лат. *Felis lynx*). Рысь занесена в дополнительный список видов животных, нуждающихся в особом внимании к их состоянию в природной среде и их численности. По международной классификации выделяются таксоны, вызывающие определенное беспокойство, но в настоящее время нет оснований для их включения в основной список особо охраняемых животных [Красная Книга Республики Алтай 2007: 397].

В южных диалектах алтайского и в алтайском литературном языке функционирует монголизм *шүлүзин* алт., тел., телеут., чалк. [Баскаков 1985: 207; ТРС 1995: 103].

Слово *шүлүзин* в тюркских языках заимствовано из монгольского [Щербак 1961: 141]. В «Этимологическом словаре монгольских языков» SILÜGÜSÜN [*silü-gü-sün]: *халх.* шилүүс(эн), *бур.* шэлүүхэн, *калм.* шүлүсн, *даг.* шулүс (зоол.) рысь. ◇ – *Маньчж.* silun, šulun, *як.* үүс, *кирг.* сүлөөсүн [ЭСМЯ 2018: 114].

Слово *үс / үүс* ‘рысь’ (от пратюркского слова *ü:šek* [СИГТЯ 2001: 157]) сохранилось в некоторых диалектах алтайского языка: *үс* кум. [Баскаков 1972: 255; КРС 1995: 106], *үүс* туб. [РТС 2019: 291], как и в тувинском *үс* ‘рысь’ [РТС 1968: 452] и хакасском *үс* ‘рысь’ [ХРС 2006: 757]. Тангну-урянхайцы также называли хой-юс и ат-юс [Яимова 1990: 108].

В книге Г.Н. Потанина отмечается, что алтайцы различали две разновидности рыси: *кой шүлүзин* (< *кой* ‘овца’ + *шүлүзин* ‘рысь’) – рысь с грубой шерстью, *ат шүлүзин* (< *ат* ‘лошадь’ + *шүлүзин* ‘рысь’) – рысь с мягкой шерстью [Потанин 1893: 158, 159]. Как предполагает лингвист Н.А. Яимова, зоонимы *кой* ‘овца’ и *ат* ‘лошадь’, возможно, определяют размер животного [Яимова 1990: 107–108]. Для видовых обозначений рыси в алтайском языке употребляются разные эвфемизмы. Для замещения названия *кой шүлүзин* используются слова: *чокондой* ‘пестрый’, *чоокыр ан* ‘пестрый зверь’, *чоокурак* ‘пестренький’; для замещения названия *ат шүлүзин* употребляется слово *эреенен* – *эреен* – *эреенай* < *эреен* ‘симметричный рисунок’ (пятна, полоски – пятнистый, пестрый), ср. монг. *эрээн* – *эрэн* ‘пестрота, пестрый’ [Там же: 108]. Самку рыси улаганские теленгиты называют *ак сый* ‘белый подарок’ [ПМА, БАЯ].

Размеры рыси довольно крупные, мех пышный и густой. В детском стихотворении у рыси выделены такие признаки, как короткий хвост, длинные острые когти, ее отношение к семейству кошачьих: *Чолтык кыска куйрукту, / Кулагында чачакту. / Тырмактары курч, узун, / Киске укту шүлүзин* [ТК АЖА: 10]. ‘С куцым коротким хвостом, / На ухе с кисточками. / Когти острые, длинные, / Из кошачьего рода рысь’ (перевод мой – Н.О.). Преобладают в основном звери с бледной окраской зимнего меха, от сероватой с кремовым оттенком до дымчато-серой с более или менее развитой рыжеватостью. Пятнистость выражена в разной степени, но у большинства слабая, затушеванная. В загадках выделяются следующие признаки животного: плавная, мягкая ходьба, серый окрас, пятнистость: *Ботым-ботым базытту, / Боро торко тонду (Шүлүзин). ‘С мягкой походкой, / В серой шелковой шубе’ (Рысь)* [АЗ 1980: 41]. *Арказы ала-чоокыр, / Ортозы өлө-чоокыр (Рысь). ‘Спина серовато-пестрая, / Живот рыжегато-пестрая’ (Рысь)* [АЗ, 1980: 42].

В художественной прозе раскосые глаза девушки ассоциируются с глазами рыси, и коннотативное значение зоонима связано с выражением признака формы глаз: *Лит ле нак биледе кыр ажыра чокондойдый чичке сары көстөрлү, тегерик кызыл чырайлу тул бай келин јаткан. Онын ады Таный болгон* [ТА, ЧБ – ЧК: 114]. ‘В молодой и дружной семье, за горой жила богатая, молодая, незамужняя женщина с круглым красным лицом, с узкими желтыми, как у рыси, глазами’ (перевод наш).

На Алтае рысь обитает в хвойных лесах тайги, на разной высоте – от нижней части долин до верхней границы леса и выше. В неблагоприятные годы эти животно́ые могут перемещаться на многие десятки и сотни километров в поисках кормов. Во время таких вынужденных переходов они могут приближаться к населенным пунктам, заходить в них. Эти хищники нападают на кошек, мелких собак, овец, коз. Рыси активны в ночное и сумеречное время, также рано утром и перед закатом солнца. Численность диких копытных и других животных, которыми питается

рысь, сейчас на Алтае очень низкая, поэтому ей нередко приходится кормиться за счет домашних животных [Красная Книга Республики Алтай 2007: 397].

В мифе-сказке «О звере мануле» (*Мааны деп ан керегинде*) объясняется, почему рысь стала хищным животным. Когда отец-манул состарился, ему в голову пришла мысль, завести детей, чтобы они прокормили себя и пожилых родителей. Когда манул-отец попросил рысь добыть для него пищу то, «сын», поохотившись трое суток, принес детеныша косули. За то, что он оказался самостоятельным и способным к охоте, отец «благословил» своего «сына» стать хищником [НПА 2011: 154, 155; Алтайские сказки и мифы 2016: 30–34]. В тексте отмечается, что рысь опасна как для домашних животных, так и для человека: «Но из-за того, что ему сказали, что он, сам питаясь, будет жить, [с тех пор] рысь и зверя, и овцу ловит. Да и для человека опасен. Если человека увидит, то рысь в сторону убегает. Хотя и так, если они вблизи встретятся, если его ранят, то зверя-рыси остерегаться надо» [НПА 2011: 155].

Рысь живет в норе, в загадке ее жилище сравнивается с владениями хана-господина: *Как төңөштө уйалу, / Каанда-бийде тергелү (Шүлүзин)*. ‘Гнездо его в сухом пне, / Во владениях царя и князя живет’ (Рысь) [АЗ 1980: 42]; *Беш төңөштө уйалу, / Бийде-каанда тергелү (Рысь)*. ‘Гнездо его под пятью пнями, / Во владениях господина и царя живет’ (Рысь) [АЗ 1980: 42]. В загадке обращается внимание на внешнее сходство хвостов у рыси и зайца: *Төөгө баитаткан, / Кускун кондырган, / Шүлүзин кыстанган бир уул барып јат (Койон)*. ‘С головой верблюда, / С отметиной (на кончике ушей), как у ворона, / С хвостиком рыси идет один парень’ (Заяц) [АЗ 1980: 45].

В алтайской культуре высоко ценятся камусы лапок рыси, из которых для мужчин шили зимние шапки (*шүлүзүн бөрүк*). Женщинам запрещено носить шапки, сшитые из шкур зверей, имеющих острые когти, например, из рыси. Запрет связан с тем представлением, что многие дикие животные очень тяжело рожают детенышей, часто теряют их при родах, поэтому вещи, изготовленные из их шкурок, шерсти считались запретными для женщин [АЭС 2023: 35].

По рассказам охотников, из шкуры рыси мужчинам шьют за всю их жизнь всего 3 шапки: *Чокондой бөрүкти эр улус кийер. Јүрүминде кийзе, јч катап кийер керек. Ондый тынду неме дийт, ол чокондой. Јч бөрүкти ээдеде кийер. Чокондой деп неменинг јүрүми узун неме дийт* [ПМА, Чырбыкова]. ‘Шапку из меха рыси носят мужчины. За всю жизнь три шапки можно носить. Такое живое существо, говорят, эта рысь. Три шапки до износа носят. У рыси жизнь длинная, говорят’ (перевод мой – Н.О.). Образ этого животного встречается в песнях охотников, например: *Сүүри туунын кырына / Шүлүзин тепкен карчага. / Сүрлү бийдин алдына / Јүрүмин айткан карындаш* [АЖ 2004: 296]. ‘На краю высокой горы / Рысь пнувший ястреб. / Перед видным господином / О жизни своей рассказавший брат мой’ (перевод мой – Н.О.). В песнях упоминается, что шапка является ценным подарком для представителей мужского пола: ее дарили по важному поводу, например, при совершеннолетию или достижении человеком солидного возраста. *Чокондой бычкак бөркимди / Кийеринг бе, көөркийим? / Чокту тодош сөс айтса, / Угарын ба, көөркийим? / Түлкү бычкак бөркимди / Кийеринг бе, көөркийим? / Тодош јүренг сөс айтса, / Барарын ба, көөркийим?* [ТА ЧБ-ЧК: 45]. ‘Шапку мою, сшитую из лапок рыси, / Наденешь ли, милая? / Лучезарный тодош (из рода тодош) слово скажет, / Послушаешь ли, милая? / Шапку мою, сшитую из лапок лисьих, / Наденешь ли, милая? / Друг твой [из рода] тодош предложение сделает, / Пойдешь ли за него, милая?’ (перевод мой – Н.О.).

Рысь – мифологизированное животное из рода хищных млекопитающих семейства кошачьих, которое относится к категории «черных (темных)» животных, созданных божеством Нижнего мира. Этого когтистого животного следует остерегаться, так как оно опасно как для домашних и диких животных, так и для самого человека. Многие поведенческие установки и правила во время охоты, восходят к мифу о том, что в горах хозяевами являются духи, поэтому все живое принадлежит им, следовательно, результат охоты зависит от расположения горных хозяев. Предки алтайцев верили, что на охоте горные духи дают возможность человеку добыть зверя, для того чтобы он прокормил свою семью: *Алтайдын, кырдын, тааштын, агаштардын ээлери ологго эмди кай учун албаа, түлкү, элик, бөрү, шүлүзин эмезе өскө нени-нени сыйлагылап берилейтен* [ТА ЧБ-ЧК: 45]. ‘Духи-хозяева Алтая, гор, скал, леса за кай (исполнение горловым пением сказания) им дарили соболя, лису, косулю, волка, рысь’ (перевод мой – Н.О.).

Перед охотой на рысей охотники совершали ритуал с произнесением заклинания для того, чтобы снять с себя вину за убийство зверя. Во время полевого исследования нам удалось записать об этом рассказ: *Эки колынан бир бөрүк чыгып турган, эки будынан – эки ле. Өлтүрзе оны, кунбадыштен кайага чыгарала, кунбадыштен уулайла, айдынтран неме: «Ол жерден барзан, кижги адып өлтүрди деп айтпа! Агаштан жыгылала, база ненен улам жыгылдым деп, айт. Бойынын сүнезин кижининг сүнезиле толуп, апартран неме. Бойынын альинан десе бе, альдын ичинен кижги божоптран, онын учун айдынып эштептран. Ондый жанду неме, жанда-ныптран неме. Ол байлу ан. Өлтүрзе, обязательно ол жанын ден уулап, жандаар керек, кижининг жууктарынын тынын апарбазын деп* [ПМА, Бордомолов]. 'Из двух передних лап одна шапка выходит, из двух задних – всего две. Когда убивают, поднявшись на скалу, направив в сторону запада, закликают: «На тот свет пойдешь, не говори, что тебя человек убил. Скажи, что, упав с дерева, или с чего-то еще упав, умер. Это существо, которое, обменяв свою душу на душу человека, уводит. Кто-то из своего дома, или кто-то из родственников в доме умирает, поэтому закликают. С таким нравом это животное, поэтому соблюдают такой обычай. Это зверь с таким обычаем. Когда убивают, то обязательно в ту сторону направив, нужно заклясть, чтобы душу кого-то из близких не унес' (перевод мой – Н.О.).

Охотники стараются не охотиться на рысь, но если все же добыли этого зверя, то придерживались определенных правил поведения. Рысь называли иносказательным именем *Чокондой*, тушку животного в дом не заносили: *Камдуны атса, айылдон эжелбей кайда-кайда канча-канча кун, бир-эки кун тудар, айылдон кийдирбей, онон экелер. Ол база байлу, чүмдү неме. Бис айуны Мајалай деп жадыс, бөрүни Кокойок, байлап турган не. Шүлүзүнди – Чокондой – деп, Алтайдын казыр андары. Же байла малашка табарбасын, чачпасын ла деп байланып турган не.* 'Если выдру застрелим, в *айыл* сразу не привозим, где-где сколько-сколько дней, день-два держим, не заноса домой, потом приносим. Это тоже сакральное [животное]. Мы медведя называем *Мадялай*, волка *Кокойок*, тоже почитаем. Рысь-*Чокондой*, так, Алтай грозные звери. Ну, наверное, чтобы скотине урон не причиняли, не трогали [потому] почитаем' [ОТКА 2019: 310]. Аналогичные действия совершались по отношению к выдре и другим «темным» животным; охотники использовали приемы имитативной магии, для того чтобы предотвратить беду и обезопасить себя и свой род [Ойноткинова 2023: 96].

В охотничьей традиции тюрков Сибири издавна существует традиция отрезать пополам носы «темным» животным: *Шүлүзин өлтүрзе: Мылтыктын тејизи деп, тумчугын ал јат. Мылтык үлүүзи деп, ан-куш атса, үлежип јат. Андап барганда, элик, ан адарга келишсе, Алтайына мындый алкыш айдын јат: Алтайым, карамдабай бердинг, / Јеримнинг аңы учурады, / Алтай јеримнен алдым.* 'Если убьют рысь: / Ружья доля, так говоря, нос, обрезав, берут. Если зверя и птиц застрелят, Это «доля» ружья говоря, делят. Когда на охоту уходят, если удалось застрелить косулю, марала, Алтаю такое благословение сказывают: Алтай мой, не пожалев ты дал, / Земли моей и зверь встретился, / С Алтай, от земли моей, я взял' [ОТКА 2019: 320]. Значение данного ритуального действия объясняется тем, что местом обитания для души животного служит нос. Л.П. Потапов писал, что если зверю в нос попадет пуля, «ни один не выживет», а мелкого зверя «ударь по носу – он пропадет сразу». «Вот почему “челейцы” (род “челеј”, обитающий в северном Алтае) обрезают колонку кончик носа и уносят домой, думая, что завладели душой этого зверка. Каларцы и шорцы кончики носов убитых лисиц и соболей хранят дома в ящиках. Здесь мы снова сталкиваемся с приемом заразной, контагиозной магии» [Потапов 1929: 131]. Когда целую тушу рыси, застрелив, принесут, нос и когти ее в реку спускают. Таким способом отпускали душу животного в иной мир. Иначе они думают, что она будет преследовать охотников.

Ирбис ‘снежный барс’ (лат. *Uncia uncia* или *Panthera uncia*). Бар – 1) тигр; 2) барс [АРС 2018: 237]. В алтайской культуре традиционно под словом *бар* подразумевали снежного барса, но в виду схожести с тигром, в первую очередь их внешних (морфологических) признаков, могли обозначать этих животных одним названием.

Снежный барс обитает на территории Республик Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Забайкальского и Красноярского краев, Иркутской области. Это редкий, малочисленный, находящийся под угрозой исчезновения вид, занесенный в Красную книгу Российской Федерации [Красная

Книга Республики Алтай 2017: 308]. Снежные барсы, как правило, обитают, где есть сибирские горные козлы, составляющие основу их питания. На Алтае обитают в высокогорьях долины р. Аргут, на Курайском и на Южно-Чуйском хребтах [Там же: 310]. От названия животного также образовано название местности Ирбистю в Кош-Агачском районе.

В словарях алтайского языка и его диалектов зафиксированы следующие лексемы, обозначающие это редкое животное: *ирбис* ‘барс’ алт., туб., чалк. [АРС 2018: 237; РТС 2019: 9; Баскаков 1985: 146]. Барса иносказательно называют *тамаш* ‘лапа’ или *шоқыр аң* ‘пёстрый зверь’ [РКС 2021: 18].

Слово восходит к *irbis ‘пантера’, леопард [СИГТЯ 2001: 157]. Зооним *ирбис* ‘барс’ в алтайском языке, как и в тувинском *ирбиш* ‘барс’ [РТС 1968: 210], заимствован из монгольского: < монг. *ирвэс* [Щербак 1961: 139]. Авторы ЭСМЯ приводят следующие этимологические параллели: IRBIS халх. *ирвэс*, калм. ирвс леопард, пантера; *бур.* (диал.) эрбэд барс, тигр. ◇ ← *Тюрк.: др.-тюрк. irbiz* ‘леопард’ [ЭСМЯ 2016: 105]. Монгольское название, как отмечает Д. С. Сетаров, вошло в русский язык через тюркские языки: др.-тюрк. *irbic*, *irbiz* ‘рысь, леопард’, кирг. *ilbirs*, узб. *ilvirs* ‘ирбис, снежный барс’, тув. *irvis* ‘барс’. Русское *ирбис* < тюрк., *irbiz* < монг. *irväs* ‘леопард, пантера’ [Сетаров 1980: 16].

Снежные барсы предпочитают обрывистые скальные участки, где легче охотиться и укрываться при опасности и от непогоды. На шкуре у рыси имеются пятна, пего-пёстрый окрас отличает ее от других представителей фауны: *Лайы-кыжы кайылбас / Карлу бийик тууларда / Жүрет байлу аныбыс – / Олө-чоокыр ирбис* [ТК АЖА: 4]. ‘В снежных высоких горах, / Где летом-зимой снег не тает, / Живет зверь наш священный – Пего-пестрый барс’. На снежного барса алтайцы специально не охотятся, так как оно считается священным животным Алтая.

В сказке-мифе «Маны и его семь сыновей» барс (*ирбис*) также является одним из «сыновей» манула (*мааны*). В тексте объясняется, почему манул стал хищником и чем он питается: «Маны, марчанг энези, имѣла семь сыновей; старшій былъ Борсукъ, младшій Баръ. Братья пошли вдвоёмъ на охоту и встрѣтили моралуху (муйгак). Борсукъ говоритъ: “Я буду стрѣлять”. Баръ: “Я”. Пospорили, поспорили, и Баръ уступилъ. Борсукъ хотѣл застрѣлить моралуху, но та ударила его копытомъ и раскроила ему лобъ. Борсукъ едва живъ остался. Баръ убилъ моралуху. Послѣ того Баръ сталъ страшнымъ охотникомъ, не было отъ него никакому зверю проходу. (Далее рассказчик отказался продолжать, сознавшись, что конецъ забылъ)» [НПА, 2011, с. 440].

Образ барса в алтайском языке и фольклоре стало олицетворением силы и мужественности. От данного нарицательного имени, апеллятива, образовано мужское имя Ирбис. В героическом эпосе герой по имени Ирбис-Буудай отличается своим бесстрашием и физической силой. В битве с врагом он проявляет свое мужество и даже жестокость: *Ирбис-Буудай баатыр Омыртказын ойып турат, Кабыргазын кайрып турат...* ‘Ирбис-Буудай богатырь / Позвоночник его дырявит, / Рёбра его выламывает...’ [АБ 2021: 245].

В фольклорных текстах часто встречается сравнение *ирбистий* ‘как барс (сильный)’. Так, в свадебном благопожелании желают, чтобы у молодоженов родились мальчики, которые вырастут сильными как барсы мужчинами: *Аттардын јүзүрүгин, / Жоргозын минген. / Ат јарыштарда / Маргаан алган. / Јадынга толо малду, / Төргө толо јөөжөлү, / Угын улалтар уулдарду, / Улуска берер кыстарду, / Ийнедий коо сынду кыстарду, / Ирбистий бөкө уулдарду / Журт туткан кин сагалдар* [ТА ЧБ-ЧК: 45]. ‘Из лошадях на самых быстрых, / На иноходцах ездящие. / На лошадиных скачках / Победу одерживающие, / Со скотом полный загон, / С богатством, полным передний угол, / С сыновьями, чтобы род продолжать, / С дочерьми, чтобы людям [замуж] отдавать, / С дочерьми изящными, как иголки, / С сыновьями сильными, как барсы пусть [живут]’ (перевод наш).

Бар ‘тигр’ (лат. *Panthera tigris*). Тигры не обитают в Горном Алтае, но слово зафиксировано в словаре алтайского языка – *бар* ‘тигр’ [АРС 2018: 237]. Лексема восходит к общетюркскому *bars ‘тигр’, распространенному в тюркских языках: др.-уйг. (в частности, в переводах с санскрита), сал., кар., алт. диал., уйг. диал.; со значениями ‘барс, леопард, пантера’ (в частности, охотничий) представлен в следующих языках: крх.-уйг., ср.-кыпч., все современные источники; 3-й год по животному циклу – др.-уйг., крх.-уйг., ср.-уйг., каз., кирг. [СИГТЯ 2001: 157].

Известны факты появления на Алтае туранского тигра в конце XIX и начале XX вв.¹ Много свидетельств на эту тему находятся в археологических памятниках скифского периода. Л.С. Марсадолов пишет, «в связи с тем, что народы Востока считали тигра царем всех диких животных, то и созвездие Тигра обозначает первый главный месяц нового года. При формировании календарной системы этих народов образ Тигра стал одним из 12-летних, 12-месячных и 12-часовых циклических символов-знаков» [Марсадолов 2020: 140]. Изображения тигров находили в курганах Башадара и Пазырыка. Их изображения на этих артефактах археологи связывают с 12-годовым восточным зоокалендарем, появившимся на основе китайского календаря [Там же: 134].

В фольклоре алтайцев тигр действительно упоминается в мифе о появлении 12-летнего животного календаря. Это животное, наряду с другими еще одиннадцатю, вошло в традиционный 12-летний животный календарь. Его исчезновение с алтайских гор объясняется Всемирным потопом, случившимся в древности: «В древние времена на Алтае, когда горы, мхом покрываясь, вырастали, когда реки, разделяясь, текли, большой потоп был. Когда так случилось, погибло много животных. Из всех животных лишь двенадцать животных, которые вошли в год, остались. На Алтае с величавыми вершинами невозможно было чепрак положить, на шелковых вершинах Сюмера не было земли потник расстелить. Потому что земля костями диких животных, бродячих собак, прожорливых змей была покрыта. ... Тигр, поднявшись, сказал: “Чтобы детей-потомков своих забавлять, чистого места [здесь] я не вижу. К морю пойдёшь — там костей больших зверей-птиц полно, в гору пойдёшь — костей всяких животных много. Я хочу быть подобен человеку. Взяв свои вёсла, и по морю поплыву, взяв свою плётку, и по горам пойду. На небе буду жить”...» [НПА 2011: 119, 121]. По представлениям современных алтайцев, год барса предвещает как хорошее, так и плохое. Так как шкура барса покрыта пятнами, так и год для людей и животных будет разным [Тюхтенева 2009: 73].

В алтайских преданиях упоминается, что барс является тотемным животным рода кыпчак: <...> *Ойнодо сарызы бар, ак-кыпчак бар, кара-кыпчак бар, таргазы, жалчызы, барс-кыпчагы бар, такаазы бар, таади-кыпчагы бар*. <...> ‘Вот у них и сары-[кыпчаки] есть, и ак-кыпчаки есть, и кара-кыпчаки есть, и тарга, и дьялчы, и барс-кыпчаки есть, и такаа есть, и тады-кыпчаки есть’ [НПА 2011: 264, 265]. Цветовые эпитеты обозначают здесь принадлежность к разным частям света: жёлтый – западный, белый – южный, кара – северный; барс и подкова, видимо, являются *тамгами* некоторых групп кыпчаков. В других текстах тигр не упоминается. Все эти сведения подтверждают мысль о том, что фольклор, связанный с этими экзотическими хищниками, тигром или львом, является архаичным, скорее всего, заимствованным и привнесённым в прошлом из других восточных культур.

В сказании «Маадай-Кара» упоминается факт о том, что сын, родившийся у Алтын Тарги и Маадай-Кары, растёт «не по дням, а по часам», пинком ноги откидывает шкуры семидесяти барсов (тигров): *Алтан бардын ол терезин / Андандыра тееп турат, / Жетен чардын бу терезин / Жемире тееп, ыйлап жадат* [Маадай-Кара 1978: 84–85]. ‘Шкуры шестидесяти барсов, / Ногами пиная, отбрасывает, / Шкуры семидесяти волов / Ногами пиная, откидывая, плачет’.

Одного из типов шаманского бубна у алтай-кижи, тубаларов, кумандинцев, чалканцев, шорцев и телеутов, а также у *камов* алтайцев называли *барс/нарс*. *Барыс* «представляет собой вертикальный деревянный стержень с круглым перехватом посередине, за который шаман держал бубен во время камлания, концы этого стержня упирались в обечайку бубна. Они имели вид лопасти-дощечки, испещренной небольшими отверстиями (*кӧс* — глазки), вдоль которой проходит гребешок (символизирующий горы, которые шаман перелетал при камлании), деливший каждую лопасть пополам» [Потапов 1991: 165]. Бубен с рукояткой *нарс/марс* у *камов* современных алтае-саянских народов считался бубном высшей категории. С ним шаман мог путешествовать во время камлания по всем зонам Вселенной. Бубен с рукояткой *марс* давался шаманам высшим божеством, но всегда через хозяев священных гор, которые становились покровителями *камов*, имевших такие бубны.

¹ Коптелов Афанасий. Как 25 сибиряков на тигра ходили // Краеведческий вестник. Бийск, 1997. Вып. 2. С. 54-56.

В сказке-мифе «О звере мануле» (Мааны деп ан керегинде) тигр является вторым, после льва, сыном манула. Он, как и его «брат» с охоты притащил спавшего в стане человека. «Отец рассердился: “Подражаете друг другу или назло мне делаете? Человека иди убивай — разве я вам так говорил? Что ты делаешь?” Тигр тоже врагом человека стал. Если тигр человека раньше увидит, то он человека убьёт, если человек его раньше увидит, то он тигра убьёт» [НПА 2011: 155].

Тигр – это животное, олицетворяющее силу. В пословице с образом этого животного выражена мысль о том, что смелый не побоится большого и сильного, трусливый боится всего – малого и слабого: *Бар тудар – коркыбас, / Бака тудар – чочыбас*. ‘Тот, кто тигра поймает, тот не трусливый, / Тот, кто лягушку поймает, тот не пугливый’ [АПП 2010: 44–45]. Здесь противопоставлены символические образы сильных и слабых животных.

Карагула / арслан ‘лев’ (лат. *Panthera leo*). Для номинации этого животного употребляются две лексемы: *карагула* и *арслан* ‘лев’ [АПС 2018: 284]. Слово *арслан* ‘лев’ образовано от *арс* – подражания рычанию диких зверей, + *-лан*, называющего носителя процесса. Ср. хак. *арсыл* ‘дикий’, ‘свирепый’, ‘лютый’, алт. туба ‘зубастый’ (Баскаков Туба 103), *арсыл ажу*, *арсыл аба* (Р I327 – тел.) – все являются производными от *арс* с модификатором *-ыл*. В. Банга: *arsil + lan*, ср. *ɣlan*, где *lan* в значении ‘крадущийся, ползущий’ [ЭСТЯ 1974: 177–178]. Тюркское слово было заимствовано в монгольские языки: ARSALAN, *arслан*; *халх.* арслан, *бур.* арсалан, *калм.* арслн лев. ◊ ← *Др.-тюрк.* *arслан*; *маньчж.* (← *монг.*) *arsalan* лев [ЭСМЯ 2015: 57].

Львы не обитают в Горном Алтае, в том числе и в Сибири, но о них имеются упоминания в различных фольклорных произведениях алтайцев. В сказке-мифе «О звере мануле» (Мааны деп ан керегинде) объясняется насколько опасен лев для человека. Лев (*арслан*) – старший сын манула на охоте напал на лошадь и на человека. «Старший сын, на двое суток уйдя [на охоту], коня, навьюченного мясом, да ещё охотника, убив, притащил. Его отец сильно на него рассердился. Принесённая [сыном] пища ему не понравилась: «Если будешь связываться с таким, то жизни тебе не будет! Как этот человек тебя раньше не заметил? Если бы раньше заметил, то застрелил бы! Отец, рассердившись, и конину есть не стал, и человечину есть не стал. «Что принёс, сам ешь», – сказал, лев съел. С тех пор вот лев и человек друг друга ненавидят. Если человек льва увидит, то он убьёт его. Если лев его раньше увидит, то он человека убьёт» [НПА 2011: 153–156].

Другая лексема *каракула* ‘лев’ появилась в алтайском языке как иносказание, поскольку прямое значение у этого слова ‘тёмно-саврасый (*о масти*)’ [АПС 2018: 285].]. В пословице лев, как и некоторые другие звери, является воплощением силы: *Кебинде ол ашка карагула да чыдабайтан* ‘С этим напитком даже лев не справился’. Изречение возникло на основе сказки о том, как звери пытались напоить льва вином [АПП 2010: 84–85]. От аппелятивов *каракула* ‘лев’ и *арслан* ‘тигр’ образованы антропонимы, обозначающие мужские имена. В сказании «Маадай-Кара» жестокого врага-завоевателя, напавшего на стан главного героя Маадай-Кары, зовут Кара-Кула: «Кара-Кула, этот каан, / Из стойбища своего отправившись, / Шесть дней, оказывается, в пути. / Из земли своей выехав, / Семь дней теперь в дороге [Маадай-Кара 1978: 264–265].

Заключение

Таким образом, животных, представителей семейства кошачьих, обитающих в фауне Горного Алтая всего три: *мааны* ‘манул, дикая кошка’, *шүлүзүн / жүс / үс* ‘рысь’, *ирбис* ‘снежный барс’. Это редкие виды животных, которые обитают в основном на территориях Алтая, Тувы, Хакасии и Монголии. Зоонимы, обозначающие представителей семейства кошачьих, в алтайском, тувинском и монгольском языках имеют общие этимологии.

В алтайском языке сохраняются зоонимы, обозначающие кошачьих, – *мааны* ‘манул, дикая кошка’, *шүлүзүн* ‘рысь’, *ирбис* ‘снежный барс’, по происхождению являющиеся заимствованиями из монгольского языка. В лексической номинации рыси имеются параллели: алтайском литературном языке и телегитском диалекте функционирует монголизм *шүлүзин* ‘рысь’, а в чалканском, кумандинском и тубаларском – тюркское слово *жүс / үс*. Зоонимы-тюркизмы *бар* ‘тигр’, *арслан / каракула* ‘лев’ сохранились в языке и фольклоре алтайцев несмотря на то, что эти животные не обитают в Горном Алтае. Изображения этих животных

представлены в археологических памятниках скифского времени, символике 12-летнего восточного календаря, а также в героических сказаниях и мифах алтайцев. Манул, рысь и снежный барс являются мифологизированными животными: их относят к категории «черных (темных)» животных, созданных божеством Нижнего мира. В прошлом, алтайцы на охоте на этих животных, чтобы обезопасить себя, соблюдали определенные запреты и обычаи, в частности использовали приемы контагиозной и заклинательной магии. В алтайской лингвокультуре образы этих хищников стали воплощением силы и мужественности, что подтверждается контекстами из фольклорных произведений (пословиц, загадок, мифов и сказаний) алтайцев.

Список литературы

- АБ – Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Т. XVIII (серия «Алтайский героический эпос»). Горно-Алтайск: ООО «Принт», 2021. 448 с.
- АЗ – Алтайские загадки = Алтай табышкактар / Сост. К. Е. Укачина. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. 176 с.
- АЖ – Алтай жангар кожон. Алтайская песня-дьянгар / Сост. С. К. Петешева. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2002. 400 с.
- АПП – Алтайские пословицы и поговорки = Алтай кеп ле укаа сөстөр / Сост. Н. Р. Ойноткинова Новосибирск, 2010. 268 с.
- АЭС – Алтайский этнографический словарь / Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.) и др.; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2023. 370 с.
- Алтайские сказки и мифы (Алтай чөрчөктөр лө соојындар). Горно-Алтайск: Горно-Алт. типография, 2016. 80 с.
- Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи): граммат. очерк, тексты, пер., слов. / Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1972. 279 с.
- Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): граммат. очерк, тексты, пер., слов. / Отв. ред. К. М. Мусаев; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1985. 231 с.
- Красная книга Республики Алтай (животные, 3-е изд.) // Под ред. А.В. Бондаренко. Горно-Алтайск, 2017. 368 с., ил.
- КРС – Кумандинско-русский словарь: ок. 10 000 слов / Сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова, Е. И. Тукмачева. Бийск: Бийс. котельщик, 1995. 150 с.
- Маадай-Кара. Алтайский героический эпос / зап. текста и пер. и прил. С. С. Суразакова; подгот. тома и вступ. ст. И. В. Пухова. М.: Наука, 1973. 474 с.
- Марсадолов Л. С. Новая семантика зооморфных образов на саркофаге из кургана Башадар-2 на Алтае // Народы и религии Евразии. Nations and religions of Eurasia. 2020. №3 (24), pp. 127–150.
- НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 30)
- ОТКА – Обрядность в традиционной культуре алтайцев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. 704 с.
- Ойноткинова Н. Р. Выдра в лингвокультуре алтайцев // Традиционная культура. 2023. №4. С. 91–98.
- Потанов Л. П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. Кн. 5. Баку: Издание В. Ц. К. Н. Т. А, 1929. С. 123–149.
- Потанов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1991. 319 с.
- РКС – Русско-кумандинский словарь / Сост. М. Б. Петрушова, В. М. Данилов, ред. Н. А. Дьайым. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2021. 504 с.
- РТС – Русско-тубаларский словарь / Сост. А. С. Кучукова; ред. С. Б. Сарбашева Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2019. 384 с.

Санжеев Г. Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. Том I. А–Е. 2015. 224 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на гласные / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1974. 768 с.

Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях животного мира // Советская тюркология. №1. 1980. С. 8–27.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

ТА, БЧ – ЧК – Акулова Т. Н. Чарас Бажы – Чёрчэк Кабайы. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2003. 376 с.

ТК, АА – Тенуков К. Алтай јерис агару. Горно-Алтайск: Литературно-издательский дом «Алтын Туу». URL: <http://azatpai.ru/d/altay-eris-agaru.pdf> (дата обращения: 24.04.2023). (На алтайском яз.)

ТРС – Телеутско-русский словарь / Сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 119 с.

Тюхтенева С. П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев в XX веке. Элиста, 2009. 169 с.

Щербак А. М. Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–172.

ЭСМЯ – Санжеев Г. Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г.Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Том II. G–P. 2016. 232 с.

ЭСМЯ – Санжеев Г. Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Отв. ред. Г.Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2018. Том III. Q–Z. 2018. 240 с.

Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типогр., 1990. 169 с.

References

Akulova T. N. *Charas Bazhy – Cherchek Kabayy* [The upper reaches of Charas is the cradle of fairy tales]. Gorno-Altai, Gorno-Altai, Uch Sumer printing house, 2003, 376 p. (In Altai)

Altay baatylar (Altayskie bogatyri) [Altai bogatyrs]. Gorno-Altai, “Print” Publ., 2021, vol. XVIII, 448 p. (Series “Altayskiy geroicheskiy epos” [“Altai heroic epic”]) (In Altai, In Russ.)

Altay jaŋar kozhoŋ [Altai song diangar]. S. K. Petesheva (Comp.). Gorno-Altai, Ak Chechek, 2002, 400 p. (In Alt.)

Altayskie skazki i mify (Altay chörchöktör lö soojyndar) [Altai fairy tales and myths]. Gorno-Altai, Gorno-Alt. tip., 2016, 80 p. (In Altai, In Russ.)

Altayskiy etnograficheskiy slovar’ [Altai Ethnographic Dictionary]. N. V. Ekeev (Ed.), E. V. Enchinov (Sci. Ed.), et al. S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics. Gorno-Altai, 2023, 370 p. (In Russ.)

Altay tabyshkaktar [Altai riddles]. K. E. Ukachina (Comp.). Gorno-Altai, Gorno-Alt. otd. alt. kn. izd. 1981, 176 p. (In Altai, In Russ.)

Altay kep le ukaa söstör [Altai proverbs and sayings]. N. R. Oinotkinova (Comp.). Novosibirsk, 2010, 268 p. (In Altai, In Russ.)

Baskakov N. A. *Dialekt kumandintsev (kumandy-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov.* [Dialect of the Kumandins (Kumandy-Kizhi): grammar. essay, texts, transl., dictionary]. Institute of Linguistics AN SSSR, Moscow, Nauka, 1972, 279 p. (In Russ)

Baskakov N. A. *Severnye dialekty altayskogo (oyrotskogo) yazyka: dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov.* [Northern dialects of the Altai (Oiro) language: the dialect of the Lebedinsky Tatar-Chalkans (Kuu-Kizhi): grammar. essay, texts, transl.,

dictionary]. K. M. Musaev (Ed. in.Ch.), Institute of Linguistics AN SSSR, Moscow, Nauka, 1985, 231 p. (In Russ.)

Krasnaya kniga Respubliki Altay (zhivotnye) [Red Book of the Altai Republic (animals)]. 3rd ed. A.V. Bondarenko (Ed.). Gorno-Altaysk, 2017, 368 p., ill. (In Russ.)

Kumandinsko-russkiy slovar': ok. 10 000 slov [Kumandin-Russian Dictionary: approx. 10 000 words]. L. M. Tukmachev, M. B. Petrushova, E. I. Tukmacheva (Comps.). Biysk, Biysk Kotel'shchik, 1995, 150 p. (In Kum., In Russ.)

Maaday-Kara. Altayskiy geroicheskiy epos [Maadai-Kara. Altai heroic epic]. S. S. Surazakov (Text record. and transl., appendix), I. V. Pukhov (Prep. of the vol. and intr.). Moscow, Nauka, 1973, 474 p. (In Russ.)

Marsadolov L. S. *Novaya semantika zoomorfnykh obrazov na sarkofage iz kurgana Bashadar-2 na Altae* [New semantics of zoomorphic images on the sarcophagus from the Bashadar-2 mound in Altai]. *Narody i religii Evrazii. Nations and religions of Eurasia*. 2020, no. 3 (24), pp. 127–150.

Neskazochnaya proza altaytsev [Non-folktale prose of the Altaians]. N. R. Oinotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamayeva (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (In Altai, In Russ.) (Pam'atniki folkloru narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Vol. 30) (In Altai, In Russ.)

Obryadnost' v traditsionnoy kul'ture altaytsev [Ritualism in the traditional culture of the Altaians]. Gorno-Altaysk, S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, 2019, 704 p. (In Altai, In Russ.)

Oinotkinova N. R. *Vydra v lingvokul'ture altaytsev* [Otter in the linguistic culture of the Altaians]. *Traditional culture*. 2023, no. 4, pp. 91–98. (In Russ.)

Potapov L. P. *Okhotnich'i pover'ya i obryady u altayskikh turkov* [Hunting beliefs and rituals among the Altai Turks]. In *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka. Kn. 5* [Culture and writing of the East. Bk. 5]. Baku, Ed. of V. Ts. K. N. T. A, 1929, pp. 123–149. (In Russ.)

Potapov L. P. *Altayskiy shamanizm* [Altai shamanism]. Leningrad, Nauka, 1991, 319 p. (In Russ.)

Russko-kumandinskiy slovar' [Russian-Kumandin dictionary]. Petrushova M. B., Danilov V. M (Comps.), N. A. D'ayym (Ed.). Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2021, 504 p. (In Russ., In Kum.)

Russko-tubalarskiy slovar' [Russian-Tubalarian dictionary]. Kuchukova A. S. (Comp.). Sarbasheva S. B. (Ed.). Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2019, 384 p. (In Russ., In Tub.)

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etimologicheskiy slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t.* [Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 vols.]. G. D. Sanzheev (Ed. in Ch.), L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman (Eds., Comps.). Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2015, vol. 1: A–E, 224 p. (In Mongol, In Russ.)

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etimologicheskiy slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t.* [Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 vols.]. G. D. Sanzheev (Ed. in Ch.), L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman (Eds., Comps.). Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2016, vol. 2: G–P, 232 p. (In Mongol, In Russ.)

Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etimologicheskiy slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t.* [Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 vols.]. G. D. Sanzheev (Ed. in Ch.), L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman (Eds., Comps.). Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 2018, vol. 3: Q–Z, 240 p. (In Mongol, In Russ.)

Setarov D. S. *Tyurkizmy v russkikh nazvaniyakh zhivotnogo mira* [Turkisms in Russian names of the animal world]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1980, no. 1, pp. 8–27. (In Russ.)

Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic vowel bases]. Moscow, Nauka, AN SSSR, Institute of Linguistics, 1974, 768 p.

Shcherbak A. M. *Nazvaniya dikikh i domashnikh zhivotnykh v tyurkskikh yazykakh* [Names of wild and domestic animals in the Turkic languages]. In *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]. Moscow, AN SSSR, 1961, pp. 82–172. (In Russ.)

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary]. E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov, A.

V. Dybo, I. V. Kormushin, L. S. Levitskaya, O. A. Mudrak, K. M. Musaev (Comps.). 2nd ed., suppl. Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (In Russ.)

Teleutsko-russkiy slovar' [Teleut-Russian dictionary]. L. T. Ryumina-Syrkasheva, N. A. Kuchigasheva (Comps.). Kemerovo, Kem. kn. izd., 1995, 119 p. (In Teleut and Russ.)

Терпукон К. *Altay jeris agaru* [Altai – our sacred land]. Gorno-Altaysk, Literaturno-izd. dom “Altyn Tuu”. URL: <http://azatpai.ru/d/altay-eris-agaru.pdf> (accessed 24.04.2023). (In Altai)

Тюкхтенева С. П. *Zemlya. Voda. Khan Altai: etnicheskaya ku'tura altaitsev v 20 veke* [Earth. Water. Khan Altai: ethnic culture of the Altaians in the 20th century]. Elista, 2009, 169 p. (In Russ.)

Уаймова Н. А. *Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altaiskom yazyke* [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk Printing House, 1990, 169 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
29.03.2024

Сведения об авторе

Надежда Романовна Ойноткинова – доктор филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

E-mail: sibfolklore@mail.ru

ORCID 0000-0002-5767-7085

Information about the Author

Nadezhda R. Oinotkinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Altai Philology, Faculty of Altaic and Turkic Studies, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russian Federation)

E-mail: sibfolklore@mail.ru

ORCID 0000-0002-5767-7085

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛORA

УДК 82-131; 398.22

DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-100-108

Базовые этнические модели в формульных выражениях бурят

Л. С. Дампилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Употребление базовых универсальных моделей как этнически обозначенных формульных выражений занимает важную позицию в устном творчестве. Целью работы является выявление этнических особенностей в семантике образных выражений в разговорной речи бурят. В ходе анализа фразеологизмов и паремий определена их семантическая самостоятельность, установлена особенность формульных выражений исконно бурятского происхождения, которые фиксируют мировоззрение этноса, отражают внутренние и внешние, социальные и политические процессы. При наличии общемонгольского, собственно бурятского пласта образных выражений, используемых в речи, в ходе анализа определена особенность базовых стереотипов внутри этнических групп. В конструкции предложения выявлены стилистические приемы в формульных выражениях, создающие образность, эмоциональность, выразительность разговорной речи.

Ключевые слова

фразеологизмы, паремии, идентичность, семантика, стереотипы, ирония, сравнение, внутриэтнические контакты

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона») (№ 121031000259-6).

Для цитирования

Дампилова Л. С. Базовые этнические модели в формульных выражениях бурят // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 100–108. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-100-108

Basic ethnic models in the formulaic expressions of the Buryats

L. S. Dampilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract

In the question of identity, the folklore text is one of the main markers of an ethnic group. The main task of the work is to identify the semantics of traditional short figurative expressions with archaic and ethnically special meanings of words preserved in the colloquial everyday speech of the Buryats. The source base consists of long-term field records of the author of the paper. Dictionaries and published collections of Buryat proverbs are used for comparison. For the first time, narrow-local dialect figurative expressions are ana-

© Л. С. Дампилова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 2 (iss. 50)

lyzed, which are not reflected in the publications on the folklore of the Buryats. To preserve the diversity of the Buryat language's vocabulary, it is important to decipher the semantics of forgotten formulaic expressions. The basic ethnic models in figurative stereotypes associated with the form of management of nomadic peoples, the inner world of man, and the tribal composition of the Barguzin Buryats are revealed. Archaic phraseological units remained in everyday speech as basic models of thinking of a certain ethnic group. From the point of view of stylistic coloring, these figurative expressions are actively used in ordinary colloquial speech, giving speech expressiveness and pithiness. The author determines semantics of stable statements in which historical, biographical, and everyday details closely related to the lifestyle of the Buryats are encoded. It is revealed that expressions about the tribal composition of the Buryats are associated with ritual actions accompanied by mythological legends. The functions of the main types of tropes, such as comparison, metaphor, epithet, irony, are defined in phraseological units, and the function of irony as a stylistic technique is noted.

Keywords

phraseological units, paroemias, identity, semantics, stereotypes, irony, comparison, intraethnic contacts

Acknowledgements

The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000259-6 'Peoples of the Baikal: Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts'.

For citation

Dampilova L. S. // *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 100–108 (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-100-108

Введение

В данной статье рассматривается вопрос самоидентификации в формульных выражениях бурят с учетом концепции о том, что этническая идентичность связана с культурными процессами, а национальная – с концепцией гражданина. В теоретическом аспекте, в плане формирования содержательного начала самоидентификации, придерживаемся точки зрения А. Бадью, выделяющего два ключевых смысла: «положительный («я» поддерживает себя своей собственной способностью к различению») и отрицательный («я» защищает себя от порчи со стороны «другого»; оно должно блюсти свою чистоту, работать на очищение).

Диалектическая игра «созидания» и «очищения», идеи «развития себя» и установки на противопоставление «другому» определяет природу идентичности. Если признавать тот факт, что «великий принцип единства мира» не противоречит «нескончаемой игре тождеств и различий», что «идентичность» и «единства мира» органически совместимы, то следует осознавать и отстаивать необходимость «любой ценой поддерживать все, что позволяет творческой идентичности преобладать над очищающей идентичностью, – сознавая при этом, что последняя никогда полностью не исчезнет» [Бадью 2014. Электронный ресурс].

Постижение способов формирования и критериев оценки идентичности актуально в контексте исследований феномена сохранности, функционирования и трансформации специфичных для этноса текстов в разных регионах. Задачами в этой работе являются выявление семантики образных выражений в разговорной речи бурят, установление этнических базовых моделей в системе «постоянных эпитетов, устойчивых сравнений и тропов, «типических», «общих мест», тематических стандартов, стилистических клише, образных стереотипов и т.п.» [Мальцев 1989: 3]. Фразеологизмы, идиомы, паремии, обладающие определенной семантической неизменностью, рассматриваем в статье как образные выражения. Придерживаясь точки зрения лексикологов, считаем, что «обладающие целостным обобщенно-переносным значением паремии могут рассматриваться как фразеологизмы с замкнутой предикативной структурой» [Солодуб, Альбрехт 2002: 195].

В традиционных кратких образных выражениях, сохранившихся в разговорно-бытовой речи монгольских народов, зачастую требуется расшифровка этнически закодированной семантики. В формуле скрыт пласт народных представлений об окружающем мире, поведении и психологии человека, тесно связанных с их образом жизни. В «этнокультурной панораме» монгольских народов отмечается особая роль локальной фольклорной традиции в контексте общепурятских и общемонгольских материалов. Источником для статьи послужили многолетние полевые материалы автора (с 1995 по 2023 гг.), записанные у бурят эхиритского

племени в Баргузинской долине, переселившихся сюда в XVII в. с Верхоленья Иркутской губернии (ныне Качугский район Иркутской области). Все приведенные примеры проверены на их наличие во фразеологическом словаре, составленном на примерах из художественной литературы и публицистики XX–XXI вв. [ФСБЯ 2014], и в сборниках паремий. В случае присутствия данного фразеологизма в печатных источниках даны сноски. Примеры представлены в аутентичном диалектном произношении.

С лингвистической точки зрения изучением устойчивых сочетаний слов в монгольских языках занимались Т. А. Бертагаев, Ц. Б. Цыдендамбаев, Г. Ц. Пюрбеев, Л. Д. Шагдаров, Ш.-Н. Р. Цыденжапов, С. А. Хахалова, Ж. Баянсан, Д. Д. Санжина и др. Особо следует отметить труды Т. Б. Тагаровой о фразеологии бурятского языка в функционально-стилистическом аспекте [Тагарова 2002; 2008 2016]. К образным выражениям в произведениях устного народного творчества обращаются фольклористы, этнографы, литературоведы, культурологи в поисках «разнообразной этнокультурной информации, знакомства с обычаями и традициями народа» [Бурчина 2011: 227].

Этнические модели, связанные со скотоводством

В первую очередь в образных выражениях можно выделить базовые модели, тесно связанные с формой хозяйствования кочевых народов. Устойчивые афоризмы, выделенные в контексте разговорной речи, зачастую являются архаичными. Так, *hэбхээндэрээ hэб дараха* (досл. ‘пушистую шерсть придавить’) означает ‘завершить кропотливую работу’. Ныне вышедшее из употребления существительное *hэбхээндэр* ‘пушистая шерсть’ восходит к образному корню *hэбх-*, давшему прилагательное *hэбхигэр* ‘пушистый’. Преверб *hэб* образует сложный глагол *hэб гэхэ* ‘становиться легче, напр. по окончании какого-л. дела’ [БРС II: 580], при том, что глагол *дараха* ‘давить’ чаще сочетается с такими превербами, как *бала*, *биса*, *низа* и др. На наш взгляд, здесь преверб *hэб* использован, во-первых, для построения анафоры (*hэбхээндэр – hэб*), усиливающей эффект действия, во-вторых, с учетом значения *hэб гэхэ* ‘успокоиться’, поскольку выражение связано со старинной трудоемкой работой по изготовлению изделий из шерсти: «Пушистую шерсть в решетчатом ящике придавливали и в воде отмывали, чтобы делать плотную кошму» [ПМА 2000]. Выявлено, что фразеологизм имеет узлокальное употребление.

Архаичным представляется фразеологизм, записанный у того же информанта: *hэбүүндэ орилаан үхэрдли болохо* досл. ‘уподобиться скоту, ревушему над ребухой’ в значении ‘впасть в панику без причины’. В литературном языке слово *hэбhэн* означает ‘содержимое потрохов (желудка и брюшины) закалываемых животных’ [БРС II: 581]. В Бурятском корпусе¹ зафиксирован следующий пример с похожим фразеологизмом: *Баяд ноёднай барандаа Эрдэни гулгаагайнгаа hэбhэн дээрэ бүрхирэлдэжэ, хоорондоху хоро үнөөгөө, хоб жэбээ тоосолдожо, алта мүнгөөрөө ама хамараа таглалсажа байна гэжэ хэлсэнэ* (Х. Намсараев) ‘Все наши богачи и нойоны впали в панику по поводу главы Эрдэни, стали выливать друг на друга ненависть и сплетни, затыкая друг другу глотки золотом и серебром’ (перевод наш. – Л. Д.).

Прямое значение выражения объяснила информант: «Если волки задирали корову, то сразу вспарывали ей живот, содержимое рубца выпадало, тогда остальной скот впадал в безумие. И сейчас, если забивают скот, то содержимое рубца всегда стараются спрятать подальше, чтобы скот не учуял. Почувствовав запах ребухи, он приходит в состояние ужаса и начинает безумно реветь» [ПМА 2000]. Подобные фразеологизмы сохранились в коллективной памяти как базовые модели мышления народа. С точки зрения стилистической окраски данные образные выражения активно употребляются в обычной разговорной речи, придавая речи выразительность и емкость. Для сохранения разнообразия и словарного богатства бурятского языка актуальна расшифровка самостоятельной семантики забытых выражений.

Помимо архаичных образных стереотипов в языке присутствуют как этнические маркеры прозрачные по семантике краткие выражения, связанные также с хозяйственной деятельностью скотоводов: *Үбүүни сагта үхүүжэм, үүсэйн сагта бодуужам* ‘Вот бы во время сенокоса

¹ Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

умереть и при забое скота на зиму воскреснуть'. С юмористическим оттенком здесь коротко констатируется тяжелая работа во время сезона сенокоса и начало самого спокойного времени зимой, когда на зиму забивают скот и заготавливают мясо (*үүсэ*). Как один из наиболее используемых тропов в кратких изречениях можно выделить иронию: *Үхэхэдээ үнээн хүтэй болобо* 'После смерти корова молочной стала', которая соотносится по смыслу с русским высказыванием «О мертвых плохо не говорят». Еще одну особенность быта кочевника в саркастическом ключе открывает изречение: *Боомой мяха ехээр багаар эдээ гэжэ байдаг үгэй* 'Не важен объем съеденного мяса, зараженного сибирской язвой' [ПМА 2017]. Афоризм используют в контексте неизбежного отрицательного исхода событий. Все три примера, записанные от одного информанта, также имеют локальное употребление.

В образных выражениях завуалированы тонкие наблюдения скотоводов за миром животных: *Хониной оймаан уһа уугаад, шоно сададаг* 'Волк наедается, напившись воды, в которой бродили овцы' [ПМА 2021]. Вода, в которой бродили овцы, надолго приобретает их запах, поэтому голодному волку и это в радость. Общеизвестны в бурятском языке выражения, продолжающие тему волков и овец: «*Хониндо ороһон шоно шэнги*. Экспрес. Предосуд. Букв. К овцам вошедший волк будто. Как волк в овчарне. Кровожадным, жестоким быть» [ФСБЯ 2014: 422]; *Хонин байбал, шоно айлиалха* [Бальбунова 2020: 265] 'Где овцы, там и волки'.

Особым этническим подтекстом отличается красочный афоризм о человеке, равнодушном к своим детям: *хурьгаа голоон хонин шэнги* 'как овца, отказавшаяся от ягненка' [ПМА 2017]. Здесь явно возникает аллюзия к известной песне-заговору о приучении овцы к ягненку, восходящей к древней магической обрядовой поэзии монгольских народов. «Значимым представляется сведение, полученное у шэнэхэнских бурят: если мать не хочет видеть собственного ребенка, тогда берут дитя, уносят в степь и оставляют на тропе, по которой гонят табун лошадей. Услышав топот коней, мать инстинктивно бежит и хватается своего ребенка. Монголы говорят, что скачущие кони никогда не затопчут ребенка: *Давхиж яваа адуун сүрэг хүүхэд өндөг хоёрыг гишгэдэггүй* 'Скачущий табун не наступит ни на ребенка, ни на яйцо (птичье гнездо)'. Да, монголы коню верят больше, чем себе, поэтому такой эксперимент для не знающих традиции, кажется жестоким, а на самом деле пример показателен как выработанный веками ментальный код» [Дампилова 2023: 85].

В кратких выражениях монгольских народов особо востребован образ коня. О трепетном отношении к лошади можно судить по ярким эпитетам в названиях песен: *Хурдан морь* 'быстроногий скакун', *Армаг хурдан шарга* 'быстрый соловый аргамак', *Хөөрхэн шарга морь* 'милый соловый конь', *Дааган сайхан* 'прекрасный стригунок', *Эрх зээрд* 'своенравный рыжий' и др. Оригинальность и красочность следующей пословице придает стилистическая конструкция в виде метафорического сравнения времен года с образом коня, подчеркивающая этническую особенность видения мира через призму личного восприятия: *Хабарай тэнгэри хазаарта морин, / Намарай тэнгэри ногтото морин* 'Весеннее небо конь узде, / Осеннее небо конь в недоуздке' [ПМА 2021], [Бальбунова 2020: 142]. Более устойчивую весеннюю погоду сравнивают с конем в узде, узда держит коня крепко. Осенняя погода переменчивая и уподобляется коню в недоуздке, более свободному в движении. Поэтичность выражения в оригинале подчеркивает внутренняя аллитерация.

Множество образных выражений связано с конными скачками, победителями и отставшими в забеге. В следующем афоризме с ироническим оттенком подчеркивается, как худший участник неожиданно показывает лучший результат: *Урилдахадаа боод гүүн урай гараа* 'При соревновании стельная кобыла вышла вперед'. Дополняет тонкие наблюдения людей о поведении коней перед соревнованием высказывание: *урилдаани мориндо адли болоод гүйхэ* 'как конь перед стартом носиться' [ПМА 2017]. Так говорят про людей, которые, забыв обо всем, с большим воодушевлением собираются куда-л. По стилистической конструкции наиболее используемы сравнения коня с человеком, подчеркивающие их постоянную связь: *Дархан дор хүлэг, дахан дор эр* 'Под воином скакун, под шубой – мужчина' [ПМА 2019]; «*Хүлэг болохо унаганһаа, хүн болохо багаһаа*. Букв. Скакун с жеребенка, человек с детства (видны). Каков человек, видно с раннего возраста» [ФСБЯ 2014: 460]. Неразлучность коня и

человека с рождения и до смерти отражена в эпитетах, сравнениях, метафорах, используемых в построении кратких выражений.

Этнические модели, связанные с внутренним миром человека

В образной речи монгольских народов как этническую особенность можно выделить шуточное, ироничное употребление кратких и емких выражений, которые раскрывают отношение человека к какому-либо явлению или поведению человека. Если сказали про человека: *Хабатай дээрээ номтой болобо* 'Не только силен, но и образован стал', то это вовсе не означает похвалу. Выражение носит иронический подтекст, передавая совершенно противоположное значение: оно используется, когда у человека начинает что-либо болеть, добавок к прежним болезням, ему соответствует русское выражение «Не понос, так золотуха».

Завуалированно, с явным оттенком затаенной насмешки, без положительной маркировки, высказываются о недостатках людей: *Аруундаа багтаххаа болёод ябана* 'В шкуру свою не вмещается, (так возгордился)' или *Шэлэ шэлээр иэшүүхэн дээрэ хууха* 'Выбирал-выбирал и в жидкое дерьмо сел' [ПМА 2021]. В подобном же смысле бытует и другой фразеологизм *Магтуулаан басаган наадан дээрээ унгаа* 'Хваленая невеста на своей свадьбе воздух испортила', что тоже означает 'оказаться в невыгодном положении'. Использование иронии в зависимости от контекста приобретает разный эмоциональный оттенок: если невеста долго отказывает женихам и в итоге выходит замуж за худшего кандидата, то тут проскальзывает явный признак злорадства, а если выбрал и купил не ту вещь, получив неудачный результат, то здесь передается только сожаление. В бурятских выражениях легкая ирония может переходить в насмешку и достигать крайней степени сарказма: *хүнэй голдо гутуутя орохо* 'в душу с сапогами залезть', так говорят в случае, если кто-то, нарушая все правила этикета, позволяет себе наглое поведение.

Образные стереотипы, касающиеся поведения людей, чаще могут относиться к общечеловеческим ценностям, но в некоторых высказываниях явно присутствует этнический колорит. В «Толковом словаре бурятского языка» приводится баргузинское выражение: *Бурхан дуугарбуу, буряад дуугарбуу* 'То ли бурят сказал, то ли бог изрек', передающее ироничное удивление от чьего-либо неожиданного высказывания с примером: *Жамсаран машинаа заһажа дууһахаа байнам гэхэдэнь бурхан дуугарба уу, буряад дуугарба уу гэжэ ханаабди* [ТСБЯ 2022: 313] 'Когда Жамсаран сказал, что вот-вот закончит ремонт машины, мы подумали: «То ли бурят сказал, то ли бог изрек»'. Не менее колоритным является фразеологизм *гахайн ялада орохо* досл. 'задолжать свинью', используемый в значении 'быть в неискупимом долгу'. В связи с тем, что кочевые монгольские народы не разводили свиней, отдать долг этим животным представлялось невозможным.

Выделяются непрозрачные по смыслу образные стереотипы, трансформировавшиеся в разных регионах и получившие новое семантическое наполнение. Слово сочетание *дойбод сохихо* сегодня почти не употребляется в прямом значении 'играть в шашки'. В «Толковом словаре бурятского языка» дано следующее объяснение фразеологизма *дойбод сохихо*: *мэхэ гохо гарган, зарим нэгэ таагүй юмэ хэхэ, бүтээхэ, саагуур наагуур орохо* 'сделать ход конём' [ТСБЯ 2022: 605]. Во фразеологическом словаре он означает «бить баклуши, заниматься плутнями, делать хитрый ход» [ФСБЯ 2014: 141]. Если в данном случае наблюдается явная негативная оценка человека, то в следующем формульном выражении к идиоме дополняется направление сторон света, смысл единицы меняется: *Долоон тээ дойбод сохихо* [ПМА 2010]. Дословный перевод: 'в семи [сторонах света] играть в шашки'. Толкование фразеологизма с пометой, указывающей на его бытование в баргузинском говоре, приведено в ТСБЯ: *нэгэ зэргэ олон юмэ хэжэ байгаад нэгыеньшые дүүргэхэгүй* 'делать одновременно несколько разных дел и ни одно не закончить' [ТСБЯ 2022: 605]. Возможно, формульная единица используется в подобном варианте только у эхиритов Баргузинского района. По конструкции происходит трансформация формулы из свернутой в развернутую форму с утратой отрицательной семантики. К литературному варианту *дойбод сохихо* 'делать ход конем' добавлено аллитерационно близкое числительное *долоон* 'семь'. Если быстро, как бы хаотично

движение шашек на доске является поводом для сравнения с неадекватным бестолковым поведением человека, то дополнение числового кода расширяет сферу действия.

Образные высказывания об истории родов эхиритского племени

Как еще одну этническую особенность мировидения монгольских народов можно выделить обязательное знание каждым человеком истории своего племени, рода до семи поколений своих предков либо до тотемных первопредков. Базовую этническую модель представляют клише, характеризующие отдельные бурятские роды с оттенками уважения, иронии или констатации событий и фактов. Каждый род имел свои места поклонений родовым божествам и хозяевам местности, поэтому числовые коды, характеризующие род, были необходимы для обряда жертвоприношений. Семья двух братьев эхиритского племени на совместных обрядах презентует себя: *Шонойн долоон, Мэлзэйн найман* 'Семеро Шоноевых, восемь Мэлзеевых'. По сведению информанта, если молится только род *шоно*, стараются не упоминать имя второго рода, потому что считается опасным лишним раз поклоняться роду *мэлзэ* без особых обстоятельств.

Краткие завуалированные изречения, характеризующие тот или иной род, имеют и более развернутую расшифровку: *Шонойн долоон, Шобхонойн найман* 'Семеро Шоноевых, восемь Шобхоноевых'. В данном случае считается, будто бы так высказалась жена Шоно Шобхоной, посчитав и мужа в числе своих детей, подчеркивая этим свое главенствующее положение в семье. Сохранились многочисленные предания о ее силе и ловкости, она лучше любого мужчины могла справиться с тяжелой работой, метко стреляла из лука. Есть такое национальное состязание, как разбивание руками хребтовой кости крупного рогатого скота (*Һээр шаалга*). Шобхоной была настолько искусна в этом деле, что ломала кость, держа руки за спиной, что доказывало ее мастерство, недюжинную силу и превосходство над всеми [ПМА 2021].

У эхиритов два больших рода *шоно* и *Һэлдэгэр*, в кратких изречениях не только дается характеристика, но и их отношения между собой. В выражениях решающее значение имеет позиция стороны, раскрывающей контекст: *Һэнгэлдэр басагад Һэлдэгэр Һалдагар, шонойн басагад шубуу галуунда адли* 'Девушки рода *Һэнгэлдэр* растрепухи-распустехи, а девушки рода *шоно* подобны гусям-лебедям'. Не зная подтекста, можно просто констатировать факт о превосходстве девушек из рода *шоно*. Но есть предание о конкретном случае, после которого появилось это устойчивое высказывание: на свадьбу пришли девушки рода *шоно* нарядные и разукрашенные, а девушки рода *Һэнгэлдэр* были трудолюбивые, поэтому после работы, не успев собраться на должном уровне, явились в рабочем виде [ПМА 2000].

У большого рода *Һэнгэлдэр* есть подрод *ходой*, характер которого определяет образное выражение: *Ходой хүн ходорхой, Хоохон түйсэ мухархай* 'Человек рода *ходой* не хваткий, пустой тусок неустойчивый'. В формуле отмечается, что люди этого рода не жадные, всем, что имеют, всегда поделятся, помогут. По мифологии считается, что хозяйка горы Хугшол (*Хүгшөөл*) из рода *ходой*, поэтому сюда ездят поклоняться ее родичи, ей нельзя приносить в жертву водку, только молоко [ПМА 2021].

Также к подроду *Һэнгэлдэр* относится род *ехүү*. В высказывании об этом роде закодирована мифологическая история, связанная с основой основ всех бурятских родов – их местом поклонения. Основное изречение звучит так: *Үхээшэ бодоошоо мэдхүэй, үхэр хара ехүү* 'Не понимающие, живы или мертвы, [недалекие], как скот, чёрные ехүү'. С ним часто звучит более интригующее определение: *ерэн боохолдой даахуулаан* 'девяносто чертей ведущие за собой'. Образно их сравнивают с простым скотом, как людей, не знающих свою малую родину (*тоонто*). Считается, что, проводя обряды, где придется, не зная своих корней, своего родового места поклонения, они тревожат духов чужих мест, которые преследуют их повсюду [ПМА 2021]. По традиционной мифологии, нельзя поклоняться на чужих святилищах, не зная их правила, их духи проснутся и будут просить жертвоприношения.

В кратких образных выражениях зачастую высказывается начало идеи, а остальной текст либо подразумевается, либо требует расшифровки: *Долоон тээгээ дүлэтэй, / Найман тээгээ наратай / Байхатнай болтогой!* 'С семи сторон с очагом, / С восемью сторонами с солнцем /

Пребывайте! [ПМА 2016]. По объяснению информанта, в этом благопожелании ближний круг своего мира составляет твой род, твоя семья, т.е. те, с кем у вас общий очаг. А следующий круг составляют друзья, греющие, как солнце. Возможно и другое прочтение данного выражения: цифровая символика *долоон* и *найман*, также подчиняясь анафорической системе и внутренней рифме (*долоон – дүлэн, найман – наран*) кодируют сакральные числа семь и восемь. Семь (луна) кодирует отцовское единокровное родство, восемь (солнце) обозначает материнское начало. Можно предположить, что содержание образных выражений очень емкое, они могут по-разному толковаться в зависимости от знания традиций. Определена семантика образных высказываний, в которых зашифрованы исторические, биографические, бытовые детали различных родовых общин баргузинских бурят. Выявлено, что данные афоризмы тесно связаны с родовыми обрядами и их реальными и мифологическими историями.

Заключение

Употребление этнически обозначенных устойчивых образных выражений как базовых универсальных моделей занимает важную позицию в устном творчестве. Выявлены базовые этнические модели в высказываниях, связанных с формой хозяйствования кочевых народов, внутренним миром человека, родоплеменным составом бурят. Установлена устойчивость базовых моделей во фразеологизмах исконно бурятского происхождения, которые определяют «способности фразеологических знаков отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как “остов” его ментальности, и выражать его в процессах живого употребления фразеологизмов в дискурсах различных типов» [Телия 1999: 15]. При наличии общемонгольского, собственно бурятского пласта фразеологизмов, используемых в речи, в ходе анализа образных выражений определена этническая особенность базовых стереотипов внутри этнических групп. Выявлены стилистические приемы в формульных выражениях, создающие образность, эмоциональность, выразительность разговорной речи. Определены функции основных видов тропов, таких как сравнение, метафора, эпитет, ирония. Установлена семантика слов, используемых в переносном значении, трансформация смысла в развернутых и кратких образных выражениях.

Список литературы

- Бадью А.* Коммунизм приезжего: афинская лекция. 2014. 25 января // URL: <http://gefter.ru/archive/11873> (дата обращения 20.10.2017).
- Бурчина Д. А.* Фразеологизмы в улигерах бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 10. С. 227–233.
- Мальцев Г. И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989. 168 с.
- Дамтилова Л. С.* Сохранность и трансформация фольклорных традиций бурят России, Монголии, Китая. Иркутск: Оттиск, 2023. 216 с.
- Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б.* Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). М.: Флинта: Наука, 2002. 264 с.
- Тагарова Т. Б.* К изучению фразеологических единиц бурятского языка как элементов лингвокультуры // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 246–254.
- Тагарова Т. Б.* Функционирование фразеологических единиц бурятского языка в газетно-публицистическом стиле. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 176 с.
- Тагарова Т. Б.* Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 341 с.
- Телия В. Н.* Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: материалы II междунар. конф., 12–14 мая 1999 г. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. Ч. 3. С. 14–15.

Список источников

- Бальбурова Б. Ц.-Е. Буряад арадай оньһон үгэ. Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ: ООО «Форвард», 2020. 366 с.
- ПМА - полевые материалы автора, 2000 – Зап. от Аюшеевой Бальжин Митаповны, 1922 г. р., род һэнгэлдэр, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия, соб. Л.С. Дампилова.
- ПМА- полевые материалы автора, 2017 – Зап. от Хубракова Радны Балдановича, 1957 г. р., род галзууд, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия, соб. Л.С. Дампилова.
- ПМА- полевые материалы автора, 2021 – Зап. от Сундуевой Зинаиды Цыремпиловны, 1944 г. р., род шүбтэхэй шоно, заимка Чилир Баргузинского района Республики Бурятия, соб. Л.С. Дампилова.
- ПМА- полевые материалы автора, 2021 – Зап. от Бадмаевой Екатерины Митаповны, 1928 г. р., род һэнгэлдэр, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия, соб. Л. С. Дампилова.
- ПМА- полевые материалы автора, 2019 – Зап. от Поогоо Чултэмсурэна, 1972 г. р., г Улан-Батор, Монголия, соб. Л. С. Дампилова.
- ПМА- полевые материалы автора, 2016 – Зап. от Бубеева Санжибо Цыреновича, 1924 г. р., род шүбтэхэй шоно, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия. Соб. Л. С. Дампилова.
- ТСБЯ – Сундуева Е. В., Бальжинимаева Ц. Ц., Бабуев С. Д., Цыренов Б. Д. Толковый словарь бурятского языка. Т. I. А–Д. Улан-Батор: Нандир, 2022. 719 с.
- ФСБЯ – Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 565 с.
- БРС – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О–Я. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2008. 708 с.

References

- Badiou A. *Kommunizm priezzhego: afinskaya lektsiya. 2014. 25 yanvarya* [The communism of the newcomer: an Athenian lecture. 2014. 25th of January]. URL: <http://gefter.ru/archive/11873> (data obrashcheniya 20.10.2017). (In Russ.)
- Burchina D. A. *Frazeologizmy v uligerakh buryat* [Phraseological units in the uligers of the Buryats]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 10, p. 227–233. (In Russ.)
- Mal'tsev G. I. *Traditsionnye formuly russkoy narodnoy neobryadovoy liriki* [Traditional formulas of Russian folk non-ritual lyrics]. Leningrad, Nauka, 1989, 168 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S. *Sokhrannost' i transformatsiya fol'klornykh traditsiy buryat Rossii, Mongolii, Kitaya* [Preservation and transformation of folklore traditions of the Buryats of Russia, Mongolia, and China]. Irkutsk, Ottisk, 2023, 216 p. (In Russ.)
- Solodub Yu. P., Al'brekht F. B. *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika i frazeologiya (sopostavitel'nyy aspekt)* [Modern Russian language. Vocabulary and phraseology (comparative aspect)]. Moscow, Flinta, Nauka, 2002, 264 p. (In Russ.)
- Tagarova T. B. *K izucheniyu frazeologicheskikh edinits buryatskogo yazyka kak elementov lingvokul'tury* [To study the phraseological units of the Buryat language as elements of linguistic culture]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*, 2016, no. 2, p. 246–254. (In Russ.)
- Tagarova T. B. *Funktsionirovanie frazeologicheskikh edinits buryatskogo yazyka v gazetno-publitsisticheskom stile* [The functioning of phraseological units of the Buryat language in a newspaper and journalistic style]. Irkutsk, Irkutsk State University, 2002, 176 p. (In Russ.)
- Tagarova T. B. *Kontseptual'no-pragmaticheskaya kharakteristika frazeologicheskikh edinits buryatskoy khudozhestvennoy prozy* [Conceptual and pragmatic characteristics of phraseological units of Buryat fiction]. Irkutsk, Irkutsk State University, 2008, 341 p. (In Russ.)

Teliya V. N. Osnovnye postulaty lingvokul'turologii [The main postulates of linguoculturology]. In: *Filologiya i kul'tura: materialy II mezhdunar. konf., 12–14 maya 1999 g.* [Philology and culture: coll. of sci. art.]. Tambov: Tambov. State University, 1999, part 3, p. 14–15. (In Russ.)

List of sources

Buryaad araday on'hon üge. Poslovitsy i pogovorki buryat [Proverbs and sayings of the Buryats]. Comp. by B. Ts.-E. Bal'burova. Ulan-Ude, OOO "Forvard", 2020, 366 p.

Frazeologicheskiy slovar' buryatskogo yazyka [Phraseological dictionary of the Buryat language]. Comp. by T. B. Tagarova. Irkutsk, Izd-vo IGU, 2014. 565 s.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2000 – Zap. ot Ajusheevoy Bal'zhin Mitapovny, 1922 g. r., rod hjengjeldjer, s. Bajangol Barguzinskogo rajona Respubliki Burjatija, sob. L.S. Dampilova.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2017 – Zap. ot Hubrakova Radny Baldanovicha, 1957 g. r., rod galzuud, s. Bajangol Barguzinskogo rajona Respubliki Burjatija, sob. L.S. Dampilova.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2021 – Zap. ot Sunduevoj Zinaidy Cyrempilovny, 1944 g. r., rod shybtjehjej shono, zaimka Chilir Barguzinskogo rajona Respubliki Burjatija, sob. L.S. Dampilova.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2021 – Zap. ot Badmaevoy Ekateriny Mitapovny, 1928 g. r., rod hjengjeldjer, s. Bajangol Barguzinskogo rajona Respubliki Burjatija, sob. L. S. Dampilova.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2019 – Zap. ot Poogoo Chultjemsurjena, 1972 g. r., g Ulan-Bator, Mongolija, sob. L. S. Dampilova.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2016 – Zap. ot Bubeeva Sanzhibo Cyrenovicha, 1924 g. r., rod shybtjehjej shono, s. Bajangol Barguzinskogo rajona Respubliki Burjatija. Sob. L. S. Dampilova.

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryad-orod toli. V dvukh tomakh [Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols.]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2008, vol. 2 (O–Ya), 708 p.

Sundueva E. V., Bal'zhinimaeva Ts. Ts., Babuev S. D., Tsyrenov B. D. *Tolkovy slovar' buryatskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Buryat language], vol. 1. A–D, Ulan-Bator, Nandir, 2022, 719 p.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.02.2024

Сведения об авторе

Дампилова Людмила Санжибоевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

ORCID 0000-0003-0917-5432

Information about the Author

Liudmila S. Dampilova – Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

ORCID 0000-0003-0917-5432

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕКСТ: КОММЕНТИРОВАНИЕ И ЭДИЦИЯ

УДК: 398.22(=512.31)+347.78.034

DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-109-119

Научное издание эпоса в бурятской фольклористике: новая книга улигеров

Кузьмина Е. Н.

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация

На примере книги Н. Н. Николаевой «Бурятский героический эпос “Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн”. “Хүхэрдэй мэргэн”» обсуждаются вопросы научной эдиции эпических текстов. Появлению этого издания предшествовали двуязычные научные публикации улигеров, осуществленные бурятскими учеными еще в 60-е годы XX в. Сказания были записаны выдающимся исследователем и собирателем Ц. Ж. Жамцарано в начале XX в. Новый подход применен в научном издании улигерных текстов, опубликованных в академических сериях «Эпос народов Евразии» и «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Эти издания заложили основу современной подачи эпических текстов, которая отчетливо проявляется в недавно изданной книге улигеров, подготовленной Н. Н. Николаевой. Особенности книги рассматриваются в настоящей статье. Качественный фольклористический перевод на русский язык, добротные комментарии, обширный научно-справочный аппарат, присутствующие в данной книге, необходимы и другим современным изданиям для того, чтобы национальные произведения вошли в широкий научный оборот. Еще более в полном виде предстанет эпос, если при наличии фонозаписей, к изданиям будут приложены звукозаписи, которые дадут читателям возможность услышать исполнение сказаний.

Ключевые слова

бурятский эпос, перевод на русский язык, научная эдиция

Для цитирования

Кузьмина Е. Н. Научное издание эпоса в бурятской фольклористике: новая книга улигеров // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 109–119. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-109-119

© Е. Н. Кузьмина, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 2 (iss. 50)

Scientific edition of the epic in Buryat folklore: a new book of uligers

Kuz'mina E. N.

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Translating national folklore texts into Russian is an integral part of modern traditional practice. Texts that are not translated miss out on the opportunity to reach a wide audience and cannot make a substantial impact in the realm of science. It is essential to accurately express the allegorical significance of myths in translations included in scientific publications. Of crucial importance are comments that provide explanations of ethnographic and linguistic features, which may need to be clarified to non-native readers. Buryat scholars have gained valuable experience in this area. The heroic tales of the Buryats recorded by Ts. Zh. Zhantsarano, the prominent scholar and collector, were published by him in the Buryat language. The stories were republished in renowned academic series, such as “The Epic of the Peoples of Eurasia” and “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East,” with a renewed comprehension of the content and incorporating the advancements in Buryat epic editing and publishing domain. The book “The Buryat Heroic Epic” by N. N. Nikolaeva has been meticulously prepared to meet contemporary standards for translation, commentary, and the compilation of scholarly reference material. The book is notable for its elevated scientific standard, exemplified by the excellent translations of the tales into Russian and the inclusion of detailed comments. Nevertheless, the translator has not fully accomplished the task of always keeping in mind the poetic conventions (*loci communes*) in this specific text.

Keywords:

Buryat epic, translation into Russian, scientific edition

For citation

Kuz'mina E. N. Nauchnoe izdanie eposa v buryatskoy fol'kloristike: novaya kniga uligerov [Edizione scientifica dell'epopea in buryatskaya folcloristica: il nuovo libro degli uligeri]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 109–119. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-109-119

Введение

Сегодня актуальной задачей становится широкая подготовка научных публикаций произведений устного народного творчества с фольклористическим переводом на русский язык. В сибирской науке есть примеры новых изданий эпических текстов, опубликованных много лет назад, а сейчас выходящих с переводом на русский язык. Такая ситуация наблюдается в алтайской фольклористике. Известная серия «Алтай баатырлар» на алтайском языке была подготовлена в 10 книгах и опубликована С. С. Суразаковым, первый том вышел в 1958 г. [Алтай баатырлар 1958]. Основу издания составили тексты, записанные В. В. Радловым и опубликованные им в «Образцах народной литературы тюркских племен Южной Сибири и Дзунгарской степи» [Образцы...1886]. С 2014 г. алтайские фольклористы приступили к переводу этих книг на русский язык. На сегодня издано 4 тома [Алтайские богатыри, 2016–2018], и отдельная книга посвящена героическому эпосу «Алтай-Буучай», бытовавшему у многих этнических групп Горного Алтая [Алтайские богатыри 2013]. К сожалению, в настоящее время в регионах Сибири преобладают издания на языке оригинала, и это сильно ограничивает их использование. Несомненно, подготовленные в академических рамках, обеспеченные переводом текстов на русский язык, содержательными комментариями, имеют все шансы попасть в научный обиход и завоевать широкую пользовательскую аудиторию. Такие издания обогащают источниковую базу исследователей для проведения ими сравнительно-типологических поисков глубинных связей и истоков фольклорных сюжетов.

В данной статье проводится обзор научных двуязычных публикаций, предпринимаемых в Бурятии, прослеживается перевод типических мест путем сравнения их в недавно

опубликованных сказаниях-улигерах [Бурятский героический эпос 2022]. Особый наш интерес к стереотипам объясняется тем, что т.н. «общие места» (*loci communes*) несут нагрузку не только поэтического порядка, украшая повествования образными описаниями, но и являясь сюжетообразующим элементом в эпических сказаниях. Они становятся маркерами устойчивости эпической традиции, поэтому в переводах требуют передачи, равнозначной оригиналу, повышенного и последовательного внимания к себе.

Основная часть

Рассматриваемая книга «Бурятский героический эпос» «Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн». «Хүхэрдэй мэргэн» [Бурятский героический эпос 2022] включает в себя тексты двух улигеров, хранящиеся в виде рукописей в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН). Сказания «Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн» (далее – «Хухэлдэй Мэргэн») и «Хүхэрдэй Мэргэн» переведены на русский язык и сопровождаются аналитической вступительной статьей, снабжены комментариями к оригиналам, примечаниями к переводам, сведениями о текстах и принципах их публикации, словарем непереведенных слов, списком использованной литературы, списком архивных источников, цитируемых в книге, списком условных сокращений, приложением с фотографиями братьев Александра, Михаила и Сергея Балдаевых, имеющих непосредственное отношение к публикуемым улигерам, а также снимками первого и последнего листов архивных рукописей. Рецензируемая книга выполнена с учетом современных требований, применяемых сегодня в эдиционной практике Сибири.

Улигеры, помещенные в книгу, относятся к западнобурятской эпической традиции. Они были записаны в Боханском и Эхирит-Булагатском районах Иркутской области выдающимся собирателем фольклора С. П. Балдаевым. Улигер «Хухэлдэй Мэргэн» Сергей Петрович зафиксировал в 1930 г., по предположению исследовательницы, от своего брата Михаила Петровича Балдаева. Второе сказание «Хухэрдэй Мэргэн» записано уже в 1941 г. от улигершина Ботороя Болдоновича Болдонова, уроженца Эхирит-Булагатского аймака. Также Н. Н. Николаевой выявлены варианты улигера «Хухэрдэй Мэргэн» в записи С. П. Балдаева от Лазаря Бардаханова и в записи А. Шадаева без указания исполнителя. Краткое изложение сюжетов этих сказаний дано в Предисловии книги.

Появление фундаментального труда Н. Н. Николаевой обусловлено всей предшествующей историей развития эдиционного опыта в бурятском эпосоведении. Символично, что книга посвящена 100-летию со дня основания ИМБТ СО РАН, тем самым переброшен своего рода мост между этим современным изданием и первыми двуязычными изданиями бурятского эпоса, предпринятыми старшим поколением эпосоведов в 60-е годы XX в. Прежде чем продолжить разговор о рецензируемом издании, следует обратиться к истории научного издания эпоса, начало которой связано с первыми публикациями бурятских сказаний на языке оригинала с параллельным русским переводом.

Еще в 1959 г., выступая в прениях на научной конференции, М. П. Хомонов горячо говорил о необходимости издания фольклорных произведений бурят с переводом на русский язык, ссылаясь на высказывание С. А. Козина о целесообразности перевода памятников устной поэзии монгольских народов на европейские языки с целью их ввода в мировой научный оборот [Хомонов 1961: 153]. Идея о научных двуязычных изданиях была подхвачена бурятскими фольклористами и реализовалась в будущем.

В 1960 г. в Бурятском комплексном научно-исследовательском институте (ныне ИМБТ СО РАН) вышла в свет на двух языках унгинская версия «Абай Гэсэра» в записи И. Н. Мадасона от выдающегося улигершина Пёохона Петрова. Оригинал улигера был дан с параллельным переводом на русский язык, сопровождается аналитической статьей и комментариями. Издание было подготовлено А. И. Улановым [Абай Гэсэр]. Позже, в 1961 и 1964 гг., уже сам М. П. Хомонов опубликовал в двух частях в таком же формате эхирит-булагатский вариант эпоса «Абай Гэсэр-хубун», записанный в 1906 г. известным ученым-монголоведом

Ц. Ж. Жамцарано от другого выдающегося сказителя – Маншуда Имигенова [Абай Гэсэр-хубун. Ч. I; II].

В 1968 г. М. П. Хомонов продолжил работу по подготовке двуязычных изданий и выпустил другие улигеры в записи Ц. Ж. Жамцарано: «Еренсей» [Еренсей] и «Айдурай Мэргэн» [Айдурай Мэргэн]. С тех пор издаваемые бурятоведом фольклорные произведения (эпос, сказки, песни) стали сопровождаться русским переводом, что способствовало активному вхождению их в научный оборот.

Постепенно в бурятском эпосоведении стал накапливаться опыт научных изданий фольклора, который был многократно усилен в серии «Эпос народов СССР». О научных принципах и текстологической работе над эпическими произведениями народов Советского Союза подробно написано в фундаментальной статье А. И. Алиевой «Двуязычная академическая серия «Эпос народов СССР», опубликованной в двух частях [Алиева 2008, том 9, № 3: 41–64; том 9, № 4: 51–63].

В 1995 г. в этой серии (переименованной в «Эпос народов Евразии») был опубликован «Абай Гэсэр Могучий» в переводе на русский язык А. Б. Соктоева. Это тот же эхирит-булагатский вариант, который был записан Ц. Ж. Жамцарано, позже переведенный и опубликованный М. П. Хомоновым на русский язык. Автор фольклористической статьи нового издания М. И. Тулохонов писал: «Со времени последнего двуязычного издания эпоса прошло более тридцати лет. За это время достигнуты серьезные результаты в изучении героического эпоса бурят, поднялся научный уровень подготовки изданий эпического текста и его перевода. Настоящее двуязычное издание подготовлено с учетом возросших требований: перевод, комментарии, исследовательские статьи являются по существу новым научным осмыслением эпического памятника в его целостности и художественной неповторимости с позиций современного эпосоведения» [Тулохонов 1995: 462]. Опубликованный текст был снабжен научным аппаратом, куда вошли аналитическая статья с полной характеристикой сказания, краткое изложение имеющихся вариантов публикуемого произведения, обстоятельные комментарии. Очень важно, что в этом издании впервые этномузыковедом Д. С. Дугаровым были даны нотные записи (хотя это были краткие фрагменты) и проанализированы напевы бурятских улигеров.

В 70-е годы XX в. сибирскими учеными стал активно обсуждаться вопрос об издании образцов фольклора народов Сибири, накопленных усилиями многих поколений собирателей и лежавших в архивах научных учреждений страны без движения. Инициаторами этой идеи выступили бурятские и якутские фольклористы. В результате кропотливой работы сибирских ученых идея оформилась в крупномасштабный проект «Научная подготовка и издание 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»», которая на сегодня для сибирских фольклористов стала образцом публикации фольклорных произведений.

Примечательно, что научно-издательский проект был снабжен детально разработанным методологическим документом, ставшим руководством не только для авторских коллективов томов Серии, но и для всех, кто сегодня занимается научной публикацией фольклорных произведений [Принципы и порядок...].

В такой многонациональной стране, как Россия, язык межнационального общения приобретает особое значение, и поэтому в эдичионной практике нельзя обойтись без перевода национальных текстов на русский язык. Тексты без перевода не будут доступны широкой аудитории и не смогут стать предметом академических исследований. В научных изданиях важен перевод *фольклористический*, одна из задач которого заключается в том, чтобы сохранить и передать аутентичность и образный строй произведений. Такое понимание легло в основу научной концепции академической двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Одним из первых в этой серии был опубликован в 1991 г. том «Бурятский героический эпос “Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон”» [Бурятский героический эпос 1991], подготовленный в соответствии с ее научно-эдичионными принципами, он далеко вперед

продвинул издательский подход к героическим сказаниям бурят, став во многом ориентиром и для автора новой книги улигеров Н. Н. Николаевой.

Талантливая исследовательница вдумчиво подошла к изданию улигеров: «Хухэлдэй Мэргэн» и «Хухэрдэй Мэргэн». В лаконичной, но емкой вступительной аналитической статье, скромно названной автором «Предисловие» дана панорамная картина мифологии монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири и Центральной Азии, с которой связан образ главного богатыря публикуемых произведений. Имя героя, как заметила Н. Н. Николаева, отмечено вариативностью в фольклоре алтайцев, бурят, тувинцев, халха-монголов – Хүхэдэй, Хүхэлдэй, Кёгюдэй и т.д.

Автору удалось проследить генезис персонажа. Оба произведения объединяет, по сути, один герой, но его образ относится к разным типам улигеров – к более раннему и к позднему. Если первое сказание «Хухэлдэй Мэргэн» разворачивает сюжет о героическом сватовстве, «сохранив мифологического героя-одиночку, в котором сконцентрированы черты культурного героя и идеального члена патриархально-родового коллектива» [Бурятский героический эпос 2022: 15], то второй, «Хухэрдэй Мэргэн», показывает своего героя в числе баторов Абай Гэсэра, т.е. уже утратившим свой самостоятельный статус. При этом установлено, что древняя основа в улигерах сохранена, и сюжетные линии в обоих сказаниях совпадают.

Нельзя не отметить глубину поисков исследовательницы Н.Н. Николаевой. Ею прослежены генетические корни мифологического персонажа Хухэдэй Мэргэна и сделан вывод о том, что это «божество в большей степени кудинских бурят, поскольку именно у них зафиксированы разные варианты представлений о нем – как о земном человеке, как о громовнике, как о предводителе тэнгриев и покровителе охоты» [Бурятский героический эпос 2022: 9]. Кроме этого, отмечается связь этого образа с Гэсэром.

Избранные для публикации улигеры высокохудожественны и построены по всем канонам эпического сюжетостроения. Они насыщены яркими образными описаниями, включающими устойчивые поэтические формулы и типические места, которые составляют поэтический улигерный фонд.

Пожалуй, перевод фольклорных образцов из одной языковой системы в другую составляет наибольшую трудность. Здесь задача переводчика архисложна. Она заключается в том, чтобы предельно точно передать образный строй произведений, сохранить устойчивые поэтические выражения, роль которых заключается не только в создании художественности произведений, но и в поддержании их сюжетной композиции. Поскольку Н. Н. Николаева поместила в одну книгу два сказания, то интересно проследить, как переведены устойчивые традиционные формулы в обоих образцах, учтена ли естественная вариативность языковых оборотов.

Эпическое произведение представляет собой сложное взаимодействие мотивов и эпизодов. Сюжетостроение улигеров основывается на их сцеплении. В свою очередь, эпизоды и мотивы выражены устойчивыми поэтическими выражениями, которые образуют собой стереотипы (типические места). Сложное переплетение и взаимодействие сюжетных компонентов и поэтических средств составляют особенность улигерного повествования.

Насколько профессионально справилась исследовательница с переводческой задачей, видно по тем стереотипам, которые в изобилии встречаются в публикуемых сказаниях. Например, можно сделать случайный выбор стереотипов. В «Указателе типических мест героического эпоса народов Сибири» есть типическое место, которое часто встречается в эпосе, это – П.А.16. Расправа с противниками [Кузьмина 2005: 9]. Оно есть и в опубликованных сказаниях Н. Н. Николаевой. Так, из этого типического места («Хухэлдэй Мэргэн», строки. 1335–1338) извлечем выражение: 'Множество таежных деревьев / Приволок за макушки, / Множество лесных деревьев / Собрал с корнями' – *Тайгын олон модо / Тархяаран асаражи, / Ойн олон модо / Орбонгоориин гультхажу*. Во втором улигере «Хухэрдэй Мэргэн» находим это же выражение в строках 1590–1593: 'Много таежных деревьев / За верхушки притащил, / Много лесных деревьев / С корнями собрал' – *Тайгын олон модо / Тархяарань асаража, / Ойн олон модо / Орбонгооринь гультхажу*. Далее встречается в строках 1804–1807: *Тайгын олон модо /*

Тархяарань асаража, / Ойн олон модо / Орбонгооринь асаража ‘Множество таежных деревьев / За верхушки притащив,/ Множество лесных деревьев / За корни притащив’.

В бурятских примерах синтаксическая конструкция и употребленные слова одни и те же. Образный смысл произведений в переводах не нарушен. Но перед переводчиком всегда возникает соблазн разнообразить описание, прибегая к синонимам, цветистым эпитетам. И здесь в переводах Н. Н. Николаевой мы также видим, что в поэтических стереотипах прослеживается синонимичное использование слов: ‘множество – много’; ‘макушки – верхушки’ и перестановка слов в предложениях ‘Приволок за макушки – За верхушки притащил’; ‘Собрал с корнями – С корнями собрал’. Кроме этого, наблюдаем отказ от деепричастного оборота или, наоборот, его использование, как в последнем примере. Сказитель во время исполнения, создавая произведение «здесь и сейчас» (А.Б. Лорд), прибегает к готовым клише, у него нет возможности подбирать другие слова. Такая ситуация происходит каждый раз, тем самым стереотип укореняется, обеспечивая стабильность самой эпической традиции. Думается, что как бы скучно ни выглядел перевод, все же следование оригиналу здесь было бы в целях достоверности предпочтительнее.

Язык эпоса избилует художественно выразительными повторами, которые создают особый эпический стиль. Н. Н. Николаева обратила внимание на парное словоупотребление и в переводах отнеслась к ним бережно. Например, ею сохранены такие устойчиво используемые выражения, которые можно отнести к лексическим повторам и сгруппировать следующим образом: 1) с однокоренными словами, представляющими собой редуцированные формы глагола – *угзар-угзараһаар* ‘дергая-подергивая’; *тата-татаһаар* ‘притягивая-подтягивая’; 2) с использованием разных парных глаголов, чаще выраженных деепричастиями – *тэхэрэн-сухарин* ‘воротился-попятился’ (надо бы: воротившись-попятившись); *хахан-ханяан* ‘подавившись-поперхнувшись’; *хэлэн-хүүнэн* ‘говорил-сказывал’ (надо бы: говоря-сказывая); *гайхан-тагнан* ‘удивлялся-изумлялся’ (надо бы: удивляясь-изумляясь); 3) с использованием парных существительных – *мэдээ-солоо* ‘рассудок-сознание’; *зол-үүрөөр* ‘счастье-благословение’; *баха-башар* ‘удаль-лихость’; *һанаа-баһаа* ‘мысли-желания’; *айша эгэшинэһынь* ‘гости-родные’.

Часто в бурятском эпосе употребляется интертекстуальное поэтическое выражение, которое построено на аллитерационном повторе. Оно встречается и в рассматриваемых нами улигерах, например: *Гайхалай ехээр гайхаба ла, / Тагналай ехээр тагнаба ла* – ‘Большим удивлением удивляется, / Сильным изумлением изумляется’. Здесь аллитерируются слоги *гайха*; *тагна*: *Гайхалай – гайхаба*; *Тагналай – тагнаба*, которые образуют параллельные строки. Перевод слова *ехээр* автор дает через синонимы: ‘Большим – Сильным’, которые передают смысл сказанного, но с точки зрения клишированности выражения в переводе не сохраняется ее устойчивость. Думается, что все же надо было сохранить слово *ехээр* в одном значении, хотя и понятно стремление автора разнообразить поэтический язык улигеров.

К тому же типу интертекстуальных повторов относится описание утреннего умывания героев. На протяжении первого повествования о богатыре Хухэлдэй Мэргэне повторяется типическое место:

<i>Нюур-гар хоёроо</i>	Руки и лицо
<i>Боошхи болхо уһаар</i>	Бочкой воды,
<i>Пүүд болхо мьлээр</i>	Пудом мыла
<i>Угаан-зэлмүүлэн абаба</i>	Умыл-ополоснул
Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй мэргэн	Ездящий на сивом коне парень Хухэлдэй
хүбүүн, стк. 194–197	Мэргэн, стк. 194–197

В первой строке *Нюур-гар хоёроо* ‘Руки и лицо’ переставлены слова, надо было все же сохранить порядок слов, как в оригинале: ‘лицо и руки’. В последующих переводах этого «общего места» в строках 267–270; 946–948; 1805–1807 такой перестановки нет, слова

переведены в соответствии с оригиналом. Переводчиком соблюдены все допущенные в оригиналах вариации и изменения со строками, например, в строках 946–948 заметно сокращение, нет упоминания об использовании мыла, а в строках 1805–1807 также нет строки о мыле и включено слово *hээр* ‘шея’ вместо ‘руки’. Во втором улигере о Хухэрдэй Мэргэне это типическое место выглядит в сокращенном виде с небольшой вариацией, и слово *hээр* звучит как *хээрэ* в значении ‘шею’. В комментарии к строке 1806 автор дает объяснение, что дан смысловой перевод и что *hээр* (лит. *hээр*) означает грудную часть позвоночника, тем самым автор не оставляет без внимания индивидуальное словоупотребление и диалектизмы,:

<i>Бооши болхо уһаар</i>	Бочкой воды
<i>Нюур хээрэ хоёроо</i>	Лицо и шею
<i>Зэлмүүлэн абаба ла.</i>	Ополоснул.
Хүхэрдэй Мэргэн, стк. 805–807	Хухэрдэй Мэргэн, стк. 805–807

Перестановки слов и вариация в переводах стали особенно заметными в следующей устойчивой поэтической формуле:

<i>Түхөө ехээр түхөөрэбэ,</i>	Начал большие сборы,
<i>Мүхөө ехээр мүхөөрэбэ</i>	Начал великие приготовления
Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй мэргэн	Ездящий на сивом коне парень Хухэлдэй
хүбүүн, стк. 949–950	Мэргэн, стк. 949–950

В оригинале сказуемое стоит на последнем месте, а перевод начинается со сказуемого. Можно сравнить это место с переводом во втором сказании:

<i>Түхөө ехээр түхөөрэбэ,</i>	Большие сборы начал,
<i>Мүхөө ехээр мүхөөрэбэ</i>	Великие приготовления затеял
Хүхэрдэй Мэргэн, стк. 831–832;1469–1470	Хухэрдэй Мэргэн, стк. 831–832;1469–1470

В этих примерах видно, что бурятский текст неизменен, а переводы разные: допущены и перестановки слов, и использование синонимов слова *ехээр* ‘большой’. Перестановки сказуемых также наблюдаются в описаниях угощения, как например, в улигере «Хухэлдэй Мэргэн», строки 200–204; 696–699.

Допущенные перестановки и использование синонимов никак не сказываются на качественной передаче образного смысла сказаний, но в какой-то степени искажают характер и природу типических мест. Поэтому с точки зрения достоверности важно следовать оригиналу, поскольку поэтические формулы и типические места составляют основу или каркас в сюжетостроении эпических произведений.

Значимую роль в научных изданиях играют комментарии, которые несут огромную функциональную нагрузку, раскрывая смысл «темных мест» текстов, поясняя этнографические реалии, особенности национального быта, мировоззрения, языковые нюансы, которые нашли отражение в содержании произведений. Они помогают глубже понять художественное своеобразие публикуемых образцов.

В этом плане комментарии в книге Н. Н. Николаевой насыщены информативностью. Привлекая лингвистические, исторические, этнографические источники, автор дает исчерпывающее описание обрядов, мифологических архетипов, приводит сведения, поясняющие языковые нюансы, исторические условия, культурные явления. Некоторые примечания настолько обширны, что носят характер объемной словарной статьи, как например, пояснения об особенностях общемонгольского понимания «географической ориентации» к строке 525 улигера *Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй мэргэн хүбүүн* ‘Ездящий на сивом коне парень Хухэлдэй Мэргэн’, которая занимает страницы с 312 по 315.

В то же время обращает на себя внимание структура научно-справочных разделов. Пояснения, которые даются к бурятскому тексту, названы Н. Н. Николаевой Комментариями, а толкования, поясняющие русский перевод, озаглавлены как Примечания. Такое размещение материала спорно: многие толкования к национальному тексту были бы уместны в Примечаниях к русскому переводу. Например, комментарии к тексту улигера «Хүхэлдэй Мэргэн», поясняющие, что за персонажи Хан Хэрдэг (строки 47–48) и злые дядья богатыря (строки 177–182), почему часто встречается упоминание горных хребтов Алтай и Хухэй (строка 219), какой смысл кроется в выражении ‘лисы сумерки’ (строка 253), о чем говорит описание раскуривания трубки (строки 568–585) и т.д. было бы логичнее поместить в Примечаниях к переводу этого улигера. Те разъяснения, которые поясняют диалектизмы, архаичные слова и выражения, индивидуальное произношение исполнителя, встречающиеся в этом же тексте, наоборот, должны занять свое место в комментариях к бурятскому тексту, например, строки 81, 85, 86, 153, 164–165, 379, 487, 888 и т.д.

Такая же ситуация, требующая более строгой структуризации материала, наблюдается в комментариях и примечаниях к сказанию «Хүхэрдэй Мэргэн».

В томах серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» принят обратный порядок, а именно: толкования, сопровождающие оригинал, размещены в Примечаниях к национальным текстам, а материал, поясняющий русский перевод, дается в Комментариях к русскому переводу. В изданных томах они объединены в один раздел, который назван Примечания и комментарии. После названия произведения на языке оригинала и в русском переводе дается паспорт текста, затем следуют набранные курсивом поясняемые национальные слова и выражения, после которых идет длинная черта, а ниже приводятся выражения из русского перевода, требующие своего толкования.

Еще один момент вызывает некоторое недоумение: почему двуязычная книга озаглавлена только по-бурятски, хотя внутри она имеет переводы названий улигеров на русском языке?! Название книги требует особого внимания, ведь оно должно отражать ее содержание.

Несмотря на эти недочеты, в целом, книга «Бурятский героический эпос «Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн». «Хүхэрдэй мэргэн» подготовлена на высоком уровне, переводы сделаны точно, с максимальной приближенностью к оригиналу, с сохранением национального звучания. Издание будет полезно не только эпосоведам, но и более широкому пользовательскому кругу.

Заключение

Героические сказания-улигеры представляют собой вершинное поэтическое достижение народа, передававшееся из поколения в поколение вплоть до 50-х годов XX в. По свидетельству Д. А. Бурчиной, более 200 текстов героических сказаний хранятся в коллекциях ЦВРК ИМБТ СО РАН, архивах Иркутска, Москвы, Санкт-Петербурга, а опубликована лишь мизерная часть [Бурчина 2007: 10]. Предпринятые научные двуязычные издания бурятского эпоса заложили фундаментальную основу для последующих публикаций улигеров.

В современных академических изданиях фольклорных текстов настоятельно рекомендуется перевод на русский язык, ибо только те тексты, которые снабжены фольклористическим переводом на русский язык, добротными комментариями, обширным научно-справочным аппаратом, могут получить жизнь в «большой» науке, стать достоверным базовым источником для сравнительно-типологических исследований.

Как показывает книга Н. Н. Николаевой «Бурятский героический эпос «Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн». «Хүхэрдэй мэргэн», есть большой потенциал для успешного продолжения публикационной работы этим исследователем. Данная книга отвечает заданным параметрам современной эдиционной практики. Думается, что издание будет полезно не только эпосоведам, но и более широкому читательскому кругу.

Особо хочется отметить прекрасное полиграфическое оформление книги. Она напечатана на хорошей офсетной бумаге № 1 в гарнитуре PT Sans, – здесь как раз тот случай, когда форма и

содержание находятся в полном единении! Издание выполнено как подарочное, и, действительно, является подарком для исследователей.

Список литературы

- Абай Гэсэр* / Вступит. статья, подгот. текста, пер. и коммент. к нему А. И. Уланова. Улан-Удэ, 1960. 313 с.
- Абай Гэсэр-хубун*. Эпопея (эхирит-булагатский вариант) / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Ч. I. Улан-Удэ, 1961. 230 с. Ч. II. Ошор Богдо и Хурин Алтай / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1964. 232 с.
- Айдурай Мэргэн* / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1979. 126 с.
- Алиева А. И.* Двухязычная академическая серия «Эпос народов СССР» / Научный альманах. Традиционная культура, 2008, том 9, № 3 (31). С. 41-64; том 9, № 4 (32). С. 51-63.
- Алтай баатырлар* / Тургускан кижы С. С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1958. 276 с. (на алт.яз.).
- Алтайские богатыри*. Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 2013. 437 с.
- Алтайские богатыри*. Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 2018. Т. I. 687 с.; 2016. Т. II. 797 с.; 2018. Т. III. 975 с.; 2018. Т. IV. 607 с.
- Бурчина Д. А.* Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
- Бурятский героический эпос* / Сост. М.И. Тулохонов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 312 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Бурятский героический эпос* «Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн». «Хүхэрдэй мэргэн» / Научный пер., предисловие, коммент., примеч., словарь неперевед. слов Н. Н. Николаевой. Корректурa бурятского текста, редакция перевода осуществлены Б.-Х. Б. Цыбиковой. Улан-Удэ: Изд-во АО «Республиканская типография», 2022. 360 с.
- Еренсей* / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1968. 207 с.
- Кузьмина Е. Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Эксп. изд. / Е.Н. Кузьмина; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.
- Образцы народной литературы* тюркских племен Южной Сибири и Дзунгарской степи / Собраны В. В. Радловым. С-Пб, 1866. 419 с.
- Принципы и порядок* подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» / Издание второе, переработ. и дополненное. Новосибирск, 2003. 20 с.
- Тулохонов М. И.* Бурятский героический эпос «Гэсэр» / *Абай Гэсэр Могучий*. Бурятский героический эпос. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 526 с. (Эпос народов Евразии).
- Хомонов М. П. // Основные проблемы изучения поэтического творчества народов Сибири и Дальнего Востока: доклады, сообщения и выступления участников Конференций по изучению поэтического творчества народов Сибири и Дальнего Востока, 14-19 декабря, 1959 г. AN SSSR, Sibirskoe otdelenie, 1961. 175 с.

References

- Abay Geser*. A. I. Ulanov (Intr., text prep., transl., and comment.). Ulan-Ude, 1960, 313 p. (In Buryat, In Russ.)
- Abay Geser-khubun. Epopeya (ekhirit-bulagatskiy variant)* [Epic (Ekhirit-Bulagat variant)]. M. P. Khomonov (Text prep., transl., and comment). Ulan-Ude, 1961, pt. I, 230 p. Ulan-Ude, 1964; pt. II: Oshor Bogdo i Khurin Altay. M. P. Khomonov (Text prep., transl., and comment). 232 p. (In Buryat, In Russ.)
- Alieva A. I. Dvuyazychnaya akademicheskaya seriya “Epos narodov SSSR” [Bilingual academic series “The Epic of the Peoples of the USSR”]. In *Nauchnyy al'manakh. Traditsionnaya kul'tura* [Scientific almanac. Traditional culture]. 2008, vol. 9, no. 3 (31), pp. 41–64; no. 4 (32), pp. 51–63. (In Russ.)
- Altay baatyrlar*. Turguskan kizhi S. S. Surazakov. Gorno-Altaysk, 1958, 276 p. (In Altai)
- Altayskie bogatyri. Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroes. Altai heroic epic]. Gorno-Altaysk, 2013, 437 p. (In Altai, In Russ.)
- Altayskie bogatyri. Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroes. Altai heroic epic]. Gorno-Altaysk, 2018, vol. I, 687 p.; 2016, vol. II, 797 p.; 2018, vol. III, 975 p.; 2018, vol. IV, 607 p. (In Altai, In Russ.)
- Ayduray Mergen*. M. P. Khomonov (Text prep., transl., and comment). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1979, 126 p. (In Buryat, In Russ.)
- Burchina D. A. *Geroicheskiy epos unginskikh buryat: Ukazatel' proizvedeniy i ikh variantov* [The Heroic Epic of the Unga Buryats: An index of works and their variants]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 544 p. (In Russ.)
- Buryatskiy geroicheskiy epos* [The Buryat Heroic Epic]. M. I. Tulokhonov (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1991, 312 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]). (In Russ.)
- Buryatskiy geroicheskiy epos “Khyylen khykhe mor'toy Khykheldey Mergen khybyyn”.* “*Khykherdey mergen*” [The Buryat heroic epic “Huylen huhe mortoi Huhelday Mergen khubuun.” “Huherday mergen”]. N. N. Nikolaeva (Sci. transl., foreword, comment., notes, dict. of untransl. words), B. - Kh. B. Tsybikova (Correction of the Buryat text, ed. of the transl.). Ulan-Ude, “Respublikanskaya tipografiya” Publ., 2022, 360 p. (In Buryat, In Russ.)
- Erensey*. M. P. Khomonov (Text prep., transl., and comment). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1968, 207 p. (In Burya, In Russ.)
- Khomonov M. P. Osnovnye problemy izucheniya poeticheskogo tvorchestva narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: doklady, soobshcheniya i vystupleniya uchastnikov Konferentsiy po izucheniyu poeticheskogo tvorchestva narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka, 14–19 dekabrya, 1959 g.* [Basic problems of the study of poetic creativity of the peoples of Siberia and the Far East: reports, reports and speeches of the participants of the Conferences on the study of poetic creativity of the peoples of Siberia and the Far East, December 14–19, 1959]. Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. 1961, 175 p. (In Russ.)
- Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov)* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvinians, Khakas, Shors, Yakuts)]. Exp. ed. Institute of Philology SB RAS. Novosibirsk, SB RAS, 2005, 1383 p. (In Altai, In Buryat, In Russ., In Tuvan, In Khak., In Shor, In Yakut)
- Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi* [Samples of folk literature of the Turkic tribes of Southern Siberia and the Dzungarian steppe.]. Collected by V. V. Radlov. St. Petersburg, 1866, 419 p.
- Printsipy i poryadok podgotovki tomov serii “Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka”* [Principles and procedure for the preparation of volumes of the series “Monuments of

folklore of the peoples of Siberia and the Far East”]. 2nd ed., rev. and suppl. Novosibirsk, 2003, 20 p. (In Russ.)

Tulokhonov M. I. Buryatskiy geroicheskiy epos “Geser” [Buryat heroic epic “Geser”]. In *Abay Geser Moguchiy. Buryatskiy geroicheskiy epos* [Mighty Abai Gesar. The Buryat Heroic Epic]. Moscow, Vost. lit., 1995, 526 p. (Epos narodov Evrazii [Epos of the Peoples of Eurasia]). (In Buryat, In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.04.2024*

Сведения об авторе

Кузьмина Евгения Николаевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: kuzmina.evgenia2010@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7389-7811

Information about the Author

Evgenia N. Kuz'mina – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: kuzmina.evgenia2010@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7389-7811

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.512.152

DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-120-130

Полевые исследования чулымско-тюркского языка: история и экспедиции 2023 г.

В. М. Лемская, Д. М. Токмашев, М. М. Зимин, А. И. Кузьмина

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

Аннотация

В статье описан опыт проведения экспедиционных исследований чулымско-тюркского языка – исчезающего идиома, распространенного на территории Томской области и Красноярского края, систематическое изучение которого было начато проф. А. П. Дульзоном в середине 1940-х гг. В тексте прослежена динамика исследований, проведенных разными исследователями (прежде всего – представителями Томской лингвистической школы) с середины XX в. по начало XXI в., описан тип и объем зафиксированного материала, приведены сведения об архивных материалах, а также о публикации чулымско-тюркских языковых данных в системах открытого доступа сети Интернет. В качестве завершения отражена информация о современном состоянии чулымско-тюркского языка и о степени владения этим языком его носителей.

Ключевые слова

чулымско-тюркский язык, исчезающий язык, полевые исследования, документация языка, экспедиции

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Интегральное описание чулымско-тюркского языка на основе электронного корпуса языковых данных» (проект № 23-28-01599).

Для цитирования

Лемская В. М., Токмашев Д. М., Зимин М. М., Кузьмина А. И. Полевые исследования чулымско-тюркского языка: история и экспедиции 2023 г. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 120–130. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-120-130

Field studies of the Chulym-Turkic language: history and 2023 field trips

V. M. Lemskaya, D. M. Tokmashev, M. M. Zimin, A. I. Kuzmina

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Abstract

The article discusses the fieldwork studies of the Chulym-Turkic language, a moribund idiom in the Tomsk Region and the Krasnoyarsk Territory in Russia. The systemic research was started by Professor A. P. Dulzon in the mid-1940s and initially focused on the Lower Chulym dialect, with note-taking serving the main

© В. М. Лемская, Д. М. Токмашев, М. М. Зимин, А. И. Кузьмина, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 2 (iss. 50)

form of language documentation till the 1970s. In the 21st century audio recordings were made from its last speaker whose passing in 2011 marked the extinction of the whole dialect. Since the 1970s, the focus shifted to the Middle Chulyum dialect. Scholars from various institutions, including the Tomsk Linguistic School, as well as scholars from other scientific and educational centers of Moscow, Russia, Korea and the USA have been involved in the study. The Middle Chulyum subdialects have been documented, with the data stored in platforms such as the Endangered Languages Archive and the “LingvoDoc” linguistic platform. The article reports the types and volume of the recorded materials, provides information on archive data, and discusses the published Chulyum-Turkic language samples available on the internet. It also shares preliminary observation results from the latest fieldwork, including the identification of an ‘intermediary’ Middle Chulyum subdialect. Finally, the article reflects on the current state of the Chulyum-Turkic language and the proficiency of its native speakers, as well as projects aimed at raising awareness and supporting the language.

Keywords

Chulyum Turkic, moribund language, fieldwork, language documentation, field trips

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01599 «Integral Description of Chulyum Turkic Based on an Electronic Language Data Corpus».

For citation

Lemskaya V. M. Tokmashev D. M. Zimin M. M. Kuzmina A. I. Polevye issledovaniya chulyumskotyrkского yazyka: istoriya i ekspeditsii 2023 g. [Field studies of the Chulyum-Turkic language: history and 2023 field trips]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 120–130 (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-120-130

Введение

Систематические полевые исследования чулымско-тюркского языка проводятся представителями Томской лингвистической школы начиная с середины 1940-х гг. При немногочисленности как носителей языка, так и исследователей этого идиома интенсивность фиксации языковых данных носила циклический характер. Так, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. активно изучал и записывал этот язык основатель Томской лингвистической школы – проф. А. П. Дульзон. Помимо полевых тетрадей по чулымским экспедициям, в настоящее время преимущественно находящихся в Государственном архиве Томской области, а также в фондах Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова, результаты его работы представлены также в ряде публикаций [Дульзон 1952, 1973 и др.].

Исследования нижнечулымского диалекта проводились Р. А. Ураевым – учеником А. П. Дульзона, что отражено в полевых материалах (записи слов находятся в настоящее время в архиве семьи) и в публикации [Ураев 1955]. Исследования среднечулымского диалекта были активизированы несколько позже также учениками А. П. Дульзона – частично М. А. Абдрахмановым [Абдрахманов 1970] и более активно в 1970-е гг. Р. М. Бирюкович: полевые тетради [Бирюкович 1971 а, 1971 б, 1971 в], публикации [Бирюкович 1972, 1984, 1997 и др.] и две диссертации [Бирюкович 1973, 1980]. В полевой работе на Среднем Чулыме также принимала участие Р. А. Бони (Печерская) [Бони 1971, 1973; Бирюкович, Бони 1971], которая впоследствии исследованием этого языка не занималась. Основной стратегией полевой работы до середины 1970-х гг. была запись переводных слов как различных тематических групп, так и различных вариантов выборки по алфавиту, составленных на основе словарей русского языка. Кроме того, записывались переводные предложения (в том числе на мелетском говоре среднечулымского диалекта из специальной анкеты в 917 предложений, составленной А. П. Дульзоном, частично им опубликованной на материале нижнечулымского, эуштинско-татарского, тутальского говоров среднечулымского и кызыльско-хакасского диалектов) и фольклорные тексты – частично опубликованные в пособиях Р. М. Бирюкович, впоследствии размеченные и переведенные В. М. Лемской в сборниках аннотированных текстов языков обско-енисейского языкового ареала [Лемская 2010, 2012, 2015, 2017, 2020 а, 2020 б]. О полевых исследованиях чулымско-тюркского языка с середины 1970-х гг. по 2003 г. нам не известно.

Экспедиции 2000-х гг. – возобновление традиций

В 2003, 2005 и 2008 гг. состоялись экспедиции американских лингвистов Г. Д. С. Андерсона и К. Д. Харрисона в места компактного проживания чулымских тюрков в границах Тегульдетского р-на Томской области. В ходе обследования было установлено 9 компетентных носителей (англ. *full speakers* – букв.: «полных» носителей) чулымско-тюркского языка, а также несколько десятков «полуносителей» (англ. *semi-speakers*). Основной стратегией сбора полевых данных была запись неподготовленных текстов (монологов и диалогов) с последующей расшифровкой и переводом при помощи информанта, сбор лексических единиц по методу элицитации, установление основных словоизменительных показателей и пр. Частично записанный материал помещен в архив ELAR (<https://www.elararchive.org/>), всего 3 аудиозаписи; видеозаписи представлены шестью единицами, сделанными на кафедре языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета. Лингвистические наблюдения исследователей нашли свое отражение в трех статьях [Anderson & Harrison 2003, 2004, 2006].

В 2006 г. состоялась экспедиция корейских ученых при поддержке Корейского научного фонда, в ходе которой были записаны носитель тутальского говора среднечулымского диалекта, а также носитель нижнечулымского диалекта. Результаты работы опубликованы в монографии [Li 2008]. При этом полученные учеными аудио- и видеоданные мировой общественности недоступны.

С 2006 г. В. М. Лемской при периодическом участии других исследователей, аспирантов и студентов ведется работа по документации чулымско-тюркских идиомов (см. Рис. 1), лингвистическая интерпретация данных публикуется в форме статей и монографий, осуществляется просветительская работа и участие в проектах по ревитализации чулымского языка.

Полевая работа исследователя началась в 2006 г. с параллельной записи работы вышеназванных корейских ученых по сбору материала тутальского говора. Кроме того, были проведены некоторые уточнения словарного состава говора. В 2007–2010 гг. предприняты краткосрочные поездки в д. Кафтанчиково Томского р-на Томской области для работы с Д. Г. Мамонтовым (1921–2011 гг.) – последним носителем ежинского говора нижнечулымского диалекта (записи речи которого также сделали корейские ученые в 2006 г., однако эти данные отсутствуют в свободном доступе). В связи с кончиной информанта и отсутствием сведений об иных носителях нижнечулымского диалекта, мы считаем последний окончательно исчезнувшим. Все записанные в ходе этих сессий аудиотексты доступны на лингвистической платформе «Лингводок» (<http://lingvodoc.ispras.ru/>).

В сентябре 2007 г. и сентябре 2008 г. состоялись поездки в д. Пасечное Тюхтетского р-на Красноярского края, установлен круг компактно проживающих носителей мелетского говора. В ходе записей языкового материала были зафиксированы переводные предложения по анкетам на грамматические показатели и комплексные синтаксические структуры, сделано описание книги «Лягушка, где ты?» (англ. “Frog, Where Are You?”), состоящей исключительно из иллюстраций. Кроме того, записано бытовое общение двух и трех носителей языка. Были сделаны записи от 7 компетентных носителей языка.

Экспедиции 2010-х гг. – начало работы над корпусом

В 2010 г. носитель мелетского говора А. Ф. Кондияков (1952–2018 гг.) прибыл в г. Томск для начала работы над фиксацией словарной системы своего идиома. Было также записано интервью на чулымско-тюркском языке, в ходе которого были зафиксированы нарративы бытового содержания. В 2014 г. проведено несколько краткосрочных сессий записей по чулымско-тюркскому языку: в феврале в г. Томске с А. Ф. Кондияковым, в апреле – в с. Тегульдет Тегульдетского р-на Томской области с носителем тутальского говора В. М. Габовым (1952 г. р.), в мае (поездка аспиранта Ч. В. Наажан) и августе – выезды в д. Пасечное для работы с А. Ф. Кондияковым. В 2015 г. состоялась комплексная экспедиция по сбору материала по чулымско-тюркскому языку. Во-первых, в д. Пасечное записями языка занимался Д. М. Токмашев (записи преимущественно бытовых нарративов от пяти компетентных носителей; кроме того,

зафиксированы песни на чулымском языке в исполнении ансамбля самодеятельности в составе семи чулымских женщин, трое из которых являются компетентными носителями языка, а также песня из этого же репертуара в исполнении двух детей, выучивших текст вместе с бабушкой). Во-вторых, в г. Томске В. М. Лемской была продолжена работа с А. Ф. Кондияковым по озвучиванию словоформ составляемого русско-чулымского словника (зафиксирована система словоизменения, запрошены ключевые формы записываемых слов, в результате чего сужен диапазон опроса словоформ до наиболее принципиальных для словоизменения), также записаны бытовые тексты (истории из жизни информанта, его семьи и деревни, пересказ недавних событий и пр.). Кроме того, в 2015 г. в с. Тегульдет и д. Пасечное работал сотрудник Института языкознания РАН А. В. Савельев, записавший в итоге сведения по одной анкете у шести информантов, данные по четырем из них выложены на лингвистической платформе «Лингводок» (<http://lingvodoc.ispras.ru/>).

В 2016. г. начался новый этап документации чулымско-тюркского языка. При поддержке научных грантов в июле и ноябре в г. Томск были приглашены основные консультанты – носители тутальского (В. М. Габов) и мелетского (А. Ф. Кондияков) говоров среднечулымского диалекта. Ключевой задачей проводимой В. М. Лемской и Д. М. Токмашевым аудио- и видеофиксации языка была запись по возможности наибольшего объема речевого массива. Информанты общались на различные темы – от расхождений в языковых формах идиомов их населенных пунктов до фактов истории чулымцев, событий из жизни и пр. Наряду с диалоговым общением проводились одновременные записи тюркологической анкеты с каждым информантом по отдельности (стословник и двухсотсловник в контекстах), разработанной в отделе урало-алтайских языков Института языкознания РАН. По отдельности также записывались бытовые нарративы информантов, продолжено озвучивание словоформ составляемого словника, В. М. Габовым описана книга «Лягушка, где ты?». Аналогичная работа была проведена в феврале 2018 г. и была прервана в связи с безвременной кончиной А. Ф. Кондиякова в августе 2018 г. Результаты работы по составлению русско-чулымского словника (мелетский говор), а также тексты А. Ф. Кондиякова были опубликованы в 2021 г. в виде двухтомной монографии [Кондияков 2021 а, 2021 б].

В мае 2018 г. в ходе экспедиции в с. Тегульдет была проведена работа по озвучиванию и редактированию впоследствии опубликованного перевода Евангелия от Марка, выполненного В. М. Габовым. В ноябре того же года в с. Тегульдет продолжена работа по озвучиванию переведенных текстов Евангелия от Иоанна, а также проведены записи чулымских переводов анкет Института языкознания РАН. Совместно с информантом была предпринята поездка в д. Куяновская Гарь, где установлен самый пожилой компетентный носитель чулымско-тюркского языка А. Н. Кулеев (1937 г. р.), произведена фиксация диалогового общения информантов на разные темы. Летом 2018 г. были осуществлены ознакомительные поездки историков совместно с учеными-генетиками и отдельно историками в 2019 г. в Тегульдетский и Тюхтетский р-ны, в ходе которых также собран языковой материал в виде кратких записей слов и их прямых эквивалентов.

Экспедиции 2020-х гг. – морфонология и инструментальная фонетика

В апреле 2021 г. во время экспедиции продолжена работа по установлению словоизменяемых вариантов тутальских лексем через опрос по вышеупомянутым анкетам. Кроме того, А. В. Дыбо предпринята поездка в д. Куяновская Гарь, в ходе которой получены ответы А. Н. Кулеева по анкетам. Промежуточным результатом явилось установление диалектной принадлежности носителя: проявившиеся словоформы его идиома явно расходятся с диалектным вариантом основного тутальского консультанта В. М. Габова. Рабочим названием установленного идиома явилось «промежуточный говор». В октябре 2022 г. В. М. Лемской организована аналогичная экспедиция в с. Тегульдет и д. Куяновская Гарь с фокусом на максимальное заполнение именных и глагольных парадигм, анализ которых подтвердил различия в идиомах носителей из разных населенных пунктов.

В апреле 2023 г. В. М. Лемской и Д. М. Токмашевым осуществлен выезд в с. Тегульдэт и д. Куяновская Гарь для продолжения полевых исследований, в том числе записей с применением новейшего оборудования (УЗИ-сканирование). Осуществлены записи как компетентных носителей чулымско-тюркского языка (А. Н. Кулеев, В. В. Кулеева, 1953 г. р., из д. Новошумилово Тегульдэтского р-на Томской области), так и полуносителей (Н. В. Бадьев) и этнических чулымцев, язык не приобретающих, однако в настоящее время самостоятельно изучающих (Е. Н. Гавриленко, 1981 г. р.). Были предложены стимулы, адаптированные из списков слов, идентифицированных ранее для выявления особенности артикуляции заднеязычных смычных согласных в разном фонотактическом окружении. Далее в июле 2023 г. В. М. Лемской был предпринят выезд в д. Пасечное для записи этой анкеты стимулов носителями мелетского говора. Всего были записаны данные трех компетентных носителей языка: К. П. Сергеевой (1936 г. р., этнически русская) и семейной пары В. А. Тамочевой (1948 г. р.), Г. Г. Тамочева (1940 г. р.), а в июне 2023 г. в г. Томске – их дочери Т. Г. Тамочевой (1969 г. р.). Записаны стимулы для заднеязычных смычных согласных, добавлены стимулы для переднеязычных смычных в окружении разных контекстов. Кроме того, записаны монологический (К. П. Сергеева) и диалогический (супруги Тамочевы) тексты – описание книги «Лягушка, где ты?» и другие тексты.

Выводы и перспективы

Обобщая данные экспедиций 2023 г., отметим, что все наиболее компетентные носители чулымско-тюркского языка в настоящее время старше 70 лет. Для тутальского говора старшим носителем является А. Н. Кулеев из д. Куяновская Гарь (1937 г. р.), для мелетского – К. П. Сергеева (1936 г. р., этническая русская, билингв с детства). Употребление чулымско-тюркского языка в домашнем обиходе отмечено только в семье В. В. Кулеевой (по сведениям, полученным от других информантов, общение в ее семье происходит с мужем А. В. Кулеевым; д. Новошумилово) и в семье В. А. Тамочевой и Г. Г. Тамочева (в том числе при общении с дочерью Т. Г. Тамочевой). Возможно спорадическое употребление чулымско-тюркского языка в семейном общении, нами, однако, не зафиксированное. Общий объем записанных нами в 2006–2023 гг. данных составляет ок. 200 часов аудиозаписей и ок. 80 часов видеозаписей. Записи материала до 2015 г. ввиду технических возможностей были сделаны преимущественно только на аудионоситель. С 2015 г. все устные тексты (монологические высказывания, диалоги и пр.) фиксируются на аудио- и видеоноситель. Электронный корпус языковых данных частично размещен в архиве ELAR (<https://www.elararchive.org/>), а также на лингвистической платформе «Лингводок» (<http://lingvodoc.ispras.ru/>). В настоящее время рассматриваются другие ресурсы для размещения корпусных данных полевых исследований чулымско-тюркского языка. При возможности полевые экспедиции к носителям чулымско-тюркского языка будут продолжены.

Список литературы

- Абрахманов М. А.* Тексты чулымско-тюркского языка (средне-чулымский диалект) // Языки и топонимия Сибири. Т. II. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. С. 58–69.
- Бирюкович Р. М.* Звуковой строй среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1973. 229 с.
- Бирюкович Р. М.* Лексика чулымско-тюркского языка: Пособие к спецкурсу. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1984. 88 с.
- Бирюкович Р. М.* О звуке «Ч» в среднечулымском диалекте // Фонетика и морфология языков народов Сибири. Новосибирск, 1972. С. 40–43.
- Бирюкович Р. М.* Строй чулымско-тюркского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. 404 с.

- Бирюкович Р. М.* Чулымско-тюркский язык // Языки мира: Тюркские языки. Бишкек: Издательский дом «Кыргызстан», 1997. С. 491–497.
- Бирюкович Р. М., Бони Р. А.* Материалы по чулымско-тюркскому языку: Полевые записи. Т. V. Пасечное, 1971. 631 с.
- Бирюкович Р. М.* Материалы по чулымско-тюркскому языку: Полевые записи. Т. XI: нганасанский, чулымско-тюркский. Пасечное, 1971 а. С. 573–671.
- Бирюкович Р. М.* Материалы по чулымско-тюркскому языку: Полевые записи. Т. VI. Пасечное, 1971 б. 361 с.
- Бирюкович Р. М.* Материалы по языку чулымских татар: Полевые записи. Т. III. Тегульдет, 1971в. 658 с.
- Бони Р. А.* Материалы по чулымско-тюркскому языку: Полевые записи. Т. IV. Пасечное, 1971. 629 с.
- Бони Р. А.* Материалы по языку чулымских татар: Полевые записи. Т. VII. Тегульдет, 1973. 584 с.
- Дульзон А. П.* Диалекты и говоры тюрков Чулыма // Советская тюркология. № 2. 1973. С. 16–29.
- Дульзон А. П.* Чулымские татары и их язык // Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Т. IX. Томск, 1952. С. 76–211.
- Кондияков А. Ф., Лемская В. М.* Чулымский язык д. Пасечное Тюхтетского района Красноярского края. 2007–2021 гг. Т. I: Словарь, формы слов и грамматические примеры. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2021 а. 204 с.
- Кондияков А. Ф., Лемская В. М.* Чулымско-тюркский язык д. Пасечное Тюхтетского района Красноярского края. 2007–2021 гг. Т. II: Тексты с переводом и анализом. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2021 б. 246 с.
- Лемская В. М.* Чулымские тексты // Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала. Томск: «Ветер», 2010. С. 263–314.
- Лемская В. М.* Чулымско-тюркский текст // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 2. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 184–237.
- Лемская В. М.* Чулымско-тюркский текст «Красивый-коричневый» // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 3. Томск: Вайар, 2013. С. 295–345.
- Лемская В. М.* Чулымско-тюркские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 4. Томск: ТМЛ-Пресс; Вайар, 2015. С. 217–291.
- Лемская В. М.* Чулымско-тюркские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 5. Томск: ТМЛ-Пресс; Вайар, 2017. С. 103–177.
- Лемская В. М.* Чулымско-тюркские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 6. Томск: Аграф-Пресс; Вайар, 2020 а. С. 233–276.
- Лемская В. М.* Чулымско-тюркские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 7. Томск: Аграф-Пресс; Вайар, 2020 б. С. 102–127.
- Ураев Р. А.* Говор чулымских тюрков дер. Ежи // Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Т. XIII. Томск, 1955. С. 345–367.
- Anderson G. D. S., Harrison, D. K.* Middle Chulym: theoretical aspects, recent fieldwork and current state // *Turkic Languages*. Vol. 7 (2). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003. P. 245–256.
- Anderson G. D. S., Harrison, D. K.* Ös tili: towards a comprehensive documentation of Middle and Upper Chulym dialects // *Turkic Languages*. Vol. 10 (1). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. P. 47–72.

Anderson G. D. S., Harrison, D. K. Shaman and Bear. Siberian prehistory in two Middle Chulym texts // Languages and Prehistory of Central Siberia / ed. by Vajda, Edward J., 179 ff. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 179–197.

Li, Y.-S., Lee, H.-y., Choi, H.-w. et al. A Study of the Middle Chulym Dialect of the Chulym Language. Seoul National University Press, 2008. 258 p.

References

Abdrakhmanov M. A. Teksty chulymsko-tyurkskogo yazyka (sredne-chulymskiy dialekt) [Texts of the Chulym-Turkic language (Middle Chulym dialect)]. In: *Yazyki i toponimiya Sibiri. T. 2* [Languages and toponymy of Siberia. Vol. 2]. Tomsk, TSU Publ., 1970, pp. 58–69. (In Russ.)

Anderson G. D. S., Harrison D. K. Middle Chulym: theoretical aspects, recent fieldwork and current state. In: *Turkic Languages*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2003, vol. 7 (2), pp. 245–256.

Anderson G. D. S., Harrison D. K. Ös tili: towards a comprehensive documentation of Middle and Upper Chulym dialects. In: *Turkic Languages*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2006, vol. 10 (1), pp. 47–72.

Anderson G. D. S., Harrison D. K. Shaman and Bear. Siberian prehistory in two Middle Chulym texts. In: *Languages and Prehistory of Central Siberia*. Vajda, Edward J. (Eds.). 179 ff. Amsterdam, John Benjamins, 2004, pp. 179–197.

Biryukovich R. M. Chulymsko-tyurkskiy yazyk [Chulym-Turkic language]. In: *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki* [Languages of the World: Türkic languages]. Bishkek, “Kyrgyzstan” Publ. House, 1997, pp. 491–497. (In Russ.)

Biryukovich R. M. *Leksika chulymsko-tyurkskogo yazyka. Posobie k spetskursu* [Vocabulary of the Chulym-Türkic language: Manual for a special course]. Saratov, Saratov Univ. Publ., 1984, 88 p. (In Russ.)

Biryukovich R. M. O zvuke “Ch” v srednechulymskom dialekte [About the sound “Ch” in the Middle Chulym dialect]. In: *Fonetika i morfologiya yazykov narodov Sibiri: sbornik nauchnykh trudov* [Phonetics and morphology of the languages of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1972, pp. 40–43. (In Russ.)

Biryukovich R. M. *Stroy chulymsko-tyurkskogo yazyka* [The structure of the Chulym-Turkic language]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 1980, 404 p. (In Russ.)

Biryukovich R. M. *Materialy po yazyku chulymskikh tatar: Polevye zapisi. T. III* [Materials on the language of the Chulym Tatars: Field notes. Vol. III]. Tegul’det, 1971v, 658 p. (In Russ.)

Biryukovich R. M., Boni R. A. *Materialy po chulymsko-tyurkskomu yazyku: Polevye zapisi. T. V* [Materials on the Chulym-Türkic language: Field notes. Vol. V]. Pasechnoe, 1971, 631 p. (In Russ.)

Biryukovich R. M. *Materialy po chulymsko-tyurkskomu yazyku: Polevye zapisi. T. VI* [Materials on the Chulym-Türkic language: Field notes. T. V]. Pasechnoe, 1971 b, 361 p. (In Russ.)

Biryukovich R. M. *Materialy po chulymsko-tyurkskomu yazyku: Polevye zapisi. T. XI: nganasanskiy, chulymsko-tyurkskiy* [Materials on the Chulym-Türkic language: Field notes. Vol. XI: Nganasan, Chulym-Türkic]. Pasechnoe, 1971 a, pp. 573–671. (In Russ.)

Biryukovich R. M. *Zvukovoy stroy srednechulymskogo dialekta chulymsko-tyurkskogo yazyka* [Sound system of the Srednechulym dialect of the Chulym-Turkic language]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 1973, 229 p. (In Russ.)

Boni R. A. *Materialy po chulymsko-tyurkskomu yazyku: Polevye zapisi. T. IV* [Materials on the Chulym-Turkic language: Field notes. Vol. IV]. Pasechnoe, 1971, 629 p. (In Russ.)

Boni R. A. *Materialy po yazyku chulymskikh tatar: Polevye zapisi. T. VII* [Materials on the language of the Chulym Tatars: Field notes. Vol. VII]. Tegul’det, 1973, 584 p. (In Russ.)

Dul’zon A. P. Chulymskie tatory i ikh yazyk [Chulym Tatars and their language]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 1952, vol. IX, pp. 76–211. (In Russ.)

Dul’zon A. P. Dialekty i govory tyurkov Chulyma [Dialects and subdialects of the Turks of Chulym]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1973, vol. 2, pp. 16–29. (In Russ.)

Kondiyakov A. F., Lemskaya V. M. *Chulymskiy yazyk d. Pasechnoe Tyukhtetskogo rayona Krasno-yarskogo kraya. 2007–2021 gg. T. I: Slovar', formy slov i grammaticheskie primery* [Chulym language of the v. Pasechnoye, Tyukhtetsky District, Krasnoyarsk Krai. 2007–2021. Vol. I: Dictionary, word forms and grammatical examples]. Tomsk, TSU Publ., 2021a, 204 p. (In Russ.)

Kondiyakov A. F., Lemskaya V. M. *Chulymsko-tyurkskiy yazyk d. Pasechnoe Tyuxtetskogo rayona Krasnoyarskogo kraya. 2007–2021 gg. T. II: Teksty s perevodom i analizom* [Chulym-Turkic language, Pasechnoe village, Tyukhtetsky district, Krasnoyarsk Krai. 2007–2021. Vol. II: Texts with translation and analysis]. Tomsk, TSU Publ., 2021b, 246 p. (In Russ.)

Lemskaya V. M. Chulymskie teksty [Chulym texts]. In: *Annotirovannyye fol'klornyye teksty obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Annotated folklore texts of the Obsko-Deniseisky linguistic area]. Tomsk, Veter, 2010, pp. 263–314. (In Russ.)

Lemskaya V. M. Chulymsko-tyurkskiy tekst [Chulym-Turkic text]. In: *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday life texts of the Obsko-Deniseisky language area]. Tomsk, Agraf-Press, 2012, vol. 2, pp. 184–237. (In Russ.)

Lemskaya V. M. Chulymsko-tyurkskiy tekst “Krasivyy-korichnevyy” [Chulym-Turkic text „Beautiful-brown”]. In: *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala*. Tomsk, Vayar, 2013, vol. 3, pp. 295–345. (In Russ.)

Lemskaya V. M. Chulymsko-tyurkskie teksty [Chulym-Turkic texts]. In: *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday life texts of the Obsko-Deniseisky language area]. Tomsk, TML-Press, Vayar, 2015, vol. 4, pp. 217–291. (In Russ.)

Lemskaya V. M. Chulymsko-tyurkskie teksty [Chulym-Turkic texts]. In: *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday life texts of the Obsko-Deniseisky language area]. Tomsk, TML-Press; Vayar, 2017, vol. 5, pp. 103–177. (In Russ.)

Lemskaya V. M. Chulymsko-tyurkskie teksty [Chulym-Turkic texts]. In: *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday life texts of the Obsko-Deniseisky language area]. Tomsk, Agraf-Press, Vayar, 2020a, vol. 6, pp. 233–276. (In Russ.)

Lemskaya V. M. Chulymsko-tyurkskie teksty [Chulym-Turkic texts]. In: *Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-eniseyskogo yazykovogo areala* [Collection of annotated folklore and everyday life texts of the Obsko-Deniseisky language area]. Tomsk, Agraf-Press, Vayar, 2020b, vol. 7, pp. 102–127. (In Russ.)

Li Y.-S., Lee H.-y., Choi H.-w. et al. *A Study of the Middle Chulym Dialect of the Chulym Language*. Seoul National Univ. Press, 2008, 258 p.

Uraev R. A. Govor chulymskix tyurkov der. Ezhi [The dialect of the Chulym Turks of the village Yezhy]. In: *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes of the Tomsk State Pedagogical Institute]. Tomsk, 1955, vol. 13, pp. 345–367. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
26.11.2023*

Сведения об авторах

Лемская Валерия Михайловна – кандидат филологических наук, заместитель директора Института иностранных языков и международного сотрудничества ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет» (Томск, Россия)

E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru

ORCID 0000-0003-3644-3463

Токмашев Денис Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института иностранных языков и международного сотрудничества ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет» (Томск, Россия)

Email: kogutei@tspu.edu.ru
ORCID 0000-0003-3941-043X

Зимин Марк Михайлович – студент Института иностранных языков и международного сотрудничества ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет» (Томск, Россия)

Email: m.zimin@iling-ran.ru
ORCID 0000-0002-2043-9868

Кузьмина Алина Ильгаровна – студентка Института иностранных языков и международного сотрудничества ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет» (Томск, Россия)

Email: alina-kuzmina-03@mail.ru
ORCID 0009-0007-1575-6416

Information about the Authors

Valeriya M. Lemskaya – Candidate of Philology, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages and International Cooperation, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia)

E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru
ORCID 0000-0003-3644-3463

Denis M. Tokmashev – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of English Philology and Cross-Cultural Communication, Institute of Foreign Languages and International Cooperation, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia)

E-mail: kogutei@tspu.edu.ru
ORCID 0000-0003-3941-043X

Mark M. Zimin – Student of Institute of Foreign Languages and International Cooperation, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia)

E-mail: m.zimin@iling-ran.ru
ORCID 0000-0002-2043-9868

Alina I. Kuzmina – Student of Institute of Foreign Languages and International Cooperation, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia).

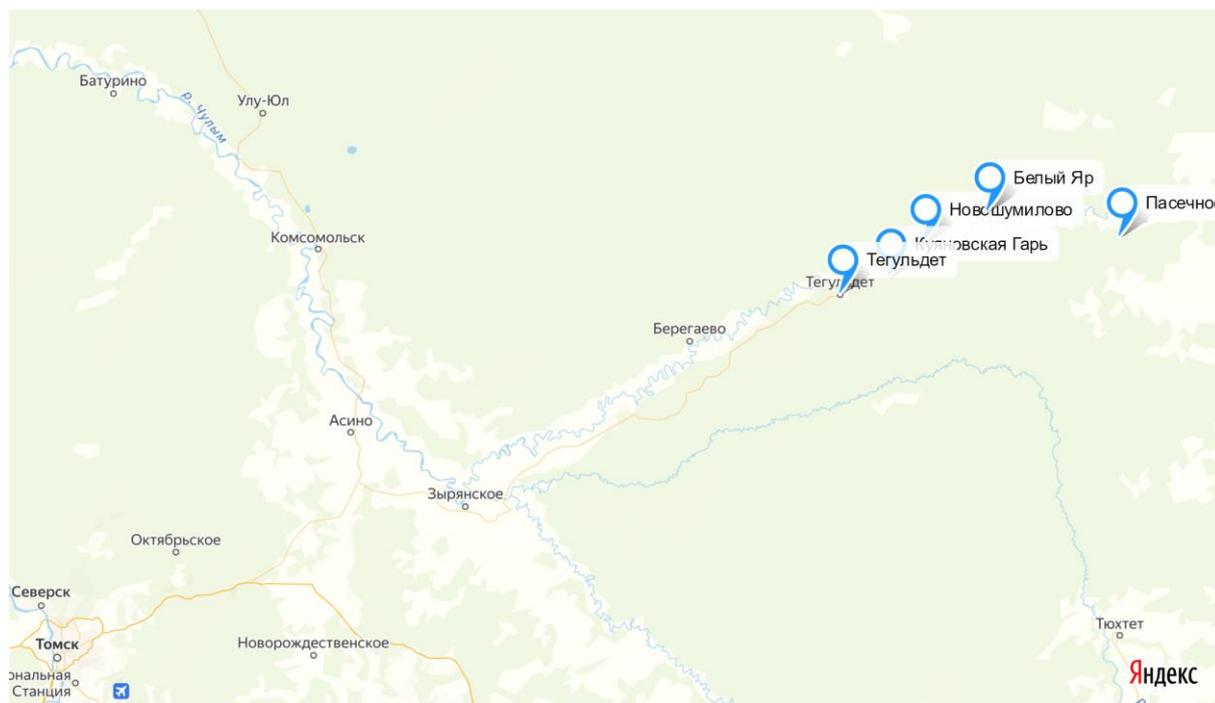
E-mail: alina-kuzmina-03@mail.ru
ORCID 0009-0007-1575-6416

Рис. 1

**Распространение чулымско-тюркского языка по материалам экспедиций 2023 г.
(с. Тегульдет, д. Куяновская Гарь, д. Новшумилово, п. Белый Яр Тегульдетского р-на
Томской обл.; д. Пасечное Тюхтетского р-на Красноярского края)¹**

Fig. 1

**Chulym-Turkic language area based on the materials of the fieldwork in 2023
(villages of Teguldet, Kuyanovskaya Gar, Novoshumylovo and Bely Yar in the Teguldet district
of the Tomsk oblast; village of Pasechnoe in the Tyukhtet district of the Krasnoyarsk Krai)**

¹ Основа карты: <https://yandex.ru/maps/>

Фото 1. Д. М. Токмашев и информант А. Н. Кулеев, д. Куяновская Гарь Тегульдетского р-на Томской области, апрель 2023 г.

Фото 2. Д. М. Токмашев и информант Н. В. Бадьев, с. Тегульдет Тегульдетского р-на Томской области, апрель 2023 г.

Фото 3. В. М. Лемская и информанты В. А. Тамочева и Г. Г. Тамочев, д. Пасечное Тюхтетского р-на Красноярского края, июль 2023 г.

Фото 4. В. М. Лемская и информант К. П. Сергеева, д. Пасечное Тюхтетского р-на Красноярского края, июль 2023 г.

УДК 398.21:398.331
DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-131-144

Кукла с золотыми глазами: об одном уникальном забайкальском сказочно-мифологическом сюжете в фольклоре местнорусских Монголии

В. Л. Кляус

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Москва, Россия*

Аннотация

В статье анализируется текст мифологического рассказа о кукле с золотыми глазами, записанного от потомков забайкальских казаков переселившихся в 1920-е гг. в Монголию. Его сюжет имеет уникальный характер, вариантов в сказочной и несказочной восточнославянской фольклорной прозе не обнаружено. Сопоставления с троичкой обрядностью, с традициями изготовления обрядовых кукол и духовскими песнями, сохранившимися среди русских европейской части России, позволяет сделать предположение, что данный сказочно-мифологический сюжет появился под влиянием представлений о троичских куклах и восприятии обычая их изготовления, который, возможно, когда-то бытовал среди казаков Мензенской станицы Забайкальского казачьего войска.

Ключевые слова

местнорусские Монголии, казаки Забайкалья, Менза, Троица, обрядовая кукла, духовские песни, сюжетика сказочно-мифологического повествования, уникальность в фольклоре

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ No 23-18-00478 «Русские Монголии. Комплексное исследование культуры в иноэтническом окружении (фольклор, обрядовые традиции, язык)» (2023-2025, руководитель – В.Л. Кляус).

Для цитирования

Кляус В. Л. Кукла с золотыми глазами: об одном уникальном забайкальском сказочно-мифологическом сюжете в фольклоре местнорусских Монголии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 131–144. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-131-144

© В. Л. Кляус, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024, no. 2 (iss. 50)

A doll with golden eyes: about a unique fairy-tale-mythological plot in the folklore of Russians in Mongolia

Vladimir L. Klyaus

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The issue of uniqueness in folklore is of utmost methodological importance as it directly relates to the emergence and evolution of oral texts. There are two approaches to considering the uniqueness of a work. The first states that texts without analogs in terms of plot are not worth considering and can be ignored when studying folklore tradition. According to the second, such works are formed in a broad folklore-ethnographic context so that they may clarify the text-generating mechanisms of oral culture. This article addresses this problem by analyzing a specific material, a fairy-tale-mythological story about a doll with golden eyes. This text was recorded from descendants of Transbaikalian Cossacks who moved to Mongolia in the 1920s, specifically from the Menzenskaya stanitsa. The author of the article conducted several expedition trips to the Menza River in the 1990s–2000s. Two settlements are located on the two banks of the river: Menza, where descendants of Cossacks live, and Ukyr, founded by Semeiski (Transbaikalian Old Believers). The expeditions revealed that the Trinity rituals were strongly preserved in this location. The tale under consideration is unique, with no similar ones found in East Slavic folklore prose. The only known reference to it can be found in a song from the Kaluga region, which was sung on Dukhov Day as part of the custom of creating ceremonial dolls. Based on this information, it can be suggested that the story was brought to the Menzenskaya stanitsa by the ancestors of the Cossacks who relocated here from the Kaluga-Smolensk borderland of European Russia.

Keywords

Russians from Mongolia, Cossacks of Transbaikal, Menza, Trinity Day, ritual dolls, spiritual songs, fantastic mythological narratives, uniqueness in folklore

Acknowledgements

The study was carried out within the framework of RFS project No. 23-18-00478 “Russian Mongolia. A comprehensive study of culture in a non-ethnic environment (folklore, ritual traditions, language)” (2023–2025, under the leadership of V. L. Klyaus)

For citation

Klyaus V. L. A doll with golden eyes: about a unique fairy-tale-mythological plot in the folklore of Russians in Mongolia. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 131–144. (in Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-131-144

*Памяти Ю.И. Смирнова
и В.М. Гацака посвящается*

Однажды я присутствовал при разговоре двух моих учителей после какого-то заседания отдела фольклора в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН, случилось это где-то в начале 2000-х годов. Виктор Михайлович Гацак и Юрий Иванович Смирнов весьма тезисно высказались по поводу отношения к фольклорному материалу. Оба – выдающиеся исследователи, имевшие огромный опыт полевых работ и теоретического осмысления фольклорных традиций, по-разному понимали значимость того или иного зафиксированного текста.

Юрий Иванович – сторонник, что называется, тотального обследования, которое в идеале им виделось как опрос *всех* жителей *всех* поселений той или иной территории или региона, – горячо отстаивал тезис, что «уникальный фольклорный факт – это не факт», т.е. случайная запись ни о чем не говорит, ее не следует принимать во внимание, а тем более делать на ее основе какие-либо «выроды» (словечко из лексикона Юрия

Ивановича). Он считал, что для четкого понимания нужно искать подтверждения записанному тексту и, только имея «массовый» материал, можно выстраивать, хотя бы в гипотетическом плане, эволюционный путь того или иного сюжета, мотива или образа.

Данное суждение в наших беседах с Юрием Ивановичем я слышал неоднократно, и в целом, конечно, был с ним согласен. Но тут ему неожиданно возразил Виктор Михайлович, который также всегда подчеркивал важность проведения полевых исследований, и чем они были интенсивнее, тем лучше, и также не принимал голословных теорий. Помню, он мягко сказал: «Нет, Юра, уникальный фольклорный факт – это факт».

Позиция Виктора Михайловича позволяет внимательнее относиться к фольклорным текстам, которые стоят особняком в традиции. Сами по себе они как минимум сигнализируют о недостаточности проведенных полевых исследований, если, конечно, не было сознательной фальсификации со стороны собирателя. Но кроме того уникальные фольклорные факты могут указывать на некоторые еще не до конца изученные механизмы возникновения устного текста.

В 2018 г., оказавшись в Улан-Баторе по приглашению Института языка и литературы Монгольской АН, который проводил конференцию, посвященную эпическим традициям монгольских народов, я не удержался от желания разыскать живущих здесь потомков русской эмиграции, относящейся к первой волне – 1920–1930 гг., и пообщаться с ними. Слышал я о них еще в детстве, в начале 1970-х гг., будучи школьником одной из улан-баторских средних школ. Отец мой был военный и в составе советской группы войск служил в эти годы в Монголии, как и десятки тысяч других военных специалистов из Советского Союза.

Среди нас ходили слухи о каких-то «семёновцах», тоже вроде бы русских, но не всем. Ни с одним из них я никогда не встречался, но в моем детском представлении это были бандиты, жившие где-то в юртах на окраинах Улан-Батора, которые имели огнестрельное оружие и даже применяли его. Затем в старшей школе, из книг забайкальских писателей Василия Балябина «Голубая Аргунь» и «Забайкальцы», Григория Кобякова «Кони пьют из Керулена» и др. мы узнавали об атамане Семёнове, его зверствах в период Гражданской войны в Забайкалье, и «пазлы сложились»: «семёновцы» – это казаки, воевавшие под его началом, ну и, соответственно, их потомки, бежавшие от советской власти в Монголию, которые принесли с собой и оружие, и ненависть ко всем советским людям.

Сейчас уже понятно, что подобное представление о «русском старожильческом населении» Монголии, так называемых «местнорусских», транслировалось и поддерживалось в массовом сознании приехавших работать в страну советских военных и гражданских специалистов партийными работниками, сотрудниками спецслужб и дипломатических миссий.

По мнению ряда местнорусских, негативную роль в этом сыграл В. М. Молотов, оказавшийся в роли посла СССР в МНР в 1957–1960 гг. после разгрома возглавляемой им «антипартийной группы», пытавшейся сместить Н. С. Хрущева. Именно он, видимо, удивившись тому, что в Монголии живет довольно большая русская диаспора, активно включенная в хозяйственно-экономическую жизнь страны, объявил ее членов потомками казаков-белобандитов из отрядов атамана Семёнова, возглавлявшего борьбу с большевиками в Забайкалье в годы Гражданской войны.

Ярлык «семёновцы» оказался настолько прилипчивым, став своеобразным стереотипом, что кое-кем используется и сегодня, несмотря на появившиеся исследования, доказывающие, что это совсем не так, и несмотря на вклад местнорусских в Победу со-

ветского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – из их рядов на фронт ушло более пяти тысяч человек, вернулась лишь где-то четвертая часть.

В Улан-Баторе для меня стали настоящим открытием встречи и беседы с супругами Таракановскими – Мариной и Александром. Они оказались очень интересными собеседниками, хорошо знающими историю не только своей семьи и родных, но и многих знакомых и соседей. Без преувеличения их можно назвать одними из хранителей исторической памяти местнорусских Монголии и, что для меня очень важно, – их фольклорной традиции.

От обоих я записал «историю» про куклу, которую рассказывала бабушка Александра Таракановского по отцовской линии – Анна Евгеньевна. Родом она была из села *Меньзя*. Именно в такой фонетической форме Марина и Александр называют село Менза Красночикоийского района Забайкальского края. Находится оно на левом берегу одноименной реки, протекающей по России и Монголии, где носит название *Миндж-Гол*.

В Мензе я бывал неоднократно – в 1993, 1996, 1997 и 2000 гг. Но каждый раз только наездом, не проводя в нем обширных полевых исследований, так как меня больше интересовало село Укыр, расположенное в трех километрах на противоположном, левом берегу реки.

В Укыре, основанном в 1789 г., проживают потомки семейских – старообрядцев, переселенных во времена Екатерины II с Ветки и Стародубья, входивших в состав Польши. Мензенский караул, поставленный намного раньше, в 1728–30 гг., был одним из форпостов на границе с Монголией, которая тогда входила в Цинскую империю, и находился, как и другие Селенгинские участки российско-китайской границы, в зоне ответственности казаков-бурятов, в данном случае из хоринских родов [Цыбикив 1925: 161].

Известно, что в конце XVIII в. хоринцы попытались освободиться от повинности содержать Мензенский караул из-за его удаленности. Постепенно он стала заселяться русскими казаками, и со временем Менза обрусела. В 1861 г. здесь был построен и освящен храм в честь Знамения Пресвятой Богородицы, первым старостой которого стал Георгий Таракановский, казак 11-го Мензинского станичного округа [Церковь].

В 1872–1918 гг. село было центром Мензинской станицы 1-го военного отдела Забайкальского казачьего войска.

Укыр и Менза – два села, две противоположности. В одном жили старообрядцы, в другом – казаки-никониане. Земли для земледелия и для скотоводства было немного, и тех и других во многом кормила тайга, и между соседями нередко возникали конфликты из-за угодий.

Одна из самых страшных трагедий Укыра – это расстрел его жителей в 1921 г. отрядом унгерцев, зашедшем из Монголии. По рассказам укырцев, которые я слышал, мензенские казаки знали о его приближении, но не предупредили соседей. Весь Укыр, в том числе и часовня, был сожжен дотла, три десятка человек, в основном старики и дети, не успели убежать в лес... О том страшном событии и сегодня напоминают две братские могилы. (см. рассказы об этом событии [Афанасьева-Медведева 2007–2023, 18, 331–332; 19: 113–114; 22: 117, 285–286]).

Казалось бы, хозяйственно-экономическая, социальная, конфессиональная и в каком-то отношении природная (река Менза) разделенность Укыра и Мензы ставили между двумя поселениями непреодолимую границу. Но казакам и семейским невозможно было жить в полной изоляции друг от друга на протяжении более чем столетия

– с конца XVIII по начало XX в. И, конечно, контакты были в религиозной и обрядовой сферах. Семейские Укыра, как и многие другие старообрядцы Западного Забайкалья в XIX веке стали единоверцами, что облегчало взаимоотношение между священством двух общин и между самими прихожанами. А в случае троицкой обрядности река Менза не разъединяла, а наоборот объединяла их.

После установления советской власти в Забайкалье многие казаки из Мензы ушли за границу. Вот что об этом, со слов своей бабушки, рассказывает Александр Таракановский:

«А по этой, по отцовской линии, значит, у меня бабушка моя. Они бежали с Меньзи. В Меньзе, этак, были два, э-э, парня, бездельники, гыт, невозможно, бездельники. Они их кормили и привечали. <...> У моей бабушки, у бабушки были и мельница, и всё. И вот раскулачивают когда их начали. Эти два парня, которые там жили, эти, бездельники их звали, они ничё не делали, кормились, они сразу в комиссары подались, как революция. И одного парня заела совесть, и он сказал: «Завтра будут раскулачивать». Они собрались и всем ... [Колхозом – Слуш.]. Да не колхозом! Скока там семей, которы боле-мене состоятельными, и пошли сюда, через перевалы в Монголию. Приехали сюда. <...> Они ушли в эту, на Керулен. Почему на Керулен ушли? На Мунгуморт там, с Мунгуморта были, ну, там знали, там знакомые буряты стояли. Как, таким образом прошли туда обозами. "Верхами уходи, верхами ходи". [Рассказчик меняет интонацию, видимо, воспроизводя голос бабушки]. Потому что верхами мужики шли, а обозы шли бабы» [ИМЛИ 2018].

Уходили казаки по уже знакомым местам. Дороги они знали, так как близость границы, точнее ее полное отсутствие, позволяли им раньше спокойно ходить «в Китай». Из рассказа Александра о бабушке:

«А бабушка у меня, всегда они с отцом, они. А бабушка у меня такая сильная очень, действительно. Марина знает, она. Вот. И ходила с отцом в хребет всё время, эта, добывать соболя там. А там жа холод, там! Вот они в хребет уходили на зиму, на зиму уходили. Она напечёт булки, хорошо пекла эти, хлеб пекла крепкий, сухари сушила хорошо. Вот. И отец её поэтому брал с собой. А летом они ходили, всё равно заняться нечем. Там жа, у, этот огородики там, то-сё, много этого не было. Ходили в этот, в Китай. Да, но ходили через Керулен, к бурятам. Евгешкой его звали [буряты], Евгений. Она – Анна Евгеньевна. А его буряты звали – Евгешка. Вот. И ходили в Китай туда, ну, на Керулени пере[й]дут, потом через пустыню пере[й]дут в Китай. И оттуд таскали, э, ну, контрабандой, контрабир (?) чай, опиум и шёлк, оттуда они таскали. Вот. И она с отцом всё время ходила. Вот. «И если, – она говрит [мне]. – Ты на, сына, на Керулен приедешь, ты скажи, ты – Евгешкиной девки внук». Евгешки. Хе-хе-хе. [Смеется]» [Там же].

От бабушки Александр слышал загадки, сказки (в частности, он вспомнил об одной из них, про Ивана-дурака на сюжет СУС 1653А «Дурень, его братья (жена и муж) и разбойники», а также «историю» о кукле с золотыми глазами, которая якобы действительно произошла в Мензе.

Так получилось, что с Мариной Таракановской я познакомился раньше, чем с Александром, и сначала записал эту «историю» в ее варианте:

«Это рассказывала бабка Таракановская, Саикина эта, да. Э, они в поле шли ребятами. Это получается, это было, видимо, в России. Потому что, естественно, это не здесь было. Да. И... и нашли они куклу. Блестящую куклу с золотыми глазами. Вот. Они её притащили домой. Кукла с золотыми глазами, в поле.

Понимаешь, да? Одетая, не одетая, но в общем они сказали, что чё-та блестящая, вот она вся была блестящая, а глаза были золотые. И что, почему они её не в доме, не дома держали, а в подполье спустили, что вот надо было, чтоб темно было. И они её кормили. Но, может дети чё там, и ну, как, кормили всякими.

Ну, правда-то, не правда, но бабка вот эта рассказывала Таракановская, да, что вот в поле они нашли, две девчонки или и в поле нашли вот эту куклу.

[Но она была вот эта Таракановская там? – Слуш.]

Была, в том-то и дело, что у них, они припёрли эту куклу домой, с золотыми глазами и – куда она потом делась эта кукла из этава подполья, толком так добиться никто и не мог. Вот куда она исчезла? А вот кукла с золотыми глазами» [Там же].

Вариант Александра:

«Пошла какая-то у них там, то ли было этот дождь, то ли, наоборот, за дождём они пошли с бабками, засуха в этот... [В поле – Слуш.] В поле. Пошёл этот дождь. Пошёл этот дождь, и упала эта кукла с золотыми глазами. Они её забрали к себе. Вот. Она потом не могла. Её. Она не могла быть на солнце. Её поэтому в подполье по-ло[жили] в подполье вот засунули, а в подполья она жила у них, и никак ни казак её... <...>

[Чем они кормили? – Слуш.]

Ой, не знаю, чем они кормили. И куда кукла потом делась, я не знаю. Там казак этот, атаман, по-моему, бабушкин кто-то он, родственник в Меньзе, он там её сильно оберегал.

[Эту куклу? – Слуш.]

Да. И куда она делась – кто ж её знает?

[Может это с чем-то инопланетным связано? – Слуш.]

Но она не кукла, она как бы живая девочка была.

[А почему с золотыми глазами? – Слуш.]

Золотые глаза. Бабушка сказала: «С золотыми глазами». Отправили её в подполье, потому что она не могла выходить на свет. На свету она плохо себя чувствовала, поэтому. А более я не знаю. <...> Там станичный атаман очень сильно заботился [о ней]» [Там же].

При всей сюжетной общности варианты рассказчиков отличаются. Из «истории» Александра следует, что кукла – существо взрослого мира. Она является «бабкам» во время обрядовых действий, связанных с вызыванием дождя, о ней заботится станичный атаман. В интервью данному рассказу предшествовали вопросы о том, знала ли его бабушка лечебные травы.

В варианте Марины все случившееся – это событие из детства бабушки мужа, которая с другими детьми находит куклу в поле. Это довольно значимое изменение повествования. Но, вероятнее всего, оно имело ситуативный характер, так как об этой «истории» Марина вспомнила в контексте разговора о детстве, о том, какие раньше у детей были игрушки, и, в частности, куклы.

Повторная запись от Александра была сделана в 2023 г. Марина, его супруга, вновь высказала мысль об инопланетном происхождении куклы, но Александр этого никак не поддержал. Что-либо принципиально нового из рассказа бабушки он не вспомнил:

«Они где-то, какая-то была там то ли гроза, то ли ещё что такое было. Они... И эта кукла как бы появилась с неба, типа, она упала. У каво-та она там была долго, её держали. <...> Скорей, они куда-то пошли. То ли бабки пошли дождь вызывать. По-моему, они пошли дождь вызывать. Женщины. Вот как засуха. Пошли дождь вызы-

вать, и нашли вот эту куклу, и привезли её. И принесли её, куклу эту. У каво-та она жила. По-моему живую, у этот забрал её, станичный, станичный атаман. <...> Вот я не знаю потом, куда она делась. Или староста ли, атаман. По-моему, кто-то из них. [Отوبرали. – Слуш.] Не отобрал, а просто забрал, что она у неё, у ево. Ну, не дал, что-то с ней. Ну, защитил как бы её от других. Тут начало, мог возникнуть ещё, а он её, так сказать... И какая она была. Бабушка говорила: "Кукла с золотыми глазами". По-моему, они нашли её, женщины. Вот эта точно-то я помню: её держать пришлось в подполье, потому что она не могла находиться на свету. И упала там вот эта, вот я забыл. И солнце неяркое было» [ИМЛИ 2023].

Обобщая все варианты, можно выстроить следующий сюжет «истории»:

«Кукла» падает с неба во время или после дождя с грозой, чему предшествовал обряд вызывания дождя (молебен), который женщины провели в поле. Они приносят «куклу» в село, и атаман (или староста) забирает ее, охраняет и защищает от других людей. «Куклу» держат в подполье, люди (дети) ее кормят. Проходит какое-то время, и «кукла» куда-то исчезает (куда, как и почему – этого рассказчик не помнит). Особенности «куклы»: живая, имеет облик девушки, глаза золотые, не переносит солнце.

Не очень мотивированно здесь выглядит то, что атаман должен охранять и защищать ее от других людей. Во всяком случае, кукла представляет для него определенную ценность. Возможно, здесь имеет место скрытый сексуальный подтекст.

Из всех известных восточнославянских сказок данное повествование о кукле с золотыми глазами сопоставимо только со сказками на сюжет № 703* «Снегурочка» – «Старик и старуха лепят куклу из снега; она оживает; летом девушка идет с подругами в лес и тает» [СУС].

Общих мотивов несколько: происхождение героини связано с небесной природной стихией, она живая, боится солнца, исчезает. Но данное сходство имеет самый общий характер и не дает возможности говорить об эволюционной связи «истории» о кукле со сказками о Снегурочке.

В жанровом отношении мензенский нарратив тяготеет к быличкам, так как рассказчики не сомневаются в достоверности событий. Но такой героини – куклы с золотыми глазами – восточнославянская мифологическая проза не знает. Любопытно, что Марина, супруга Александра, попыталась объяснить ее происхождение из современного уфологического дискурса, спросив, не является ли кукла инопланетным существом.

Старшее поколение местнорусских, уходя из Забайкалья в 1920-30 гг., принесли в Монголию свой фольклорный репертуар. О необычном событии – упавшей с неба кукле с золотыми глазами – сто лет назад рассказывали в Мензенской станице. Но что послужило основой для возникновения такого уникального во многих отношениях для русской мифологической прозы сюжета?

Относительно этого можно высказать следующее предположение.

В рассказе Александра Таракановского подчеркивается, что появление куклы связано с ритуалом вызывания дождя, который был совершен на поле. Подобная обрядовая практика хорошо известна в Забайкалье. Молебны с иконами проходили обычно на сопках, где стояли кресты, но могли совершаться и непосредственно на полях. В случае с Мензой ни о какой крестовой сопке речи быть не может, так как ближайшие возвышенности находятся за рекой, на стороне Укыра. Примечательно, что вспоминая о таких молебнах, рассказчики всегда подчеркивают, что по его окончании, при возвращении в село, всегда начинался дождь. То же самое произошло и в тот раз, когда с неба упала кукла, и дождь был довольно сильный, с грозой.

Молебен на дождь имеет окказиональный характер, при засухе, которая в Забайкалье случается нередко. Другие обрядовые действия, направленные в целом на благополучный урожай, проводятся в праздники – на Масленицу, в Пасху, на Вознесение, на Троицу, в Духов день.

Для Укыра и Мензы из них наиболее значимым является Троица, троичская обрядность сохранялась и в советское время. Уже во время первой поездки в эти села в 1993 г. пожилые женщины Укыра показали мне, как они наряжают березку, связывая большие платки и накрывая ими срубленное деревце. В 2000 г., когда полевые исследования проводились именно на Троицу совместно с группой студентов Университета Южной Калифорнии (University of Southern California), которой руководил профессор Маркус Левитт (см.: [Кляус, Левитт 2001; Levitt 2001; Kiderra 2001]), удалось зафиксировать все этапы обрядового действия, растянувшегося на два дня. Его организаторами и главными действующими лицами были пожилые женщины, но участие приняли почти все жители Укыра, приехали и гости из соседней Мензы, и это стало праздником двух сел.

После обряжения березки (происходило это на правом берегу реки), ее с песнями¹ пронесли через мост, через часть Укыра, что сопровождалось обливанием водой участников процессии возле некоторых дворов, и оставили «ночевать» в одном из домов (он был выбран не случайно, в нем проживала наиболее уважаемая пожилая женщина, неформальный лидер сообщества). На Духов день (в понедельник после Троицы) березку понесли через оставшуюся часть села. Хозяева многих домов выходили навстречу процессии и обносили всех рюмкой самогона – веселье достигло своего апогея. Выйдя за границу села, на берег Мензы, книзу по течению, участники обряда сняли с березки платки и кинули ее в воду. За уплывающим деревом в реку бросились молодые люди, пожилые не купались, но они или помочили ноги, или умылись – на хорошее здоровье. Когда уже все стали расходиться, то неожиданно из-за горы вышла тучка и прошел небольшой дождь.

В отличие от большинства других описаний празднования Троицы, о которых я слышал в Забайкалье, березку в Укыре нарядили непосредственно на Троицу, а утопили в Духов день. Обычно рассказывают, что ее просто устанавливали возле дома или во дворе, здесь же устраивали застолье. Таких березок в селе могло быть несколько. Как и когда их устанавливали, топили в реке, из рассказов не всегда понятно, просто говорилось – на Троицу.

Фиксация реального обрядового действия всегда информативнее чем рассказы о нем. Укырская березка, украшенная платками, представляет собой большой цветастый шар и производит очень красивое впечатление – она просто плыла впереди толпы людей, идущих по главной улице села. Но такой способ обряжения поздний, его, видимо, могли себе позволить девушки и женщины в зажиточных селах, и он не так часто встречается. Обычно в Забайкалье на ветви троичской березки просто привязывали ленточки и цветы. Описание обряжения деревца в одежду, т.е. фактически изготовление куклы, мне не встречалось ни разу. Тем не менее, в 2000 г. во время всего действия явно ощущалось отношение к украшенному дереву как к живому существу, и именно – как к девушке. При этом ее «ночевание» в доме имело эротический подтекст: березку оставили во дворе, но предварительно раздели, сняв все платки. Утилитарно это

¹ Собственно троичско-семицких песен не было. Исполнялись плясовые, лирические, солдатские. Особой популярностью пользовалась песня «Развивайся ты, береза, на тебя будет мороз», так как она «про березу» и ассоциировалась с праздником.

выглядело как забота о том, чтобы платки не украли, но символизм раздевания и предстоящей ночи создавал определенный настрой.

Традиция изготовления именно куклы в обрядах весенне-летнего цикла активно бытовала и сохраняется в отдельных регионах европейской части России и в ряде стран Восточной, Западной и Южной Славии. Существует довольно обширная литература на эту тему. Наиболее ее полный обзор – [Агапкина 2002: 578-662], см. также описание конкретных праздников троцкого цикла, во время которых изготовляли кукол – [Корепова, Белоус 1985; Миненок, 1995а, 2019; Адоньева 2011].

Интереснейшее описание процесса празднования Духова дня, во время которого была сделана и выброшена в речку кукла, в селе Троицком Куйбышевского района Калужской области сделано Е. В. Миненок. В ее статье дается подробное, с точным воспроизведением реплик участников, описание обряда, проведенного жителями села в 1986 г. [Миненок 1995а]²

Здесь я кратко воспроизведу ход обрядового действия. В лесу было срублено две березки, их верхушки связали веревкой, основания стали «ногами». Перпендикулярно стволам привязали палку, концы которой – это «руки». Сверху надели юбку и кофту, голову сделали из белой материи, набив ее травой и нарисовав глаза, брови, нос и рот. Процессия с куклой прошла всю деревню, автор при этом отмечает, что «раньше из березовой рощи куклу несли в поле, ставили в рожь, чтобы урожай был хорошим» [Там же: 276]. Во время движения и остановок постоянно звучали песни (в том числе духовские, а также плясовые, хороводные) и частушки, многие из которых имели эротическое содержание. На другом конце села, на мосту, с «барышни» сняли юбку и кофту и связанные березки вместе с «лицом» бросили в реку Шуицу.

В качестве приложения к статье опубликованы духовские песни и частушки (см. [Миненок 1995b]). Позже Е.В. Миненок сообщила мне фрагмент одной из песен³, которая не была включена в данное собрание. Ее запись была сделана не в Духов день, а несколько раньше, зимой 1986 г.:

*«Как просили хлебушка,
Да п..да пала с небушка,
Закатилась под кусток,
Чтоб никто не уволок.
А как солнце припекло,
Так с ней сало потекло.»*

Из духовской песни следует, что в представлении участников обрядового действия могла быть идея о появлении «героини» с неба, которая к тому же не может находиться под солнцем, но все же попадает под него и с ней что-то происходит. Как такового «исчезновения» нет, но явно происходит некоторая трансформация.

В другом варианте этой духовской песни, опубликованном Е. В. Миненок, говорится уже о девушке, которая не должна «ее» давать кому-то и показывать. Правда, потом «она» улетает от девушки (привожу текст с купюрами):

² По инициативе Е.В. Миненок данный обряд был отснят в 1986 г. студентами операторского факультета ВГИКа А. Коршуновым и В. Горенштейном и в качестве основного фрагмента вошел в их курсовую работу – https://vk.com/video-7127929_456240358 (1986 г., 18 мин.). (Дата доступа 29.04.2024) В дальнейшем празднование Духова дня в с. Троицком фиксировалось многократно, сделанные видеозаписи легли в основу одноименного документального фильма «Духов день» (режиссер – С.А. Миненок, 2000 г., 26 мин).

³ Место хранения: личный архив Е.В. Миненок. Выражаю огромную благодарность Елене Викторовне за предоставленный текст!

«Говорила а мне мать и приказывала,
 Чтоб никому не давала. не показывала
 Чеботуха, чеботуха, чеботурица моя, <...>
 – Хорошо, дочка, ходи, ее⁴ в решете носи,
 Горшком закрывай, на замок замыкай, <...>
 Полетела голубица⁴ под ореховый кустике,
 Она села под кустом и накрылася листом. <...>
 Чтобы солнце не пекло, а с ней сало не текло,
 А как солнце припечет – так и сало потечет. <...>»

[Там же: 297]

Песня была известна и как свадебная. Ее вариант был сообщен Р.О. Якобсоном со следующим комментарием: «Песня “Чуманиха” была еще в годы моего студенчества широко распространена в деревнях Моск<овской> губ. Н.Н. Дурново записал ее в Парфенках Рузского уезда, а мы с П.Г. Богатыревым, в 1916 г. в Верейском у., где эту песню полагалось петь свахе, когда она “будила молодых”» [Левинтон Охотин, 1991: 34]. Но в «свадебном» варианте Р.О. Якобсона отсутствует мотив «ее» попадания под солнце, «она» выскакивает из-под горшка, прячется в дупло, а выманивают ее оттуда тем же способом, что и герой сказки А.С. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей».

Песня имеет ярко выраженное эротическое содержание. Женский половой орган является главным героем сюжетной ситуации, имея (в первом варианте) или обретая (во втором) полную самостоятельность. Подобное одухотворение вполне в духе того образа куклы, которую делают на Духов день: при ее изготовлении на причинное место привязывают мочалку (раньше использовали клочок черной овечьей шерсти); во время шествия по деревне несущие разворачивают куклу во все стороны, поднимают подол юбки и нарочито демонстрируют мочалку между «ног». [Миненок 1995а: 280]. В семантическом плане женский орган является равным кукле. Поэтому первый вариант песни можно рассматривать как текстовую реализацию мотива «кукла падает с неба».

Наибольший вопрос в забайкальской «истории» с куклой являются ее глаза. Подчеркивается, что они золотые. По изготовленной в селе Троицком кукле, а также по куклам в других подобных обрядовых актах, видно, что нет запрета на прорисовку лица. В 1986 г. участники обрядового действия это сделали с помощью авторучки – «“барышне” “открыли” глаза на свет, подвели брови, нос и рот» [Там же: 276]. Однозначно, технология изображения лица у ритуальных троицких кукол когда-то была иная, чем сейчас, обычно оно рисовалось углем, но, возможно, глаза могли делаться более выразительными хотя бы за счет размеров. В этом отношении любопытно одно из описаний облика Стромы в деревне Шутилово Первомайского района Нижегородской области, которую делали и хоронили на вторую неделю после Троицы (описание было сделано журналистом Н. Шалагиновым в 1990-х гг.): «Когда мы приезжаем в деревню и находим одного из главных участников и “идеологов” похорон, она сразу же соглашается показать нам Строму. Кукла лежит на крыльце одного из стоящих на отшибе домов. Она одета в старую юбку, кофту, под которой очерчивается обувь. С удивлением замечаю, что Строма – девка видная: с высокой грудью, *огромными голубыми глазами* (курсив мой – В.К.), ярким чувственным ртом и румянцем в полщеки» [Адоньева, 2002]. Скорее всего и у мензенской куклы был реальный «прототип» – обрядовая кукла, которую на Троицу, уходя на поле, изготавливали женщины Мензенской станицы.

⁴ Е.В. Миненок указывает в отношении слова «ее» и «голубица», что здесь употреблен эвфемизм.

В следующей таблице я сопоставляю «историю» о кукле, забайкальский и калужский обряды и песни Духового дня по ключевым элементам сюжетов и контекста.

Таблица 1
Table 1

Мотивно-контекстуальное сопоставление рассказа про куклу с золотыми глазами, троицкими обрядами и духовской песней.
Motivational and contextual comparison of the story about a doll with golden eyes, Trinity rites and the song of the Dukhov Day.

		«История» о кукле	Троицкий обряд на Мензе в Забайкалье	Обряд Духового дня в Калужской области	Песни Духового дня
1	Обрядовое действие, связанное с благополучием урожая	(упоминание моления о дожде во время засухи)	–	–	(приуроченность к обряду)
2	Женский мир	–	–	–	–
3	Антропоморфная кукла, имеющая глаза	–		–	
4	Образ девушки		–		(не явно)
5	Лицо и глаза	–		–	(не явно)
6	Эротические мотивы	(не явно)	(не явно)	–	–
7	Падает с неба	–			–
8	Бойся солнца	–			–
9	Необходимость прятать	(в подвале)			(в горшке)
10	Уничтожение	(не явно)	–	–	(не явно)

Фольклорные тексты – забайкальское сказочно-мифологическое повествование и калужские песни обряда Духового дня – имеют значительное число пересечений (восемь из десяти), даже больше, чем однозначно типологически связанные между собой обряды (четыре из десяти).

Здесь я, конечно, ступаю на зыбкую почву догадок и предположений. Процесс заселения Забайкалья в XVIII-XIX веках состоял из нескольких волн. Переселенцы, отправленные принудительно и по собственной воле, были выходцами из разных регионов европейской части России, Урала и Сибири. Проследить все пути миграции очень сложно. И порой именно фольклорные данные могут дать какие-то ориентиры.

Возможно, перед нами как раз тот случай, когда представления мифологического характера об обрядовых куклах троицкого календарного цикла калужско-смоленского пограничья, которые ни одним исследователем в XIX в. не были зафиксированы⁵, на

⁵ Возможно, просто не было исследователей, а если были, то они ничего не спрашивали по данной теме. Но не исключено, что интересующий нас материал хранится в архивах и пока еще не опубликован.

окраине России среди переселенцев из этого региона были проинтерпретированы народной, возможно даже детской, фантазией в соответствующем социально-бытовом контексте и сформировались в сказочно-мифологический нарратив, основой которого является традиция изготовления обрядовых кукол на Троицу.

Главный вывод из всего этого заключается в том, что нужно отправляться в Мензу, на родину Анны Евгеньевны Таракановской, и проводить опросы. Возможно, удастся обнаружить следы ее «истории», сохраненной в Монголии для нас Александром Таракановским. Ибо, как говорил Юрий Иванович Смирнов: «Что знаешь, то и спросишь. Что спросишь, то и найдешь».

Список литературы

Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря: весенне-летний цикл. М., 2002. 816 с.

Адоньева С. Б. Обрядовое чучело: проективный принцип ритуальных практик // Классический фольклор сегодня: Материалы конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Бориса Николаевича Путилова. Санкт-Петербург, 14–17 сент. 2009 г. СПб., 2011. С. 370–387. Цит. по: Русский фольклор в современных записях / Электронный ресурс (URL: http://folk.ru/Research/adonyeva_obriad_chuchelo.php?rubr=Research-articles Дата доступа 15.02.2024)

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. В 28 т., Иркутск, 2007–2023.

Кляус В.Л., Левитт М. Российско-американская экспедиция «Песни и обряды староверов Забайкалья» // Живая старина, 2001. № 2. С. 49.

Корепова К. Е., Белоус Т. И. Обряды «проводов весны» в быту современной деревни (по материалам Горьковской области) // Советская этнография. 1985. № 4. С. 88–95.

Левинтон Г. А., Охотин Н. Г. «Что за дело им – хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей» // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 28–35.

Миненок Е. В. Обряд Духового дня в селе Троицком Калужской области // Русский эротический фольклор. М.: Ладомир, 1995. С. 273–285.

Миненок Е. В. Песни обряда Духового дня // Русский эротический фольклор. М.: Ладомир, 1995. С. 286–309.

Миненок Е. В. «Похороны Стромы» в селе Шутилово: традиция в современности // Живая старина. 2019. № 4 (104). С. 30–35.

Цыбиков Г. Ц. Забайкальское бурятское казачье войско (Исторический очерк) // Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1981. С. 157–166.

Inga Kiderra. “Siberia: Back to the Past,” USC Trojan Family Magazine 33: 1 (Spring 2001), pp. 34–41.

Marcus C. Levitt. Notes on a Joint Russian-American Expedition to the Semeiskii Old Believers of Transbaikal,” Journal of the Slavic and East European Folklore Association (SEEFA) 6:2 (Fall 2001), pp. 11–27.

Список источников

Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет по фольклору; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Сост.

Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979.

Фольклорная коллекция Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Экспедиция 2018 г. В. Л. Кляуса в Монголию.

Фольклорная коллекция Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Экспедиция 2023 г. в Монголию по гранту РНФ (проект № 23-18-00478). Записи В. Л. Кляуса.

Церковь – Церковь Знамени Пресвятой Богородицы в селе Менза // Краеведческий портал Красночикийского района. Электронный ресурс (URL: <https://нашчикий.рф/menza/#close>. Дата доступа 15.02.2024)

References

Adon'eva S. B. Obryadovoe chuchelo: proektivnyy printsip ritual'nykh praktik [Ritual effigy: the projective principle of ritual practices]. In *Klassicheskiy fol'klor segodnya: Materialy konf., posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya Borisa Nikolaevicha Putilova. Sankt-Peterburg, 14–17 sent. 2009 g.* [Classical folklore today: Materials of the conference, dedicated. 90th anniversary of the birth of Boris Nikolaevich Putilov. St. Petersburg, September 14–17, 2009]. St. Petersburg, 2011, pp. 370–387. Quoted from: *Russkiy fol'klor v sovremennykh zapisyakh* [Russian folklore in modern recordings]. URL: http://folk.ru/Research/adonyeva_obriad_chuchelo.php?rubr=Research-articles (accessed 15.02.2024). (In Russ.)

Afanas'eva-Medvedeva G. V. *Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri. V 28 t.* [Dictionary of dialects of Russian old-timers of Baikal Siberia. In 28 vols.]. Irkutsk, 2007–2023. (In Russ.)

Agapkina T. A. *Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya: vesenneletniy tsikl* [Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar: spring-summer cycle]. Moscow, 2002, 816 p. (In Russ.)

Inga Kiderra. “Siberia: Back to the Past.” *USC Trojan Family Magazine*. 2001, no. 33 (1), pp. 34–41.

Klyaus V. L., Levitt M. Rossiysko-amerikanskaya ekspeditsiya “Pesni i obryady staroverov Zabaykal'ya” [Russian-American expedition “Songs and rituals of the Old Believers of Transbaikalia”]. *Zhivaya starina*. 2001, no. 2, p. 49. (In Russ.)

Korepova K. E., Belous T. I. Obryady “provodov vesny” v bytu sovremennoy derevni (po materialam Gor'kovskoy oblasti) [Rituals of “farewell to spring” in the life of a modern village (based on materials from the Gorky region)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1985, no. 4, pp. 88–95. (In Russ.)

Levinton G. A., Okhotin N. G. “Chto za delo im – khochu...”: O literaturnykh i fol'klornykh istochnikakh skazki A. S. Pushkina “Tsar' Nikita i 40 ego docherey” [“What do they care? I want...”: On the literary and folklore sources of the fairy tale by A. S. Pushkin “Tsar Nikita and his 40 daughters”]. *Literaturnoe obozrenie*. 1991, no. 11, pp. 28–35. (In Russ.)

Marcus C. Levitt. Notes on a Joint Russian-American Expedition to the Semeiskii Old Believers of Transbaikalia.” *Journal of the Slavic and East European Folklore Association*. 2001, vol. 6 (2), pp. 11–27.

Minenok E. V. Obryad Dukhovogo dnya v sele Troitskom Kaluzhskoy oblasti [Spiritual Day ritual in the village of Troitsky, Kaluga region]. In *Russkiy eroticheskiy fol'klor* [Russian erotic folklore]. Moscow, Lodomir, 1995, pp. 273–285. (In Russ.)

Minenok E. V. *Pesni obryada Dukhovogo dnya* [Songs of the Spiritual Day ritual]. In *Russkiy eroticheskiy fol'klor* [Russian erotic folklore]. Moscow, Lodomir, 1995, pp. 286–309. (In Russ.)

Minenok E. V. “Pokhorony Stromy” v sele Shutilovo: traditsiya v sovremennosti [“Stroma’s funeral” in the village of Shutilovo: tradition in modern times]. *Zhivaya starina*. 2019, no. 4 (104), pp. 30–35. (In Russ.)

Tsybikov G. Ts. *Zabaykal'skoe buryatskoe kazach'e voysko* (Istoricheskiy ocherk) [Transbaikal Buryat Cossack Army (Historical sketch)]. In Tsybikov G. Ts. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Novosibirsk, 1981, vol. 2, pp. 157–166. (In Russ.)

List of sources

Fol'klornaya kolleksiya Instituta mirovoy literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. Ekspeditsiya 2018 g. V. L. Klyausa v Mongoliyu [Folklore collection of the Institute of World Literature named after. A. M. Gorky RAS. The 2018 expedition of V. L. Klyaus to Mongolia].

Fol'klornaya kolleksiya Instituta mirovoy literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. Ekspeditsiya 2023 g. v Mongoliyu po grantu RNF (proekt № 23-18-00478). Zapisi V. L. Klyausa [Folklore collection of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The 2023 expedition to Mongolia under the RNF grant (project No. 23-18-00478). Records of V. L. Klyaus].

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavyanskaya skazka [Comparative index of plots: East Slavic fairy tales]. Academy of Sciences of the USSR. Department of Lit. and lang. Scientific folklore council; Institute of Ethnography named after. N. N. Miklouho-Maclay. L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov (Comps.). Leningrad, Nauka, 1979. (In Russ.)

Tserkov' Znameniya Presvyatoy Bogoroditsy v sele Menza [Church of the Sign of the Blessed Virgin Mary in the village of Menza]. Kraevedcheskiy portal Krasnochikoyskogo rayona [Local history portal of the Krasnochikoysky district]. Eelectronic resource. URL: <https://нашчикой.рф/menza/#close>. (accessed 15.02.2024). (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
24.04.2024

Сведения об авторе

Кляус Владимир Леонидович – доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия).

E-mail: v.klyaus@mail.ru

ORCID 0000-0002-8147-3090

Information about the author

Vladimir L. Klyaus – Doctor of Philology, Head of Folklore Department, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

E-mail: v.klyaus@mail.ru

ORCID 0000-0002-8147-3090

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2024. № 2 (Вып. 50)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Кер-палык»

Раздел «Лингвистика»:

редактор *Е. В. Тюттешева*, оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»:

редактор и оператор электронной верстки *К. В. Жданова*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, д. 8
Институт филологии СО РАН

E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

ISSN 2712-9608

